

Содержание

ЗА СТРОКОЙ ПОСЛАНИЯ ПРЕЗИДЕНТА КАЗАХСТАНА

Султанов Б.К.	Практические меры Казахстана по преодолению последствий мирового экономического кризиса	5
---------------	---	---

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Медеубаева Ж.М.	Международные отношения на исходе первой декады XXI в.: от однополярности к...?	8
-----------------	---	---

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Морозов А.А.	Взгляд на глобализацию медиапространства через призму обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан	20
Козырев Т.А.	Нашиестроительство в современном Казахстане: вызовы и перспективы	24
Калыш А.Б.	Языковая ситуация среди казахского и русскоязычного населения Северного Казахстана	35

ЭКОНОМИКА

Нысанбек У.М.	Социально-экономический механизм реализации финансово-кредитной политики	45
Казиева Р.К.	Социально-экономическая система: генезис, классы сложности	54
Изимов Р.Ю.	Новые коррективы к антикризисному плану КНР (Насколько эффективны антикризисные меры Китая?)	61

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Мусырман А.Ш.	Теория перехода к социализму, минуя капитализм, ее реализация в Казахстане	67
Галиев В.В.	Особенности статуса российских консулов и консульств в Синьцзяне (конец XIX — начало XX в.)	72
Гусаков В.В.	Эволюция центральноазиатской махаллы (от средневекового феномена к элементу традиционного общества)	81
Ракишева Б.И.	Социально-экономическое положение соотечественников, проживающих в Великобритании (социологический анализ)	88
Дисенбекова С.С.	Прием и прохождение государственной службы в Казахстане в 1920-е гг.	95
Иренов К.Н.	Макаш Бекмухамедов о социальном положении киргиз-казахов Букеевской орды во второй половине XIX в.	101
Ильясов С.К.	К вопросу о политическом участии	105

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Cohen, A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation	111
	Dave, B. Kazakhstan — Ethnicity, Language and Power (SOAS)	113

SUMMARY	115
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	119
---------------------------	-----

Журнал «Казахстан-Спектр» включен в перечень научных изданий Комитета по контролю в сфере образования и науки Министерства образования и науки Республики Казахстан для публикации основных научных результатов кандидатских и докторских диссертаций по специальностям:

- 07.00.00 — ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 08.00.00 — ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 09.00.00 — ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
- 22.00.00 — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
- 23.00.00 — ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск Н.Б. Сейдин
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, Т.Ф. Ладченко
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87-б.
Телефон: (727) 264-34-04, Факс: (727) 264-49-95, E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 6 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №644.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

BETWEEN THE LINES OF THE KAZAKH PRESIDENT'S STATE-OF-THE-NATION ADDRESS

Sultanov B.K.	Kazakhstan's Practical Measures for Overcoming the Consequences of the World Economic Crisis	5
---------------	--	---

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Medeubayeva Zh.M.	International Relations in the End of the First Decade of the XXI century: from Unipolarity to...?	8
-------------------	--	---

INTERNAL POLITICAL AND SOCIAL PROCESSES

Morozov A.A.	View on Globalisation of Media through a Prism of Ensuring National Security of the Republic of Kazakhstan	20
Kozyrev T.A.	Nation Building in Contemporary Kazakhstan: Challenges and Perspectives	24
Kalysb A.B.	State of Language among Kazakh and Russian-Speaking Population of the Northern Kazakhstan	35

ECONOMY

Nysanbek U.M.	Socio-Economic Mechanism of Implementation of Financial Credit Policy	45
Kazieva R.K.	Socio-Economic System: Genesis and Complexity Classes	54
Izimov R.Yu.	New Amendments to Anti-Crisis Plan of the Peoples Republic of China (How Effective are China's Anti-Crisis Measures?)	61

THEORETICAL PAPERS

Musyрман A.Sh.	The Transition Theory to Socialism without Passing through Capitalism and Its Implementation in Kazakhstan	67
Galiyev V.V.	Features of the Status of the Russian Consuls and Consulates in Xinjiang (the end of the XIX — the beginning of the XX century)	72
Gusakov V.V.	Evolution of the Central Asian Mahall (from Medieval Phenomenon to Element of Traditional Society)	81
Rakisheva B.I.	Socio-Economic Situation of the Compatriots Living in Great Britain (Sociological Analysis)	88
Disenbekova S.S.	Enrolment and Passage of Public Service in Kazakhstan in 1920	95
Irenov K.N.	Makashi Bekmukhamedov about a Social Status of Kirghiz-Kazakh of the Bukeev Horde in the Second Half of the XIX century	101
Ilyasov S.K.	The Issue on Political Participation	105

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Cohen, A. Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation	111
	Davc, B. Kazakhstan — Ethnicity, Language and Power (SOAS)	113

SUMMARY	115
---------------	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	119
-------------------------------------	-----

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief B.K. SULTANOV,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication N.B. Seidin
Editor-in-Chief N.I. Shestoporova
Design & Layout: A.K. Sedvinkasov, T.F. Lashchenko
Address: 87-b Dostyk ave. Almaty-050010, Republic of Kazakhstan
Phone (727) 264-34-04, Fax (727) 264-49-85, E-mail: office@kaziss.kz
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 6, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE "Volgova Ye.V." Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

Султанов Б.К.	— шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук
Музанарова Л.М.	— заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
Абишева М.А.	— заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат политических наук
Абусентова М.Х.	— директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
Ашимбаев М.С.	— заместитель Руководителя Администрации Президента РК, кандидат политических наук
Закржевская О.Г.	— профессор кафедры международных отношений Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
Ибрашев Ж.У.	— доктор исторических наук, профессор
Лаумулин М.Т.	— главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
Нысанбаев А.Н.	— директор Института философии и политологии МОН РК, академик НАН РК, доктор философских наук, профессор
Пужоль К.	— профессор Института восточных языков и цивилизаций (INALCO) Париж, Франция
Сыроежкин К.Л.	— главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
Гажин М.М.	— министр иностранных дел РК, доктор социологических наук, профессор
Чуфрин Г.И.	— член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, KazISS under the President of the RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Economics
- Abisheva M.A.** — Deputy Director, KazISS under the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of History, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy Head, Administration of the President of the RK, Candidate of Political Sciences
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Chair, Kazakh National University named after al-Farabi, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Doctor of History, Professor
- Laumulin M.T.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Nyissanbayev A.N.** — Director, Institute of Philosophy and Political Sciences at the Ministry of Education and Science of the RK, Academician of the National Academy of Sciences of the RK, Doctor of Philosophy, Professor
- Poujol C.** — Professor of the Institute of Eastern Languages and Civilizations (INALCO) Paris, France
- Syroezhkin K.L.** — Senior Researcher, KazISS under the President of the RK, Doctor of Political Sciences, Professor
- Tazhin M.M.** — Minister of Foreign Affairs of the RK, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Практические меры Казахстана по преодолению последствий мирового экономического кризиса

СУЛТАНОВ Б.К.

Казахстан, характеризующийся высоким уровнем развития рыночных институтов, наличием существенного промышленного комплекса, развитой банковской системой, обладающий значительными инвестиционными ресурсами, первым из стран региона Центральной Азии столкнулся с финансовым кризисом и пострадал от его проявлений в наибольшей степени.

Банковская система страны, более развитая и интегрированная в мировой финансовый рынок, активно использовала современные формы ипотечного кредитования, инвестиций в рынок ценных бумаг, развитие фондового рынка и потому пострадала от финансовых потрясений на мировом рынке в первую очередь. В результате Казахстан сегодня имеет серьезные проблемы, связанные со значительной неплатежеспособностью заемщиков по ипотечным кредитам, снижением доходности банков.

Под влиянием финансового кризиса замедлились темпы экономического роста в целом. Вследствие сокращения объемов внешнего заимствования и колебаний на сырьевых рынках темпы развития реального сектора экономики снизились, так как инвестиционные программы многих отраслей и предприятий были основаны на заемных ресурсах. В течение 2008 г. объемы инвестиций в основной капитал сокращались постоянно.

На потребительском рынке в течение 2008 г. наблюдался рост инфляции, произошел рост цен на продовольственные товары и услуги. Вследствие этого реально уменьшились денежные доходы, которыми располагало население, кроме того, в БВУ было сокращено и ужесточено розничное кредитование. Все это привело к снижению потребительского спроса, и сохранение данной тенденции может оказать дополнительное давление на темпы роста деловой активности в дальнейшем.

В целях сохранения уровня благосостояния населения страны, принимаются конкретные меры, направленные на сдерживание роста цен на основные товары — заключены меморандумы с поставщиками и дистрибуторами, созданы областные стабилизационные фонды по основным продуктам питания.

В секторе малого и среднего бизнеса также сохраняются негативные тенденции, связанные со снижением как численности реально действующих предприятий, так и объемов выпуска продукции. Позитивные изменения ожидаются с решением проблем кредитования МСБ, введением нового Налогового кодекса и продлением моратория на проверки.

На рынке труда при наблюдающемся сокращении уровня безработицы проявилась тенденция к увеличению доли самозанятого населения. В дальнейшем — в условиях сокращения промышленного производства и потребительского спроса — данная категория населения может пополнить ряды безработных. Кроме того, до сих пор сохраняется дефицит квалифицированных кадров в реальном секторе экономики, что оказывает влияние на конкурентоспособность казахстанских предприятий. Главной задачей правительства на 2009 г. заявлено недопущение роста безработицы и увеличение занятости, в этих целях с крупными работодателями были заключены соответствующие меморандумы.

Сейчас каждая страна мира мобилизует для преодоления кризиса имеющиеся у нее внутренние резервы, поскольку коллективные меры в рамках ЕС, «двадцатки», других международных организаций и объединений ощутимых результатов не дали.

Казахстан противостоит кризису уже второй год. В октябре 2007 г. был составлен план действий по обеспечению стабильности экономического развития страны. На эти цели (т.е. на завершение «долевого» строительства, обеспечение продовольственной безопасности, развитие агропромышленного комплекса, поддержку малого и среднего бизнеса) было выделено 4,6 млрд долл. США.

В ноябре 2008 г. на реализацию плана стабилизационных действий было выделено еще 10 млрд долл. США, целевое использование которых было направлено на:

- 1) обеспечение устойчивости финансового сектора (4 млрд долл.);
- 2) стабилизацию рынка недвижимости (3 млрд долл.);
- 3) поддержку малого и среднего бизнеса (1 млрд долл.);
- 4) форсированное развитие агропромышленного комплекса (1 млрд долл.);
- 5) реализацию прорывных инфраструктурных и промышленных проектов (1 млрд долл.).

6 марта 2009 г. Президент РК Н.А. Назарбаев в своем Послании народу Казахстана «Через кризис к обновлению и развитию» сформулировал актуализированный план по преодолению последствий мирового кризиса и созданию необходимых социально-экономических предпосылок для посткризисного развития. Цель плана — **решение триединой задачи: процветание, безопасность, повышение благосостояния граждан** [1].

В 2009—2010 гг. на осуществление антикризисного плана дополнительно к уже выделенным средствам будет перечислено еще 4 млрд долл. США из Национального фонда. При этом золотовалютные резервы Казахстана (47 млрд) останутся нетронутыми.

Другим источником финансирования антикризисной программы послужит жесткая экономия по всем расходным статьям бюджета. По мнению Главы Казахстана, все неприоритетные государственные расходы следует свести к нулю, а высвободившиеся капиталы направить на **создание рабочих мест**, включая общественные работы.

При реализации стратегии занятости особое внимание будет уделено реконструкции и модернизации коммунальных сетей, автомобильных дорог местного значения, строительству и ремонту школ и больниц. В целом на **обеспечение региональной занятости и переподготовку кадров** будет выделен 1 млрд долл. США.

Необходимо учитывать еще один существенный фактор. Иностранцы инвесторы крайне неохотно налаживают переработку минеральных ресурсов на казахстанской территории. Поэтому оправданным является установление высоких

налогов на сырье, отказ от всевозможных льгот, послаблений и преференций, **наращивание отечественной составляющей в стратегических отраслях**. Как известно, более полная и глубокая переработка экспортируемого сырья позволяет увеличить доходы в три-пять раз.

Также необходимо сделать ставку на удовлетворение потребностей внутреннего рынка за счет собственного производства, в значительной мере отказавшись от импорта. Задача заключается в том, чтобы Казахстан превратился в крупного регионального поставщика в сфере нефтехимии. Акцент при этом предполагается сделать на производстве в нашей стране битума, химического волокна, сжиженного газа — пропана и бутана.

Одновременно будет осуществляться модернизация трех нефтеперерабатывающих заводов и строительство нефтехимического комплекса в г. Атырау.

В условиях мирового кризиса наиболее привлекательными остаются **инфраструктурные отрасли**. При неизбежном изменении структуры геоэкономики мощность инфраструктуры будет представлять серьезное конкурентное преимущество. В связи с этим в Казахстане намечено создание инфраструктурных платформ: транспортно-логистических, промышленных, энергетических, производственных систем и их объединений на всей территории страны.

Главным объектом в этой сфере является реконструкция автодорожного транзитного коридора «Западная Европа — Западный Китай» по маршруту: «Хоргос — Алматы — Актобе — Оренбург — Казань — Санкт-Петербург». В 2010—2012 гг. на этом проекте будут задействованы 50 тыс. человек.

В настоящее время мы являемся свидетелями глобального продовольственного кризиса. В результате резкого роста цен на продовольствие в 2008 г. число голодающих в мире увеличилось с 854 до 967 млн человек. В этих условиях особое внимание руководства Казахстана обращено на **развитие агропромышленного комплекса**, поскольку это позволит решить сразу две задачи — **обеспечение продовольственной безопасности и диверсификацию экспорта**. Предпосылкой для этого служит тот факт, что Казахстан обладает практически неограниченными ресурсами для производства продовольственных товаров.

Серьезным стабилизирующим фактором для социально-экономической ситуации в Казахстане стало заявление Президента Н.А. Назарбаева о том, что **все обязательства государства по увеличению социальных выплат и заработной платы бюджетникам будут сохранены в полном объеме**. В частности, начиная с января 2009 г., зарплаты бюджетников и средние размеры пенсий в Казахстане были увеличены на 25%. В 2010 г. зарплаты бюджетников и средние размеры пенсий будут увеличены еще на 25%, а в 2011 г. — уже на 30%.

Таким образом, мы надеемся, что в результате реализации комплексной системы антикризисных мер, осуществляемых в Казахстане с осени 2007 г., последствия мирового кризиса в нашей стране будут преодолены с наименьшими потерями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента РК народу Казахстана. Через кризис к обновлению и развитию // Казахстанская правда. — 2009, 7 марта.

Международные отношения на исходе первой декады XXI в.: от однополярности к...?

МЕДЕУБАЕВА Ж.М.

В начале 90-х гг. XX в., с распадом биполярной системы, Соединенные Штаты Америки получили уникальную возможность для претворения в жизнь основного постулата «отца американской внешнеполитической идеологии» Г. Моргентау о реализации вечных национальных интересов страны [1]. Перед США открылись широкие просторы для глобального доминирования. С одной стороны, прекращение глобальной конфронтации в условиях «самороспуска» враждебного блока означало исчезновение реальной военной угрозы США и превращение их в единственную военную сверхдержаву. Соединенные Штаты стали не только практически неуязвимыми перед масштабным военным нападением, но и обрели большую свободу стратегического маневра.

Первым ввел в оборот понятие «однополярный мир» и стал писать о США как о единственной сверхдержаве известный американский публицист Ч. Краутхаммер. «Преобладание Америки основано на том, что она является единственной страной, имеющей необходимую военную, дипломатическую и политическую мощь, чтобы быть решающим участником любого конфликта в любом регионе по своему выбору. Право и обязанность США — использовать всю свою мощь для того, чтобы «вести за собой однополярный мир, без стеснения устанавливая правила этого миропорядка и обеспечивая их соблюдение», — писал Ч. Краутхаммер, демонстрируя желания американских политических и академических кругов легитимизировать доминирующее положение Америки в новых геополитических условиях [2]. Данный ракурс видения проблемы наглядно продемонстрирован в концепциях двух известных американских политологов, фактически заполнивших идейно-теоретический вакуум, образовавшийся в начале 1990-х гг. после исчезновения полюсного противостояния. Речь идет о «конце истории» Ф. Фукуямы и «столкновении цивилизаций» С. Хантингтона. Несмотря на внешние принципиальные расхождения, обе концепции имеют самое прямое отношение к установкам власти и легитимации мероприятий, основанных на устаревшем понимании международной безопасности, что указывает на их прямую связь с парадигмой политического реализма. В этом свете обращает на себя внимание, что обе названные концепции исходят в своей трактовке природы международных отношений именно из распределения силы и решающей роли насилия в мировой политике. В обеих концепциях рассуждения о необходимости сохранения мира и демократии выливаются в апологию однополярного мира под эгидой США или же в поиски врага, утраченного с окончанием «холодной войны».

Известнейший американский политолог Збигнев Бжезинский прямо и без обиняков указал адрес мирового центра власти: «Америка стоит в центре взаимозависимой вселенной, такой, в которой власть осуществляется через постоянное маневрирование, диалог, диффузию и стремление к формальному консенсусу, хотя эта власть происходит, в конце концов, из единого источника, а именно: Вашингтон, округ Колумбия» [3]. По мнению Зб. Бжезинского, важнейшим следствием победы Запада над Советским Союзом в «холодной войне» и исчезновения одной из двух сверхдержав является то, что ответственность за судьбы мира ложится на оставшуюся единственной сверхдержаву — США, а ее возможности позволяют обеспечить не только защиту, но и распространение ценностей демократии, индивидуализма и рыночного общества во всем мире. Наступление Pax Americana продемонстрировало уже вооруженный конфликт в зоне Персидского залива, в результате которого стало ясно, что миру придется согласиться с мягкой американской гегемонией, утверждает Бжезинский. Близких позиций придерживается и Г. Киссинджер, хотя он не столь прямолинеен в их обосновании. С его точки зрения, победа США в «холодной войне» возлагает на них нелегкую, но вполне посильную миссию единственного лидера в поддержании равновесия сил в мире. В то же время он выступал против ведущей роли США в экспансии НАТО, полагая, что это дело, прежде всего, самой Западной Европы.

Концепция «униполярности», выработанная сотрудником госдепартамента США А.Л. Страусом, была теоретизированным вариантом попыток придания легитимности американскому доминированию: «Униполярность представляет собой конечную точку определенной эволюции, начавшейся в ранние времена модерна с образованием многополярного баланса могущества, который в XX в. стал биполярным. Этапы как бы обречены печатью неизбежности: многополярность, биполярность, униполярность». Последующие рассуждения автора относительно того, что «всеобщий униполяризм — или отсутствие внешнего баланса могущества — в сочетании с элементом многополярности во внутреннем балансе влияния» обеспечивают лидерство Америки внутри униполя, которое «носит характер первенства среди равных», отнюдь не отменяет главного вывода, ради которого, по большому счету, и строилась вся теория. Суть его в следующем: «На смену существовавшим в рамках многостороннего баланса параллельным империям соперничающих держав пришла возникшая в большей части мира система гегемонии, действующая при посредстве концентрических кругов: в самом ее ядре — Америка» [4].

Но американское превосходство в качестве гегемона современного мира стало оспариваться тем, что к концу XX в. на поведение мирового сообщества все сильнее начинают оказывать влияние новые движущие силы, отличные от тех, которые традиционно действовали в рамках Вестфальской системы. Усиление процессов глобализации, демократизация международных отношений оказывают прямое и опосредованное влияние на формирование конструкции глобальной системы. Международные процессы последнего десятилетия указывают на то, что мир слишком велик и политически сложен, чтобы уместить его в рамки однополярного мира. Также невозможно обнаружить активность новых системообразующих сил и их движение в сторону если не консолидации, то хотя бы корреляции намерений. Трансфертный характер современной системы международных отношений с самого начала 1990-х гг. является тем фактом, который подтверждает тезис о

невозможности абсолютного господства отдельно взятой державы при условиях транснационализированного мира. Причем переходное состояние глобальной международной системы не остается неопределенным, вырисовывается тенденция, направленная в сторону коллективных начал в мировой политике. Если учесть, что даже в годы биполярного противостояния латентно присутствовали элементы полицентричности, то распад этой системы теоретически должен был высвободить центробежные силы, ведущие к многомерности мировой экономической системы. Вместе с тем получили свободу действия все те намерения, которые в течение 1990-х гг. сотрясали мир, влившись в кровопролитные этнополитические столкновения в разных частях земного шара. В таких условиях США на непродолжительное время получили в свои руки «пульта управления» мировым процессом принятия политических решений благодаря колоссальным внешнеполитическим ресурсам. Этому способствовал экономический подъем в стране, который длился до конца 90-х гг. XX в.

Мнения ученых и экспертов, в том числе и американских, сходятся в том, что «американский век» закончился в первые же годы нового XXI в. Ряд ученых утверждают, что, по сути, абсолютной однополярности быть не может в силу уплотненности международной среды в условиях глобализации. Римская империя как центр мира в эпоху «седой античности» не может служить историческим аналогом, потому что международная среда тогда была слишком уж разряженной по сравнению с современной стадией развития. Также усилившаяся полифункциональность мировой политики ограничивает лидерские возможности США, вынуждая создавать вокруг себя кольцо из сателлитов и единомышленников. Недаром перед каждой «глобальной акцией» американская дипломатия в поте лица трудится над убеждением мирового сообщества в важности планируемого мероприятия и сколачивания коалиции союзников. Америка имеет в своих руках рычаги финансово-экономической власти в мире, но логика наступившей геоэкономики и вопросы ресурсного обеспечения мировой экономики заставляют впускать в процесс принятия решений сильных акторов. Эти свойства американского унитаризма наиболее удачно зафиксированы в работах японского ученого Ахикихо Танака. По его схеме современный мир является одновременно одно-, трех- и пятиполярным. Он является однополярным в том смысле, что только США обладают абсолютным превосходством над всеми странами мира по совокупности своих возможностей. Международные отношения трехполярны, если речь идет об экономике. Здесь роль полюсов играют национальные государства, экономически самые сильные в мире: США, Япония и Германия. Мир предстает пятиполярным в организационно-политическом отношении. США, Россия, Китай, Великобритания и Франция являются организационно-политическими полюсами мира в той мере, как эти страны обладают, по мнению Танака, во-первых, обширным опытом участия в управлении мировой политикой и принятии ключевых международных решений; во-вторых, наличием каналов и возможностей для участия в миросистемном регулировании [5]. Схема А. Танака отражает условный и эфемерный характер однополярного мира.

Определение российским ученым А.Д. Богатуровым характера системы международных отношений как «плюралистическая однополярность» наилучшим образом подходит к реалиям конца 90-х гг. XX в. «Типологически эта структура может быть отнесена к комбинированным. Но она складывается преимущественно

в рамках вектора однополярного развития. Это, конечно, не однополярность в чистом виде — в той мере, как источником направленных импульсов в мировой политике оказываются не единолично США, а Соединенные Штаты в плотном окружении стран «семерки», сквозь призму или фильтры которой преломляются, становясь более умеренными, так или иначе, меняя свою направленность собственно американские национальные устремления. Новая однополярность обещает быть однополярностью смягченного, «плюралистического» типа, в рамках которого сильнейшая держава мира, по-видимому, не будет обладать возможностями жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира, хотя может пользоваться труднооспоримым влиянием» [6]. Идея Богатурова в полной мере учитывает мощь США в качестве лидера современного мира, хотя и окруженного критически настроенным сообществом. Главным аргументом в пользу доминирования Америки он считает то, что США по своей мощи далеко ушли в отрыв от тех, кто претендует на участие в решении глобальных дел, и пока на горизонте нет такого образования, которое сравнилось с США в военно-политическом плане.

Но американская военно-политическая, экономическая мощь недолго служила аргументом для убеждения мировой общественности в несомненном превосходстве США. Вдумчивый и тщательный анализ состояния американского государства в начале XXI в., предпринятый рядом ученых и экспертов, показал, что у США не так много сил и возможностей для выполнения своей «глобальной миссии». Одним из первых усомнился в состоятельности сложившихся представлений об американском могуществе французский исследователь Эмманюэль Тодд. В своей книге «После империи. Рах Америка — начало конца», вышедшей в 2002 г., на основе анализа многочисленных данных он делает заключение об охватившем Америку кризисе и, как следствие, о наступлении конца американского господства. По его мнению, воинственность американцев (военные акции в различных регионах планеты) в деле урегулирования мировых проблем не показатель их силы. Наоборот, слабости! Америкой движет страх оказаться в изоляции, стать бесполезным игроком на мировой арене, потому что она не может обойтись без остального мира, тогда как мир научился обходиться без США. Отсюда страсть американцев к «театральному милитаризму», который выражается в затяжных, безрезультатных военных акциях против стран, намного уступающих в силе. Америка не решает проблемы, она их консервирует для обоснования и сохранения своей роли в качестве спасателя человечества и мира на земле [7]. Несмотря на некоторый гиперболизм, идеи Тодда предвосхитили сегодняшние реалии в международных процессах. То, что появление его книги в 2002 г. вызвало большой интерес и стало самым обсуждаемым событием в академическом мире, говорит о злободневности и востребованности научных поисков по осмыслению истинной картины современного мира.

Точку на однополярности во главе с США поставили и сами американские исследователи. Известный американский теоретик международных отношений Ричард Хаас так и написал: «Прощай, однополярность!». «Чарльз Краутхаммер оказался прав больше, чем сам это осознавал, когда почти два десятилетия назад на страницах *Foreign Affairs* обозначил сложившуюся геополитическую ситуацию как «момент однополярности». Тогда доминирующее положение США было реальным. Но оно продлилось всего лишь 15 или 20 лет. Для истории это одно

мгновение», — пишет он в своей работе «Эпоха бесполярного мира». Теперь Америка не в силах удерживать в своих руках бразды правления и показателем этого является следующая картина мира: «Другие государства, вероятно, останутся глухи к призывам американцев реформироваться, американские программы помощи будут иметь меньшую отдачу, санкции, вводимые США, окажутся менее эффективными. В конечном счете страной, которая смогла повлиять на Северную Корею по вопросу о ее ядерной программе, оказался Китай. Давление Вашингтона на Тегеран было усилено благодаря поддержке нескольких западноевропейских стран и ослаблено из-за нежелания Китая и России вводить санкции против Ирана. Пекин и Москва снизили эффективность международного воздействия на правительство Судана с тем, чтобы оно прекратило войну в провинции Дарфур. Способность игнорировать настойчивые требования Соединенных Штатов неоднократно демонстрировал Пакистан, то же можно сказать о Венесуэле, Зимбабве, Иране и Северной Корее» [8].

Примечательно название книги другого американского специалиста в области международных отношений Ч. Капхена «Закат Америки: Уже скоро». По его мнению, абсолютное превосходство Америки невозможно с точки зрения логики развития современного мира. Замена индустриальной эпохи эрой цифровых технологий девальвирует значение тех институтов, на которых держалась мощь американского государства. Продолжая эту линию рассуждений, Ч. Капхен подчеркивает, что «переход от эпохи к эпохе, как правило, сопровождается “смутными временами”, из чего следует, что завершение нынешнего исторического цикла ознаменуется не столько демократическим миром и глобальным консенсусом, сколько грандиозными переменами в политической и геополитической жизни», и эта турбулентность будет сопровождать (и выражаться) возврат к мультиполярному миру и растущее напряжение между лидерами и аутсайдерами цифровой технологической гонки. «Смутное время» рубежа веков демонстрирует, таким образом, ряд достаточно четко выраженных процессов. Однополярный мир не состоялся, и в современной международной системе происходит становление новых глобальных центров силы и экономического роста, что ведет к более равномерному распределению ресурсов развития и контроля за природными богатствами. Все в большей мере актуализируется вопрос о необходимости встраивания интересов формирующихся центров силы — Китая, Индии, Бразилии — в структуру международных режимов и институтов. Эти процессы будут протекать в ближайшие полтора-два десятка лет в мире, где будет сохраняться убывающее доминирование США [9].

Джордж Фридман, американский политолог и публицист, основатель и ведущий эксперт частной корпорации Stratfor, специализирующейся на информации и анализе в сфере геополитики, в своей работе «Новый президент и глобальный ландшафт» жестко и без риторических прикрас анализирует задачи и перспективы внешней и военной политики США в конце первой декады XXI в. Из его работы следует, что внешняя политика Буша была некорректно выстроенной в том плане, что она не смогла адекватно реагировать на появляющиеся вызовы и угрозы американским интересам как в глобальном, так и региональном масштабе и действовать в нужном направлении. По мнению Фридмана, главным препятствием в реализации внешнеполитических интересов США является ограниченность ресурсов. Сегодня Америка неспособна стоять на страже мира,

находясь одновременно и в Ираке, и в Афганистане. Возможно, он выражает мнение определенных кругов, заинтересованных финансово и экономически в милитаризме, когда делает вывод о необходимости увеличить военные расходы для того, чтобы противостоять нарастающей опасности со стороны России, но интересной в его работе является основная идея о несостоятельности представлений о США как о могущественной супердержаве, обладающей колоссальной военно-политической мощью [10].

С мнением о потере США руководящей роли на мировой арене согласны Зб. Бжезинский, Ф. Фукуяма и К. Лейн. Они пытаются раскрыть причины провала усилий по закреплению американоцентричного мирового порядка и высказать предложения по исправлению допущенных ошибок. В новой работе Зб. Бжезинского «Второй шанс» неоконсерватизм в США определяется как «подновленная версия империализма», не имеющая ничего общего с новыми глобальными реалиями и общественными течениями. Администрация Дж. Буша не смогла выработать по-настоящему новый взгляд на мир. Она, сверх того, не учла необходимость найти в его архитектуре место для России, Китая и других важных игроков — место, приемлемое не только для Вашингтонских политиков, но и для самих этих стран [11].

Если однополярная система международных отношений во главе с США уже ушла или уходит с исторической авансцены, то что пришло на ее место? И если США больше не могут принимать односторонние решения и реализовать их, то какие силы определяют сегодня судьбу отдельных стран и целых регионов? При осмыслении этих непростых вопросов на ум сразу приходит идея о многополярности современной системы международных отношений, которая считается состоятельной благодаря историческим аналогам в период с XIX и до 40-х гг. XX в.

По мнению ряда ученых и политических деятелей, исчезновение идеологического возбудителя мировой политики в виде противоборства «коммунизм — антикоммунизм» позволяет вернуться к традиционной структуре отношений между национальными государствами, характерной для более ранних этапов Вестфальской системы. В этом случае распад биполярности предполагает образование многополярного мира, полюсами которого должны стать наиболее могущественные державы, сбросившие с себя ограничения корпоративной дисциплины в результате дезинтеграции двух блоков, миров или содружеств. Известный ученый и бывший госсекретарь США Г. Киссинджер в одной из последних своих монографий «Дипломатия» предсказывает, что формирующиеся после «холодной войны» международные отношения все больше будут напоминать европейскую политику XIX в., когда традиционные национальные интересы и меняющееся соотношение сил определяли дипломатическую игру, образование и распад союзов, изменение сфер влияния [12].

В США еще в 1992—1994 гг. идея о многополярности, установившейся после ухода биполярности, была высказана известными американскими политологами-международниками Джоном Гэддисом, Чарльзом Кегли и Грегори Реймондом. На основе богатого фактического материала они пытались обосновать вывод о возвращении многополярности сразу после развала системы, основанной на противостоянии двух супердержав [13].

Особого внимания заслуживает идея «постмеждународной политики» известного американского теоретика международных отношений Джеймса Розенау

с точки зрения перспектив формирования конструкции многополярного мира. Согласно Розенау, постмеждународная политика по своей сути многополярна. Он выделяет три основных уровня многополярной структуры. «Макропараметр» вмещает в себе две параллельно существующие и сложно взаимодействующие сферы — традиционные межгосударственные отношения и новые транснациональные отношения, представленные «акторами вне суверенитета». «Микропараметр» обеспечивает взаимодействие индивида с миром международной политики. «Реляционный» параметр предназначен для адаптации правительств и международных правительственных организаций к изменяющейся внешней среде. Достоинствами идеи Розенау являются выстраивание конкретной модели системообразующих механизмов многополярного мира и выявление такого его характера, как гибкость, приспособляемость к переменам среды системы [14].

Тьерри де Монбриаль, директор Французского института международных отношений (IFRI), считает, что мир становится многополярным и гетерогенным, но в обозримом будущем основные тенденции будут связаны, очевидно, с позицией Соединенных Штатов и «исламским влиянием», построением единой Европы, возвращением России на мировую арену и перегруппировкой Азии вокруг Китая. Согласно его мнению, новая многополярность по сравнению с прежними аналогами совсем другая. Если прежние многополярные системы были европейскими, то есть гомогенными, то нынешняя многополярность гетерогенная. «Сказать, что мироустройство гетерогенно — значит признать, что общественно-политические образования, и особенно на фоне их превращения в самостоятельные полюсы, не разделяют в одинаковой степени ценности, заложенные в эпоху Просвещения и безоговорочно признанные Европейским Союзом и США», — пишет он [15].

В российской науке о международных отношениях сложилось два течения по вопросам характера современного мироустройства и реальности многополярной системы. Первое рассматривает многополярный мир как действительность и обосновывает наступление такого порядка. К нему можно отнести российского специалиста по международным отношениям О.Н. Быкова, в монографии которого «Международные отношения: трансформация глобальной структуры» есть глава, название которой говорит само за себя: «Грядущая многополюсность». Согласно его мнению, многополюсность есть естественный, объективный процесс, а не искусственное концептуальное построение. «Сколько говорилось о всеисилии США, способных будто бы насадить свою глобальную однополюсность. Но разразился иракский кризис (2003 г.), и стало совершенно очевидно, что мировую политику нельзя направлять только из Вашингтона. Пришлось принимать в расчет позиции Парижа, Берлина, Москвы, Пекина и столиц многих других государств. Со всей убедительностью заявила о себе формирующая, но уже вполне ощутимая многополюсность» [16] (о втором течении будет сказано ниже — М.Ж.).

Российские исследователи Л. Ивашов и И. Кефели видят многополярную структуру в двух вариантах:

1. «Цивилизационная» многополюсная модель, предполагающая структуризацию системы пространственно-силовых отношений, исходя из деления мира на ряд локальных цивилизаций: славяно-православная (евразийская) во главе с Россией, западная во главе с США (возможен раскол на два блока: США — Западная Европа во главе с Германией, исламская цивилизация (пока нет явного

лидера), буддистская цивилизация на Востоке (Япония, Китай, Южная Корея), периферийные цивилизации (африканская, латиноамериканская).

2. Региональная многополюсная модель, при которой мир разделен на группы стран, находящихся в географической близости друг от друга, и в каждой группе есть «лидер» [17].

Движению мирового сообщества в сторону многополярности способствует регионализация международных отношений. Регионализация в виде высокоинтегрированного Европейского Союза, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Содружества Независимых Государств, АСЕАН, Североамериканской зоны свободной торговли, аналогичных образований, зарождающихся в Латинской Америке и Южной Азии, движется в сторону создания реальных центров международных отношений в многостороннем формате.

Идея многополярного мира в некоторой степени приобретает доктринальный характер. Известный российский ученый Е. Примаков, будучи министром иностранных дел РФ, уделял значительное внимание феномену зарождения многополярности. В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом В. Путиным в июле 2000 г., среди новых вызовов и угроз национальным интересам России называлась тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США. Для противодействия этому предлагалось добиваться формирования многополярной системы международных отношений. «Борьба за многополярное мироустройство представляет собой не противостояние кому бы то ни было, а стратегию последовательных шагов по формированию новой архитектуры международных отношений», — пояснял российский министр иностранных дел того времени И. Иванов [18].

Идея многополярности стала одной из центральных в программных партийных и государственных документах КНР, хотя акцент в них делается, скорее, не на попытке адекватного отражения сути нового этапа международных отношений, а на задаче противодействия реальному или мнимому гегемонизму, недопущения формирования однополярного мира во главе с Соединенными Штатами.

Динамика экономического усиления Китая и повышение его внешнеполитической активности, поиск Японией более самостоятельного, подобающего ее экономической мощи места в мировой политике вызывают подвижки в геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Россия, «восставшая из пепла», активно наращивает свои внешнеполитические ресурсы с тем, чтобы сказать свое слово в мировой политике. Индия, Бразилия, развивающиеся быстрыми темпами, встраиваются в ряд акторов, оспаривающих первенство у стран «золотого миллиарда».

Как правило, вышеуказанные тренды находят отражение в научной, политической мысли, тем более что глобальный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., уже внес свои корректировки в существующую систему международных отношений. Но соответствует ли действительность теоретическим рассуждениям? С другой стороны, если наступает многополярный мир, то что мы должны ожидать от него в условиях нынешней среды международных отношений?

«Формально «Ялтинская система» была попыткой восстановить довоенный мультиполярный мировой порядок, но на практике она заложила основы «холодной войны», то есть биполярной политической системы. Реальный мультиполяр-

ный мировой порядок есть система «равновесия силы», система соперничества силы и в этом родственен биполярному мировому порядку. Более того, всякая мультиполярная система в критической ситуации неизбежно трансформируется в биполярную. Иначе говоря, всякая мультиполярная система мирового порядка является латентно биполярной. Отсюда чрезвычайно важный вывод: мультиполярный мир как позитивная альтернатива униполярности есть либо опасное заблуждение, либо стремление заполнить паузу неопределенности на период наращивания потенциала, позволяющего претендовать на место в биполярной системе» [19]. Такой вывод Национальной лаборатории внешней политики Российской Федерации характеризует отношение второго течения (о первом было сказано выше — М.Ж.) в научных кругах России к перспективам многополярного мира. Причем внутри этого течения наблюдаются два подхода: первый считает, что многополярный мир в принципе есть наилучший вариант для мироустройства, но в данный момент он невозможен в силу отсутствия полюсов, равноценных США (например, А.Д. Богатуров); второй подход не приемлет такой порядок, считая его потенциально деструктивным, особенно, для периферийных регионов (например, А.Г. Яковлев) [20].

Американский исследователь Р. Хаас считает, что в современных условиях возвращение к классической многополярности невозможно и поэтому корректно будет говорить о наступлении принципиально новой эпохи в международных отношениях: в XXI-м столетии основной чертой международных отношений станет бесполярность: доминировать будут не одно, два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать различное влияние на положение дел в мире. Новая ситуация коренным образом отличается от той, что была в прошлом, и представляет собой принципиальное изменение расстановки сил. Согласно Хаасу, многополярный порядок эпохи глобализации и транснационального мира будет бесполярным порядком, потому что в сегодняшнем мире сила не сконцентрирована, она все больше рассредоточивается в большей степени в среде «новых акторов» международных отношений [21].

Другой американский исследователь Р. Роузкранц, признавая возможность установления многополярности, указывает на ее негативный, деструктивный характер. Он считает, что с исчезновением сдерживающих, ограничивающих факторов увеличится количество конфликтов малой интенсивности [22].

Российский эксперт В. Филин в своей статье «Наступает эпоха глобального хаоса» разделяет мнение российских и западных аналитиков о том, что планета вступила в фазу эволюции, которую можно охарактеризовать как «новый многополярный миробеспорядок». Ученые, эксперты на Западе сейчас задаются вопросом: многополярность мира — это хорошо или плохо? И приходят к выводу, что сказать определенно что-нибудь по этому поводу невозможно хотя бы потому, что сначала необходимо различать многополярный порядок и многополярный беспорядок. При этом, согласно мнению многих, сегодня в мире царит как раз многополярный беспорядок, а форма нового многополярного порядка пока даже и не просматривается. Соглашаясь с такими доводами, В. Филин считает исходной точкой многополярного хаоса ливано-израильскую войну 2006 г., которая убедительно продемонстрировала радикальные перемены в балансе между традиционными и новыми акторами, невозможность применения прежних инструментов в решении межгосударственных проблем [23].

Не так давно реальность прихода многополярного мира наткнулась на идею американо-китайского «дуополия». Появление в 2008 г. в Соединенных Штатах Америки и Китае публикаций на тему «партнерства равных» и «совместного господства» указывает на возможность создания новых альянсов, способных изменить расстановку сил в глобальном масштабе. Их авторы в духе теории гегемонистской стабильности прочат США и Китай на роль ведущих супердержав современного мира на паритетной основе. Недаром главным достижением администрации Дж. Буша-младшего считается сближение с Китаем. Также примечательно и то, что государственный секретарь при новом президенте США Б. Обаме Х. Клинтон, изменив сложившейся традиции посещения главы внешнеполитического ведомства новой администрации в первую очередь Ближнего Востока, нанесла визит в страны Азии, такие, как Китай, Япония, Индонезия и Южная Корея. Находясь в Токио, Х. Клинтон заметила, что для «Японии и США очень важно развивать позитивные отношения с Китаем... Возможно, это наша самая серьезная задача» [24].

Критический анализ настоящей или грядущей многополярной системы международных отношений зарубежными учеными выделяет следующую ее характеристику:

1. Плохая управляемость из-за рассредоточенности силы на мировой арене и неспособности прежних институтов осуществлять свои функции.
2. Большой диапазон акторов, преобладание акторов вне суверенитета.
3. Конфликтность, конфликты частые, но малой интенсивности.
4. Большинство аналитиков считает, что баланс сил, характерный для традиционной эпохи международных отношений, также будет лежать в основе многополярности начала XXI в., а создание принципиально нового механизма урегулирования в ней, основанного на коллективистских, демократических началах, затянется на неопределенное время.

Также считается, что многополярность объясняет скорее форму, чем суть новой системы международного взаимодействия. При определенной автономизации полюсов в западном мире не просматривается появление новых сколько-нибудь радикальных разделительных линий противоборства между Северной Америкой, Европой и АТР. Также при некотором возрастании уровня антиамериканской риторики в российской и китайской политических элитах более фундаментальные интересы обеих держав толкают их на дальнейшее развитие отношений с Соединенными Штатами. Расширение НАТО не усилило центростремительные тенденции в СНГ, чего следовало бы ожидать по законам многополярного мира. Анализ взаимодействия постоянных членов Совета Безопасности ООН, «восьмерки» свидетельствует о том, что поле совпадения их интересов значительно шире области разногласий при всей внешней драматичности последних.

Еще один фактор, препятствующий поляризации международных отношений в рамках многополярного мироустройства, состоит в том, что экономическое благополучие и политическая стабильность многих крупных государств зависят от международной системы. И они, соответственно, не хотят разрушать миропорядок, который служит их национальным интересам. Эти интересы тесно связаны с идущими через границы потоками товаров, услуг, людей, энергоресурсов, инвестиций и технологий — потоками, в обеспечении которых

Соединенные Штаты играют очень важную роль. Интеграция в современный мир ослабляет возможность конкуренции и конфликтов между традиционными и новыми акторами.

Консолидации отдельных стран вокруг центров притяжения сил регионального или глобального масштабов мешает тот факт, что у многих государств есть свои «скелеты в шкафу», которых они хотели бы прятать дальше при помощи далекого, но надежного покровителя. Статус-кво, поддерживавшееся и поныне, позволяло «заморозить» многие территориальные споры, межгосударственные проблемы, мешая тем самым их цивилизованному решению, налаживанию и развитию регионального сотрудничества. Сложившаяся система межгосударственных, мирохозяйственных связей, несмотря на всю асимметричность, деформированность в угоду определенным силам, все же позволяла развивающимся странам извлечь выгоду, укрепиться экономически. Считается, что в этом плане особо преуспел Китай.

Наряду с выявлением негатива, многие исследователи отмечают достоинства многополярного мироустройства. Как было отмечено выше, известный американский теоретик международных отношений Дж. Розенау обосновывает гибкость, приспособляемость многополярности к переменам среды системы [25]. Российский исследователь Л.Н. Клепацкий считает, что многополярность в ее разнообразных измерениях представляет реальную платформу обеспечения баланса интересов участников мирового процесса. Он также отмечает такую особенность современной трансформации в сторону многополярного мира, как ее способность корректироваться членами мирового сообщества [26].

Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в своем выступлении на XI-м съезде Ассоциации евразийских университетов в Астане в марте 2009 г. говорил о том, что одним из важнейших последствий глобального экономического кризиса является наступление многополярной системы международных отношений [27].

Многополярная система представляет собой среду, полную неожиданностями, новыми вызовами и угрозами, но также и надеждами. Последствия влияния такой среды на внешнюю политику республики может быть в следующих вариантах:

■ В связи с поляризацией в процессе системообразования по типу многополярности многовекторная политика РК подвергнется пересмотру. Стране придется определиться: с кем быть? Возможно, даже речь пойдет о том, чьим сателлитом быть, если учесть соседство с двумя гигантами мировой политики, которым отводится роль центров притяжения сил в новом мироустройстве. Такой вариант возможен при установлении многополярности традиционного типа, где структура системы будет построена на балансе сил и соперничестве между полюсами.

■ Демократизация международных отношений, развитость международных институтов в современную эпоху придадут урегулируемость, коллективизм наступающей многополярности. В таком «демократичном» многополярном мире Казахстану удастся поддерживать позицию равноудаленности от всех полюсов, включая Россию и Китай, и сохранить за собой право выбора приоритетов во внешней политике. Использование регионализма, одного из источников многополярности, даст возможность стране упрочить свое положение в региональном и глобальном масштабах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моргентау Г. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. — 1997. — №2. — С. 12—24.
2. Krauthamme, Ch. The unipolar moment revisited // *The National Interest*. — 2002/2003, Winter. — No. 70. — P. 17.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М.: Международные отношения, 1998. — С. 40—41.
4. Стравус А.Л. Униполярность. Концентрическая структура нового миропорядка и позиция России // *Полис*, 1997. — №2. — С. 27, 29, 32.
5. Tanaka, A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // *Prospects for Global Order*. — Vol. 2. — L.: Royal Institute of International Relations, 1993. — Pp. 25—37.
6. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. — С. 291.
7. Тодд Э. После империи. *Rax Americana* — начало конца. — М., 2004. — 235 с.
8. Хаас Р. Эпоха бесполярного мира // *Россия в глобальной политике*. — 2008, июль-август. — №4.
9. Капхен Ч. Закат Америки: Уже скоро. — М., 2004. — С. 526.
10. Friedman, G. The New President and the Global Landscape // <http://www.stratfor.com>.
11. Brzezinski, Z. *Second Chance. Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. — N.Y.: Basic Books, 2007. — P. 37.
12. Kissinger, G. *Diplomacy. A Touch-Stone Book*. Printed by Simon and Schuster. — N.Y., 1994. — Pp. 23—24.
13. Gaddis, J.L. *International relations. Theory and the end of Cold War // International Security*. — 1992. — Vol. 17. — No. 3. — Pp. 5—58.; Kegley, Ch.W., Raymond, G. *A Multipolar Peace? Great Power Politics in the Twenty-First Century*. — N.Y., 1994.
14. Rosenau, J.N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. — Princeton, 1990.
15. Монбриаль Тьерри де. Многополярность и многообразие // *Россия в глобальной политике*. — 2007, ноябрь-декабрь. — №6.
16. Быков О.Н. Международные отношения: трансформация глобальной структуры. — М.: Наука, 2003. — С. 375.
17. Ивашов Л., Кефели И. О доктрине геополитической безопасности России // <http://www.pasledie.ru>.
18. Концепция внешней политики Российской Федерации // *Российская газета*. — 2000, 11 июля.
19. Национальная лаборатория внешней политики, 2002 // <http://www.nlvp.ru>.
20. Яковлев А.Г. Биполярность — главный параметр мирового сообщества и вчера, и сегодня, и завтра // *Китай в мировой и региональной политике: информ. бюллетень / ИДВ РАН*. — М., 1997. — №13. — С. 38—39.
21. Хаас Р. Цит. пр.
22. Rosecrance, R. *The Role of the United States in the Future International System // The International System after the Collapse of the east-west order*. — Dordrecht, Boston, London, 1994. — P. 525.
23. Филин В. Наступает эпоха глобального хаоса // *Золотой Лев*. — 2006. — №87-88 // <http://www.zlev.ru>.
24. <http://www.vesti.ru>.
25. Rosenau, J.N. *Op. cit.*
26. Клепацкий Л.Н. Мегатренды мирового развития // <http://www.KNOGG.net>. — Knowledge, Growth and Globalisation.
27. *Казахстанская правда*. — 2009, 11 марта.

Взгляд на глобализацию медиапространства через призму обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан

МОРОЗОВ А.А.

Очередной виток научно-технической революции, динамичное развитие телевидения и Интернета и, как следствие, зарождение глобального информационного общества привели к возникновению новых политических технологий. Одной из основных черт современной политики стала ее виртуализация, то есть переход реальных политических персонажей в виртуальное пространство. Этот феномен получил множество определений: «сетевая политика», «виртуальная политика», «медиакратия», «нетократия».

Многие исследователи вполне серьезно полагают, что власть вполне может подменять реальную политику виртуальной. Теоретик информационных технологий, французский философ Ги Дебор в своей книге «Общество спектакля» констатирует, что зрелище, или спектакль, становится центральным образующим явлением современного общества: «Все, что раньше существовало непосредственно, теперь переходит в область репрезентации» [1]. В таком обществе, по мнению автора, люди утрачивают способность воспринимать реальность на основании общественных и личных отношений, знания и опыта. Вместо этого, реальность формируется из «телевизионных картинок». Ги Дебор считает, что власть целенаправленно способствует трансформации так называемого гражданского общества в общество спектакля, так как в этом случае значительно возрастают возможности манипуляции таким обществом, люди погружаются в управляемое состояние, лишаются возможности принимать самостоятельные решения, в результате «индустрия отчужденного труда сменяется не менее отчужденной индустрией досуга» [2].

Земляк Ги Дебора философ Жан Бодрийяр, развивая марксистское понятие надстройки, ввел в философский словарь понятие «гиперреальность». Единицами гиперреальности являются симулякры, то есть знаки или символы, к которым он относил все современные феномены, в том числе общественное мнение, функционирующее по принципу символического обмена. Современную эпоху Бодрийяр называл эрой гиперреальности, когда труд не производит, а социализирует, представительные органы власти никого не представляют, вещи и идеи существуют автономно и эффективно воспроизводят лишь сами себя. В результате в конце

XX в. человечество утратило четкую систему координат, вследствие чего стало невозможно определить, где добро, а где зло, где истина, а где ложь. Согласно автору, современную эпоху характеризует чувство утраты реальности.

Авторы книги «Нетократия — новая правящая элита и жизнь после капитализма» А. Бард и Я. Зодерквист развивают эти рассуждения и утверждают, что новый класс так называемых «нетократов»^{*} уже находится у власти и скоро полностью вытеснит традиционную политическую элиту, не способную обеспечить эффективную коммуникацию в глобальной информационной сети.

Киноиндустрия откликнулась на эти тенденции, обобщив их в фильме «Матрица», сфокусировавшем внимание на манипулятивных возможностях сети и новых коммуникационных технологий. Основная мысль «Матрицы», на наш взгляд, заключается в том, что лишь немногие обладают истинным пониманием ситуации, а разум остальных отравлен симулякрами, искажающими существующую реальность. То есть старый тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» приобретает вполне реальные очертания.

Естественно, что такое положение вещей вызвало противодействие со стороны общества (особенно представителей его левого политического сегмента). Конечно, общество не могло противопоставить государству или корпорациям адекватный по масштабу собственный информационный ресурс. Однако мириться с существующей ситуацией тоже не хотели. Нужен был асимметричный ответ. В качестве этого ответа появились так называемые «тактические медиа». Тактические медиа — это легитимные, дешевые и эффективные средства коммуникации, позволяющие влиять на информационную повестку дня. В качестве таких средств можно назвать самиздат, FM-радио, Интернет и, на наш взгляд, даже такую экзотичную форму воздействия на общественное мнение, как флэш-моб.

В Казахстане первый всплеск активности в использовании тактических медиа, на наш взгляд, произошел в период с 2000 по 2001 г., когда в пространстве Казнета появились сайты «Азиопа», «Коготь барса», «Компромат» и другие. В качестве примера тактических медиа, существующих в казахстанском информационном поле, сегодня можно назвать такие проекты, как КУБ — клуб универсальной безопасности, построенный на принципе блоггинга, интернет-радио «Инкаринфо» (оба проекта ныне блокируются Казхаттелекомом) или акции движения «Нур Отар», безусловно, привлекающие к себе внимание СМИ.

Интернет упростил жизнь многим изданиям. Так или иначе, журналисты все больше работают с Интернетом как с источником информации. Публикация в сети актуального и тем более сенсационного материала мгновенно находит отражение в прессе.

Тактические медиа отличаются от обычных средств массовой информации не только своей виртуальностью и возможностью быстро и дешево публиковать новости, но и, прежде всего, своей неподконтрольностью, независимостью и, что самое главное, возможностью совершенно анонимного распространения информации. Самый свежий пример — новость о бизнесе четы Храпуновых в Швейцарии, озвученная западной прессой и подхваченная отечественными СМИ, или вариант книги «Крестный тест», разосланный якобы от имени Р. Алиева ведущим журналистам.

* Нетократы — от слов *net* — сеть и *kratia* — власть. То есть те, кто оказался способен определять контент глобальной информационной сети и научиться эффективно управлять новыми формами коммуникаций.

Естественно, что власть пытается ограничить возможность использования «тактических медиа»: приравнивание интернет-ресурсов к СМИ, что требует их регистрации в МКИ, и другие попытки законодательного регулирования Интернета. Однако до сих пор это удается очень плохо, поскольку любой закрытый сайт через некоторое время восстанавливается. Достаточно привести в качестве примера интернет-газету «Навигатор», потом «Навигатор-2», потом «Нави», потом «Мизинов.нет» и, наконец, «Зонакз.нет».

Последние инициативы Агентства по информатизации и связи по разработке закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам информационно-коммуникационных сетей» направлены, по мнению разработчиков, на минимизацию рисков для национальной безопасности РК, связанных с распространением информации через Интернет. Разработчики законопроекта предлагают изменить понятие «веб-сайт» на «интернет-ресурс». Такое изменение понятий приведет к тому, что не только веб-сайты, но и другие формы распространения информации (блоги, чаты, форумы, комментарии) будут считаться СМИ. Соответственно, и блоггеры, и комментаторы, и «чатлане», и владельцы этих интернет-ресурсов будут приравнены к журналистам и редакторам и будут нести уголовную, гражданскую, административную ответственность. Поскольку целью нашей работы не является оценка этого законопроекта, мы не будем останавливаться на нем подробно. Однако, на наш взгляд, эта инициатива свидетельствует о: во-первых, определенной растерянности государственных органов перед лицом новых вызовов глобализации и НТР; во-вторых, о понимании потенциальных угроз, которые несут глобальные информационные потоки.

Именно тот факт, что информационная война стала утверждаться в казахстанской, да и, пожалуй, во всей постсоветской реальности, превращаясь в центральный инструмент управления, обусловил необходимость ее исследования. Эти исследования обобщили в своих романах «Generation П» и «Числа» В. Пелевин, а затем С. Минаев в повести «Медиа сапиенс».

Основная мысль этих романов созвучна с нашей темой — *управление вниманием в глобализирующемся мире*. В пространстве коммуникационных потоков идет непрерывная борьба за внимание целевых аудиторий и для того, чтобы меседжи были восприняты адресатами, от них требуется ясность и прямолинейность. Иначе потребитель информации просто переключит канал, настроится на другую волну или закроет браузер. Поэтому для победы в этой борьбе *требуется ясная артикуляция позиций*. У нас, к сожалению, об этом вспоминают только в период выборов, в остальное время, скрывая проблемы и накопившиеся вопросы за нагромождением слов. Все это приводит к снижению доверия к СМИ. Проиллюстрирую свои слова цифрами. Согласно данным республиканского социологического исследования на тему: «Основные направления и уровень динамики политической модернизации Республики Казахстан»¹, наибольшее доверие у населения вызывает телевидение (63%), далее следует радио (56%) и общественно-политические газеты и журналы (53%). Соответственно, наименьший уровень доверия существует в отношении Интернета (46%).

¹ Республиканское социологическое исследование на тему: «Основные направления и уровень динамики политической модернизации Республики Казахстан» было проведено в 2007 г. Центром Бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований Бисам Центральная Азия по заказу КИСИ при Президенте РК.

Еще одним критерием, позволяющим оценить политический ресурс СМИ, является оценка респондентами объективности подаваемой информации.

Согласно результатам вышеуказанного социологического исследования, только пятая часть опрошенных (21%) полагают, что средства массовой информации предоставляют полную и объективную информацию при освещении общественно-политических событий. Более половины респондентов (57%) считают, что СМИ предоставляют только ту информацию, которая выгодна им.

Отсюда можно сделать косвенный вывод о том, что возможности влияния СМИ на массовое политическое сознание и поведение казахстанцев далеко не безграничны. Такого тотального интереса и внимания к сообщениям масс-медиа, которые наблюдались в конце 1980-х гг., сегодня уже нет. Это связано с абсолютным сокращением потребления населением общественно-политической информации, вызванным падением доверия к сообщениям СМИ.

Таким образом, можно предположить, *что в современных казахстанских реалиях коммуникация по линии «СМИ — общество» является односторонней*. В цепи «власть — СМИ — общество» функции СМИ можно охарактеризовать следующим образом:

- информирование населения;
- поддержка легитимности власти;
- инструмент технологий манипуляции общественным мнением для достижения политических целей (продления или сокращения полномочий субъектов политического пространства).

Между тем в сложившейся системе СМИ не выполняют свою важную функцию механизма обратной связи, то есть «лоббиста» интересов общества перед властью. Это приводит к ряду негативных моментов, таких, как:

- дальнейшее снижение доверия к СМИ со стороны населения;
- искажение «картинки» существующей реальности у власти, что чревато усложнением процедур разработки, принятия и реализации политических решений и прогнозирования общественно-политических процессов;
- рост социальной апатии в условиях нехватки объективной информации;
- замедление процесса формирования гражданского общества.

Таким образом, в обществе укрепляется установка на нескритичность в отношении принимаемой информации, и, как следствие, социальная фрустрация.

Такое общество наиболее подвержено социальным болезням — панике, массовым истериям, склонно к принятию необдуманных решений и радикальным действиям.

Именно отсутствие критичности в отношении потребляемой информации позволяет практически всем субъектам политического пространства озвучивать каждый раз новые и порой противоречивые подходы к одним и тем же проблемам. Постепенно и политическое пространство начинает строиться по принципу медиального, выражая явление, которое получило в современной теории название «медиазация политики». Соответственно, коммуникация в политическом пространстве служит достижению вполне понятных целей: высоких рейтингов и голосов на выборах. В предвыборный период все силы концентрируются на обработке аудитории в расчет на голоса избирателей. Создаются темы-фантомы, приковывающие внимание к запоминающимся образам, нагнетается истерия опасности и эйфория солидарности. После выборов накал страстей постепенно

проходит. Однако сиюминутный характер погони за рейтингами приводит к краткосрочности кредита доверия, которым электорат может наградить политика. Приемы информационной войны, политические технологии действуют недолго, в дальнейшей же перспективе их использование приводит к дезориентации, снижению информационной критичности общества, потере интереса к политике, общественной дезинтеграции.

Такое состояние несет потенциальные риски, поскольку может вызвать в перспективе серьезный кризис в казахстанских СМИ по мере обострения политической борьбы в стране. На идеологическом поле этот процесс может выразиться в серьезных изменениях политических настроений и предпочтений общества, социальных установок, мировоззренческих стереотипов и электоральных предпочтений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ги Дебор. Общество спектакля / Пер. с франц. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: LOGOS (Радек), 2000. — 184 с.
2. Там же.

Нациестроительство в современном Казахстане: вызовы и перспективы

КОЗЫРЕВ Т.А.

Тема построения в Казахстане гражданской нации на протяжении ряда лет вызывает острые дискуссии в обществе. Обсуждается как вопрос о реализуемости такого проекта в наших условиях, так и содержание самого понятия «гражданская нация». Настоящая статья представляет собой попытку, не предлагая готовых рецептов, по возможности четко сформулировать ряд ключевых вопросов, которые, по нашему мнению, не всегда артикулируются в достаточно ясной форме, что само по себе нередко служит источником недоразумений.

В условиях полиэтничного государства, каковым является Казахстан, вполне естественным является повышенное внимание, уделяемое вопросам этнополитики. Однако та или иная модель этнополитики является вопросом скорее *тактики*, нежели стратегии. Поэтому мы постараемся, прежде всего, найти ответ на глав-

ный *стратегический* вопрос: на базе какой *системы ценностей* мы собираемся строить политическую нацию* в Казахстане?

Одной из главных проблем в данном контексте является то, что для реализации «чисто» гражданской модели нациестроительства необходимо наличие системы *политических ценностей* — то есть некоего социально-политического идеала, не связанного с этническими ценностями, но при этом достаточно амбициозного и эмоционально насыщенного, чтобы мобилизовать большинство населения. В качестве примеров можно привести знаменитое «Свобода, Равенство, Братство!» в революционной Франции, идеал построения коммунистического общества в СССР или, например, идеал демократии и «демократического мессианства» в США. Очевидно, что ни в одной из постсоветских стран, в том числе и в Казахстане, такой системы политических ценностей не существует. Более того, идеологии, по своей мощи и притягательности сопоставимые с коммунизмом или западным либерализмом, в принципе не создаются по госзаказу — образно выражаясь, мать-История сама рождает их раз в тысячелетие (или сопоставимый срок).

Наконец, даже если согласиться с мнением, что рост экономики и уровня жизни может сам по себе автоматически снять с повестки дня вопрос о базовых ценностях и идеологии (что отнюдь не очевидно, учитывая недавний опыт ряда западных государств), то и в этом случае, глядя на вещи реалистично, приходится признать, что, несмотря на довольно успешное экономическое развитие Казахстана (особенно на фоне ряда других стран СНГ), уровня благосостояния стран «золотого миллиарда» мы вряд ли достигнем в короткий срок. Иначе говоря, приходится вернуться к вопросу о выборе системы *базовых ценностей*, реально способных *эмоционально* сплотить всех или хотя бы большинство казахстанцев, будучи приемлемыми для остальных.

В связи со всем вышесказанным, приходится сделать нелицеприятный и во многом проблематичный для нас вывод, что национальное строительство в Казахстане реально может основываться только на *традиционных ценностях*, то есть принадлежащих к «треугольнику»: язык — культура — религия. В то же время в условиях полиэтничного и поликонфессионального казахстанского социума важнейшей задачей является избежать жесткой этнократии и расслоения общества по этноконфессиональному признаку (образно выражаясь, пройти между Сциллой и Харибдой).

Забегая вперед, скажем, что одним из возможных вариантов компромиссного решения, по нашему мнению, могло бы быть обращение к традиционным ценностям надэтнических цивилизационных общностей, к которым принадлежит казахский народ, а именно к ценностям тюркской и мусульманской общностей (представители которых вместе с титульными казахами уже сегодня составляют около 80% населения страны, согласно предварительным результатам недавней переписи) — разумеется, в рамках, гарантирующих создание приемлемой социокультурной «ниши» для этнических европейцев. Такова, например, концепция

* Здесь и далее мы сознательно избегаем употребления обоих конкурирующих терминов: «казахстанская нация» и «казахская нация». Первый из них адекватно отражает полиэтничный характер населения нашей страны, однако звучит слишком искусственно — почти как печально памятный термин «советский народ», — что вызывает постоянные нарекания со стороны национал-патриотического сектора. Термин «казахская нация» — гораздо более благозвучен, однако в условиях постсоветского пространства он полностью отождествляется с понятием «казахский этнос», что, в свою очередь, вызывает настороженность у представителей нетитульных этносов. В связи с этим мы здесь и далее используем рабочее выражение (не термин!) «политическая нация в Казахстане»: любая нация по определению является *политической* сущностью. Как наша политическая нация будет называться — со временем покажет сама жизнь.

«полицентрического национализма», предложенная профессором М. Тажиным [1, с. 56—57].

В некоторых своих предыдущих публикациях мы высказывали схожую точку зрения [2; 3]. Однако, если профессор М. Тажин делает упор на сферу международной политики, в наших указанных статьях речь идет о преимуществах надэтнической общетюркской идентичности с *историографической* точки зрения — иначе выражаясь, с точки зрения конструирования «национальной истории» казахов и Казахстана. По нашему мнению, «общетюркский» подход мог бы эффективно разрешить целый блок историографических проблем, тормозящих формирование исторического сознания казахского и казахстанского общества. Наши соображения о реальных перспективах гражданской интеграции европейского населения Казахстана в случае принятия подобной модели нациестроительства см. ниже.

Безусловно, такая постановка вопроса весьма дискуссионна и мы вполне отдаем себе в этом отчет. Тем не менее необходимо осознавать и тот факт, что реальный набор возможностей при выборе той или иной модели нациестроительства ограничен в каждом конкретном случае. Образно выражаясь, характер строительного материала неизбежно накладывает целый ряд ограничений на реальные возможности архитектора, каким бы талантом и смелой фантазией он ни обладал. Таким образом, вопрос о выборе базовой системы ценностей и проблема отсутствия в нашей стране идеологической базы для реализации «чисто гражданской» модели нациестроительства в любом случае остаются на повестке дня. Вообще говоря, классики теории национализма признают, что ни одна из реально существующих в мире наций не является на 100% «этнической» или «гражданской» — оба эти начала всегда присутствуют в той или иной пропорции [4, с. 232].

Наконец, необходимо учитывать и то, что в условиях современного динамично развивающегося мира исторический срок, отпущенный нам на реализацию своего нациестроительного проекта, скорее всего, невелик. Таким образом, необходимо из имеющегося в наличии весьма ограниченного набора реальных возможностей выбрать тот, который был бы «из всех зол наименьшим» (т.е. устраивающим большинство и приемлемым для меньшинства), и реализовать его по возможности быстро. На погоню за идеалистическими утопиями у нас просто нет времени.

Далее мы хотели бы вернуться к тактическому вопросу о выборе конкретной модели *этнополитики* для обозримой перспективы. Осуществляемые в разных странах модели этнополитики в основном сводятся к двум основным моделям — ассимиляционной и мультикультурной [5, с. 53]. Мы считаем, что ассимиляционная модель нациестроительства по ряду серьезных причин абсолютно неприменима в Казахстане, хотя некоторые казахстанские политологи в последнее время предлагают именно ассимиляционную модель — фактически речь идет о той или иной степени *казахизации* неказахских этнических групп [6]. На этом исключительно важном и деликатном вопросе мы хотим остановиться подробно.

Основных причин невозможности применения ассимиляционной модели (казахизации) к нашему обществу можно выделить три:

■ высокая степень *национализированности* этнических идентичностей в СНГ и Казахстане;

■ закрытая внутренняя структура государствообразующего казахского этноса;

■ отрицательное влияние коррупционных явлений на межэтнический климат в стране.

Ниже мы рассмотрим все три перечисленных пункта подробнее.

1. Высокая степень национализированности этнических идентичностей

Национализированность (= политизированность) этнических идентичностей на всем постсоветском пространстве, в том числе в Казахстане (иначе выражаясь, восприятие широкими слоями населения *этничности* как основы для *политической лояльности*), — явление, общее в той или иной степени для всех стран СНГ и уходящее своими корнями в самое начало истории СССР, который по своему *формальному* политическому устройству был государством конфедеративного типа, ряд субъектов которого имели, в свою очередь, федеративное внутреннее устройство (РСФСР, Грузия, Азербайджан, Узбекистан). Причем сам этот (кон)федерализм имел ярко выраженный этно-территориальный характер. Так, Советский Союз воспринимался именно как «союз народов», которые тем самым автоматически превращались в своего рода *политические субъекты*. К примеру, сам факт юридической фиксации этнической принадлежности в паспортах граждан СССР (графа «национальность») был естественным и необходимым структурным элементом системы, а вовсе не «перекосяком» в ней, как иногда ошибочно думают. В свою очередь, превращение этничности в юридически значимую категорию само по себе неизбежно означает известную степень ее политизации.

В период до начала 1930-х гг. советским руководством проводилась последовательная политика институционализации и, как следствие, политизации почти всех существовавших на пространстве СССР этнических идентичностей [7] и активного поощрения развития национальных языков. Во многих случаях советская власть лишь постфактум признала факт превращения ряда крупных этносов в *нации* с развитым политическим самосознанием, но у некоторых других этнических групп, практически не имевших *национального* (т.е. политического) самосознания, оно развилось именно в результате проводившейся этнонациональной политики, чего до сих пор не могут простить советской власти националисты-державники в современной России. Плавный поворот к русоцентристской политике (пока еще не *русификации* как таковой!) произошел лишь в середине-конце 1930-х гг. [8, с. 87—101]. Идея же «сближения и слияния» народов СССР была четко озвучена в Программе КПСС только в 1961 г., уже при Н. Хрущеве. Таким образом, взгляд на всю советскую этнонациональную политику от начала до конца как на политику «русификации под вывеской интернационализма» является глубоко ошибочным и проистекает от элементарного незнания фактов.

* Только в конфедерациях составляющие субъекты пользуются правом на свободный выход из союза. Это право союзных республик, оставаясь на протяжении всей истории СССР фиктивно-декоративным, тем не менее сыграло решающую роль в 1991 г., когда в отличие от 14-ти новых независимых стран СНГ ряд крупных автономных республик (не имевших такого права), не смогли стать международно признанными независимыми государствами, несмотря на наличие сильного стремления к этому — классическим примером может служить Республика Татарстан в составе РФ, в последний момент не успевшая получить статус союзной республики из-за августовского путча 1991 г., сорвавшего подписание нового союзного договора.

В Казахстане высокая степень политизированности этнической идентичности характерна как для казахов, так и для представителей других, нетитульных этносов. Одним из самых недавних тому свидетельств стала бурная реакция общественности на попытку убрать графу «национальность» из новых биометрических паспортов казахстанцев. Поэтому есть основания утверждать, что в Казахстане политизированность этничности выражена даже сильнее, чем в ряде других стран СНГ, уже отменивших у себя графу «национальность» (Россия, Украина, Азербайджан). Особое внимание обращает на себя тот факт, что в России протесты против отмены «пятой графы» в свое время имели место в ряде национальных автономий, где эта мера была однозначно воспринята как шаг в сторону русификации. Напротив, русское большинство отнеслось к этому решению своего руководства в целом довольно равнодушно. В Казахстане же очевидна психологическая неготовность к такому шагу не только представителей миноритарных этносов, но и значительной части титульных казахов, хотя, казалось бы, представители титульного и государствообразующего этноса должны в наименьшей степени опасаться угрозы для своей идентичности^{*}.

Подытоживая данный раздел, следует еще раз подчеркнуть, что в наших условиях любой намек на ассимиляционную модель нациестроительства, скорее всего, встретит жесткое сопротивление большинства нетитульного населения, а также непонимание значительной части титульного, в результате чего весь процесс может сразу приобрести нездоровую политическую направленность. Для такого прогноза есть все реальные основания.

2. Закрытость внутренней структуры государствообразующего казахского этноса

Здесь необходимо сразу же оговорить тот важный момент, что открытость или закрытость структуры этноса не следует путать с уровнем его толерантности. Высокая степень толерантности, присущая казахскому этносу, не вызывает сомнений как таковая. Напротив, значительной части русского этноса (*NB*: речь идет о россиянах, а не о казахстанцах русского происхождения) свойственна меньшая степень этнической терпимости (особенно в повседневном, бытовом общении), но при этом не вызывает сомнений и тот факт, что русский этнос по сравнению с казахским в целом имеет более открытую структуру, то есть гораздо более открыт для ассимиляции, для кооптации «инородцев» в свои ряды^{**}. Так, *толерантность* в поведении и *открытость структуры этноса* — суть просто два совершенно разных параметра, которые не следует путать между собой.

Открытыми для ассимиляции чаще всего бывают народы с многовековой государственной (особенно имперской) традицией — такие, например, как русские, французы или турки. В этих случаях государственная и культурная лояльность

* По нашему мнению, графа «национальность» должна в обозримой перспективе оставаться во внутренних удостоверениях личности граждан РК — хотя бы потому, что к ее отмене подавляющее большинство населения Казахстана абсолютно не готово психологически. Однако в заграничных паспортах этой графы не было даже в советский (!) период. Тем более показательна болезненная реакция значительной части казахстанской общественности на попытку изъять графу «национальность» даже из заграничного паспорта. При этом очевиден и тот факт, что, как уже говорилось выше, превращение этничности в юридическую категорию, безусловно, способствует дальнейшему сохранению ее политизированности.

** Этот факт подтверждается данными республиканского социологического опроса на тему «Состояние и перспективы развития среднего класса в Республике Казахстан», проведенного осенью 2008 г. PR-Агентством «Интеллект-Капитал» по заказу КИСИ при Президенте РК.

может частично или даже полностью заменить собой этническую принадлежность («по крови»). Не случайно «лицо кавказской национальности» Иосиф Джугашвили (говоривший по-русски с сильным акцентом) стал в наше время кумиром для значительной части русских националистов-державников в России, причем не только для представителей старшего поколения, но и для части молодежи. Точно так же французы гордятся «великим корсиканцем» Бонапартом, а турки чтят память Тургутта Озала, курда по происхождению.

Напротив, у казахского этноса основным критерием принадлежности является, несомненно, «принцип крови» — условно говоря, русским, французом или турком можно стать (хотя и не без ограничений), но казахом — только *родиться*. Помимо того, что политическая история казахского народа сильно отличается от истории имперских наций, большую роль здесь играет еще один фактор — наличие у казахского этноса родоплеменного членения. Во избежание недоразумений мы сразу же хотим оговориться, что данный фактор играет весьма и весьма неоднозначную, причем во многом позитивную (!), роль в процессе национального развития казахов. Однако к этому пункту мы вернемся чуть ниже.

Итак, очевидно, что принадлежность к *роду* в принципе не может быть ничем иным как принадлежностью по *происхождению*. Не принадлежа по крови к одной из генеалогических групп, составляющих данный этнос, по крайней мере, проблематично принадлежать к нему самому «напрямую» (хотя — *NB!* — далеко не очевидно, что, например, казахский этнос есть лишь *совокупность* составляющих его линиджевых групп, тем более что в его составе имеются и такие группы, как, например, *төре, кожа, төлеңгіт*[†], не входящие изначально в казахскую жузо-родовую систему^{††}). Отношения между родами внутри своего этноса при этом проецируются и на отношения между разными этносами. В результате, как уже говорилось выше, казахом можно только родиться, но не стать, как русским, турком или французом.

Итак, родоплеменное членение и вытекающий из него «принцип крови», с одной стороны, являются препятствием для ассимиляции «инородцев» в казахский этнос и тем самым, четко прочерчивая границу между «титульными» и «нетитульными», затрудняют консолидацию казахстанцев в единое национальное целое. Иначе говоря, в отличие от Турции или Франции в наших условиях нет возможности сказать: «Хочешь быть титульным — будь им!». Однако, с другой стороны, эти же самые факторы имеют и неожиданно позитивные функции, причем жизненно важные для казахского этноса на данном этапе его социально-политического развития.

Во-первых, само по себе родоплеменное членение является одним из очень немногих (но зато *весьма* существенным!) элементом старой кочевой культуры, который оказалось возможным пронести через все тектонические потрясения XX-го столетия и сохранить по сей день, несмотря на переход к оседлости, ин-

[†] Потомки так называемых туленгутов, гвардейцев при казахских ханах, набравшихся, предположительно, в основном из числа военнопленных джунгар. В настоящее время компактно проживают в одном из районов ЮКО. Название «төлеңгіт» происходит, по всей вероятности, от названия горно-алтайской субэтнической группы теленет (в русскоязычной литературе — «теленгиты»), входившей в свое время в состав Джунгарского ханства и вынужденно участвовавшей в казахско-джунгарских войнах на стороне джунгар.

^{††} Один из наших информантов, *төре* по происхождению, сформулировал это следующим парадоксальным образом: «Біз қазақпыз, бірақ қазаққа жатпаймыз» («Мы казахи, но к казахам не относимся»).

дустриализацию, урбанизацию и даже языковую русификацию части городских казахов^{*}. Таким образом, жузо-родовое деление казахов, несмотря на все его негативные издержки, пережитые им огромные изменения в образе жизни и культуре, очевидно, помогает казахскому этносу сохранить преемственность со своим прошлым. Несомненно, что для кочевых и полукочевых этносов культурно-цивилизационный шок, нанесенный модернизацией по-советски, оказался намного жестче, чем для народов, издавна оседлых и имевших развитую городскую культуру на момент 1917 г. Так, сам факт сохранения родоплеменного деления получает сегодня неожиданную функциональную нагрузку — он работает как фактор, позволяющий казахскому этническому коллективу, образно выражаясь, «не порваться во времени»^{**}.

Во-вторых, восприятие именно «крови» как главного признака принадлежности к казахскому этносу в значительной мере смягчает и компенсирует тот огромный культурно-психологический разрыв, который существует между европеизированной прослойкой городских казахов и основной массой казахского населения, ориентированного на традиционные ценности. Тем самым обеспечивается некая критически необходимая степень целостности казахского этноса в настоящем. Кроме того, хотя отрыв от своих этнических корней вряд ли можно приветствовать как таковой, следует отметить и тот объективный факт, что прослойка европеизированных казахов («шала казактар») на данный момент своим существованием создает своего рода «мостик» между не обрусевшей, традиционалистски ориентированной частью казахов («нағыз казактар») и неказахским (в первую очередь русскоязычным) населением, тем самым объективно выполняя определенную стабилизирующую функцию. Однако это возможно именно благодаря тому, что даже наиболее ассимилированные лингвистически и культурно «шала казактар» продолжают совершенно четко осознавать свою принадлежность именно к казахскому этносу, не отрываются от него окончательно, что, в свою очередь, оказалось возможным именно благодаря могущественному в казахской культуре «принципу крови».

Таким образом, приходится признать, что жузо-родовое деление казахов и вытекающий из него кровный принцип включения в этнический коллектив — не просто «пережитки», от которых было бы желательно избавиться. В обозримой перспективе, несмотря на все негативные издержки (определенное препятствие как для внутриэтнической консолидации казахов, так и для гражданской консолидации казахстанцев — по крайней мере, для ассимиляции), эти факторы парадоксальным образом выполняют чрезвычайно важную охранительную и стабилизирующую функцию как для государствообразующего казахского этноса (в первую очередь), так и (косвенным образом) для казахстанского гражданского сообщества в целом.

Главным же практическим выводом из вышесказанного является опять же крайняя проблематичность применения в Казахстане ассимиляционной модели нациестроительства.

^{*} По меткому выражению участника одного из многочисленных форумов на сайте www.zonakz.net: «Я знаю семь поколений предков и, благодаря этому, чувствую себя казахом, несмотря на незнание родного языка».

^{**} Интересно также, что, согласно мнению некоторых зарубежных исследователей, именно родовая линиджевая идеология позволяет казахам в настоящее время сохранять свою идентичность в диаспоре, в иноэтничном окружении. /Сейдин Н.Б. *Казахи за рубежом как объект национальной политики // Казахская модель этнополитики: Науч. изд. — Алматы: ИСИ при Президенте РК, 2002. — С. 93—102 (С. 97)*

3. Отрицательное влияние коррупционных явлений на межэтнический климат в Казахстане

Вынести этот раздел отдельным пунктом нас заставляет тот факт, что коррупция на постсоветском пространстве (в т.ч. и в Казахстане) носит не персонифицированный, а системный характер [9]. Как следствие, борьба с этим социальным бедствием является крайне сложной задачей, которая может реально осуществляться лишь в долгосрочной перспективе. По этой причине мы вынуждены рассматривать коррупцию и ее влияние на межэтническую обстановку в стране как один из основных факторов, определяющих развитие ситуации в целом.

Как известно, в советский период большинство руководящих должностей в Казахской ССР занимали не казахи, а представители других этносов, в основном европейских. После обретения Казахстаном государственной независимости произошел вполне закономерный «реванш», в результате которого ситуация изменилась на противоположную. Можно сказать, что сама по себе широкая представленность титульного этноса в госструктурах, в том числе и на руководящих должностях, явление само по себе вполне закономерное. Однако на фоне высокой степени коррумпированности соответствующих структур можно наблюдать крайне опасный и нежелательный эффект, выражающийся в том, что естественное само по себе недовольство рядовых граждан коррупционными явлениями у части граждан неказахского происхождения постепенно перерастает в глухую неприязнь к казахскому этносу как таковому. На наших глазах формируется стереотип: «казак = взяточник».

Если в советский период, особенно ближе к его концу, можно было в определенных ситуациях наблюдать известную степень солидарности между представителями всех нерусских национальностей против русских (на которых порой стихийно, хотя и неправомочно, переносилось естественное недовольство тоталитарной системой и ее проявлениями, в т.ч. в этнонациональной политике), то в настоящее время, в новых условиях казахстанского общества с его радикально изменившейся «этнической иерархией», обозначилась и на наших глазах набирает силу новая тенденция — формирование такой же стихийной солидарности всех этнических групп против одной, а именно титульной, казахской. И одним из главных факторов, вызывающих это явление, является высокий уровень коррупции в наших государственных структурах.

Как можно видеть, корень проблемы лежит вне этнической сферы, но сильно и крайне отрицательно на нее влияет, угрожая превратиться со временем в отдельную, самодовлеющую проблему, если необходимые превентивные меры не будут своевременно приняты. Самоочевидным является тот факт, что, поскольку именно казахский этнос является консолидирующим ядром народа Казахстана, именно провоцирование и развитие антиказахских настроений одновременно среди всех остальных этнических групп является наиболее опасной тенденцией с точки зрения надэтнической консолидации казахстанцев в единую политическую нацию (не говоря уже о добровольной казахизации!).

Кроме того, если представить дальнейшее развитие упомянутой негативной тенденции, рост антиказахских настроений среди представителей других этносов может вызвать ответное усиление этнического шовинизма уже со стороны казах-

ского большинства. Этот последний, в свою очередь, может быть использован нечистоплотными политиками для канализации социального недовольства в межэтническое русло и, таким образом, вся ситуация может приобрести характер порочного круга, выход из которого будет потом крайне сложно найти.

На данный момент положение еще не настолько драматично, но, тем не менее, вышеуказанный фактор реально существует и оказывает свое разрушительное влияние, являясь одним из главных препятствий для надэтнической гражданской консолидации нашего общества. Поскольку, как уже отмечалось выше, казахский этнос по естественным причинам выполняет функцию консолидирующего ядра в казахстанском обществе, для гражданской интеграции казахстанцев в политическую нацию необходимым условием является формирование *позитивного имиджа* государствообразующего казахского этноса. Однако обывательское восприятие коррупции как «национальной черты» казахов, очевидно, оказывает прямо противоположное воздействие.

Роль данной проблемы опасно недооценивать. Создание позитивного имиджа государствообразующего этноса особо важно для нас потому, что казахская культура в Казахстане (в отличие от французской во Франции, турецкой в Турции, русской в России) на данный момент объективно не является наиболее престижной культурой или, по крайней мере, не воспринимается так большинством населения, в том числе и казахского. В названных зарубежных странах соответствующие титульные культуры находятся заведомо вне конкуренции с точки зрения их престижа и поэтому вопрос о положительном имидже государствообразующего этноса как такового не стоит столь остро.

Таким образом, проблематичность применения как «чисто» гражданской, так и противоположной ей ассимиляционной модели нациестроительства в современном Казахстане невольно подталкивает к выводу (мы его делаем в качестве вопроса для дальнейшей дискуссии), что наиболее реально осуществимым является компромиссный вариант: целенаправленное конструирование «зонтичной идентичности» (*“umbrella-identity”*)*, объединяющей тюрко-мусульманские этносы с титульными казахами (итого около 80% населения страны), на базе общих традиционных ценностей, которые нет необходимости искусственно изобретать. Разумеется, при условии создания приемлемой социокультурной ниши для европейского населения.

На последнем вопросе мы уже ранее обещали остановиться подробнее (см. выше). В случае построения политической нации в Казахстане на базе традиционных ценностей тюрко-мусульманского мира, вопрос о полной интеграции европейского населения становится, безусловно, одним из наиболее сложных. Тем не менее в мировом опыте есть примеры успешной интеграции немусульманских меньшинств в общество с исламскими историческими традициями — причем на порядок более сильными, чем в Казахстане.

По нашему мнению, казахстанцы европейского происхождения после всех прогнозируемых изменений этнодемографического баланса в будущем

[10, с. 18—19; 11, с. 44] могут занять социальную нишу, аналогичную той, которую занимают сегодня, например, стамбульские греки, армяне и евреи. Это немногочисленные, но экономически процветающие этнические группы, чрезвычайно влиятельные в экономике г. Стамбула, где проживает около четверти всего населения Турции. Они прекрасно владеют турецким языком (для многих он стал фактически родным), но при этом четко сохраняют свою обособленную идентичность. При этом они прекрасно чувствуют себя в Турции, пользуются там всеми гражданскими правами и не собираются «репатрироваться», соответственно, в Грецию, Армению или Израиль, хотя в полной мере частью *турецкой нации* они так и не стали и, что важно, сами не стремятся к этому. Основное реальное их отличие от большинства сограждан — их конфессиональная принадлежность, которой сами они придают огромное значение.

Казахстанских русских и других этнических европейцев с немусульманскими меньшинствами Турции типологически сближает, помимо всего прочего, также и тот факт, что уровень их урбанизации, равно как и процент успешных представителей среднего класса среди них, в среднем выше, чем среди основной части населения. Следует также особо отметить, что во вторую декаду XX-го в., накануне образования Турецкой Республики, в Турции происходили события, несопоставимые по своей драматичности со всеми конфликтными ситуациями в новейшей истории Казахстана. И, несмотря на это тяжелейшее наследие, путь бесконфликтного, гармоничного сосуществования был найден в условиях светского, демократического государства. Тем большие основания для оптимизма существуют, когда речь идет о европейском населении Казахстана.

Кроме того, внедрение в наш общественно-политический дискурс таких понятий, как «тюрки» и «Тюркский мир», помимо всего прочего, облегчило бы введение в оборот некоторых идеологем из арсенала евразийства, что, в свою очередь, могло бы быть привлекательным для славянской части населения Казахстана. Понятие «евразийство», безусловно, требует осторожного обращения из-за своей аморфности и, как следствие, чрезвычайного многообразия современных политических течений, ассоциирующих себя с евразийством. В частности, в России сегодня существуют политики радикально-националистического толка (такие, например, как А.Г. Дугин) [12], также апеллирующие к наследию евразийства. В то же время некоторые политики националистического направления в Турции на сегодняшний день тоже неожиданным образом обращаются к идее евразийства, которое ими понимается как стратегическое сотрудничество между объединенным Тюркским миром и Россией. Так, подобные идеи звучали в публичных выступлениях Н.К. Зейбека, бывшего главы Попечительской комиссии МКТУ им. К.А. Яссауи, ранее министра культуры Турции. К слову сказать, именно сейчас такие идеи имеют реальный шанс приобрести популярность в турецком обществе, глубоко озабоченном теми угрозами для суверенитета и национальной идентичности страны, которые создает глобализация, особенно на фоне сильного разочарования турецкой общественности в политике США и НАТО; неопределенность перспектив вступления Турции в ЕС также усиливает данную тенденцию.

Следовательно, мы видим, что формирование общетюркской зонтичной идентичности может, вопреки очевидным (на первый взгляд) ожиданиям и опасениям,

* Термин *“umbrella-identity”* (букв. «идентичность-зонтика» или «зонтичная идентичность») широко используется в англоязычной литературе. Он применяется именно в таких случаях, когда несколько разных идентичностей органично вписываются в одну общую, более широкую, не растворяясь в ней. Под такой общей «крышей» или «вывеской» иногда могут объединяться довольно-таки разнородные элементы

помочь и нетюркскому населению нашей страны занять свое достойное место в казахстанском социуме будущего.

Итак, основной целью данной статьи было не столько предложить готовые рецепты решения проблем, сколько еще раз четко сформулировать ряд ключевых вопросов, без внятного ответа на которые продвижение вперед является проблематичным. Перечислим их:

1. Возможно ли строительство *гражданской* нации при отсутствии сильной, амбициозной и эмоционально притягательной идеологии, основанной на сугубо *политических* ценностях?
2. Возможно ли в принципе целенаправленное, искусственное создание подобной идеологии?
3. Если да, то какой должна/может быть эта идеология?
4. Если нет, то существует ли реальная альтернатива нациестроительству на базе *традиционных ценностей* тюрко-мусульманского этнического большинства в Казахстане?
5. Если альтернативы не существует, то как сделать реализацию подобного проекта максимально безболезненной для европейского населения страны?

По нашему мнению, именно нахождение правильных ответов на перечисленные выше вопросы будет залогом успешного строительства политической нации в Республике Казахстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова Н.В. Этнополитические процессы в современном Казахстане // Казахстанский путь политического реформирования. Сб. мат-лов «Круглого стола» (12 декабря 2007 г.). — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2008. — С. 53—60.
2. Козырев Т.А. Феномен пантюркизма в контексте казах(стан)ской национальной истории // Саясат-Полісу. — 2008, май. — №5. — С. 76—80.
3. Козырев Т.А. Конфессиональный компонент казах(стан)ской идентичности и его роль в конструировании национальной истории // Саясат-Полісу. — 2009, январь. — №1. — С. 40—43.
4. Calhoun, C. Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. — 1993. — # 19. — Pp. 211—239.
5. Мустафаев Н.И. Казахская модель этнополитики: ресурсы и ограничители // Казахстанская модель этнополитики. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, Фонд им. Фридриха Эберта, 2002. — С. 53—68.
6. Гали А. Сказание Азимбая I. О казахах и казахизации как этносоциальной мобилизации для создания постэтнического Казахстана // <http://www.zonakz.net>.
7. Martin, Terry. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1939 [Империя благоприятствующего действия: нации и национализм в Советском Союзе, 1923—1939]. — Ithaca and London: Cornell University Press, 2001.
8. Алпатов В.М. 150 языков и политика. — М.: КРАФТ + ИВ РАН, 2000.
9. Леонов С. Коррупция в Казахстане и в России: и там, и здесь взятки есть // <http://www.apn.kz>.
10. Алтынбекова О.Б. Языковая ситуация в Казахстане: макро- и микросоциологическая парадигма. Автореф. диссерт. на соиск. уч. ст. д.ф.н. — Алматы: КНУ им. аль-Фараби, 2006.
11. Шокаманов Ю.К., Мусабек Е. Этнодемографическая характеристика населения Республики Казахстан на современном этапе развития // Казахстанская модель межэтнического согласия: проблемы и перспективы: Сб. мат-лов. науч.-практ. конф. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2007.
12. Дугин А.Г. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 2000.

Языковая ситуация среди казахского и русскоязычного населения Северного Казахстана

КАЛЫШ А.Б.

Язык и этнос. Одним из важнейших индикаторов характера и направленности развития этнокультурных процессов в Республике Казахстан является этноязыковая ситуация. По своей сущности она, с одной стороны, выражает степень реального распространения и уровень функционирования языков различных этнических общностей, с другой — отражает важные закономерности, тенденции и перспективы этнокультурных и этнодемографических процессов в республике, включая рассматриваемый регион. Анализ этноязыковой ситуации значительно конкретизирует наши знания о многообразии форм этнического взаимодействия, взаимовлияния традиционно-бытовой культуры и единой общеказахстанской системы ценностей.

Важно отметить, что этноязыковая ситуация в четырех областях Северного Казахстана (Акмолинской, Костанайской, Павлодарской, Северо-Казахстанской), в силу своей большей динамичности и пластичности, гораздо сложнее и демонстрирует значительно большее разнообразие вариантов по сравнению с этнической ситуацией в республике. И если самосознание, фиксированное в самоназвании, отражает либо в прямой, либо в опосредованной форме этническую структуру, то этноязыковые процессы не всегда являются адекватным отражением этнического самовыражения или самосознания.

Рассмотрим дифференциацию различных народов по степени отношения к языку своего этноса. Согласно материалам переписи 1999 г., от 96,5 до 99,7% казахского населения, проживающего в Северном Казахстане, указали, что владеют родным языком. Аналогичные показатели русского населения во всех четырех областях региона составили 100%. Лишь небольшая часть немцев (от 19,6 до 23,7%), украинцев (от 11,6 до 16,0%), белорусов (от 11,3 до 13,8%) и поляков (от 6,3 до 10,8%) знают родной язык [1, с. 50, 122, 149, 158]. Причем процессы снижения степени функционирования ряда языков в качестве этнодифференцирующих признаков того или иного этноса фиксируются достаточно отчетливо при сравнении с данными предыдущей переписи населения. Так, например, в Павлодарской области у украинцев рассматриваемый показатель понизился с 61,9% в 1959 г. до 51,5% в 1970 г., с 39,5% в 1979 г. до 34,1% в 1989 г.; у белорусов — соответственно 62,7, 50,2, 35,6 и 31,5% [2, 3, 4, с. 423].

Это убедительно свидетельствует о контактном характере этнокультурных процессов в регионе и более высоком уровне интеграционных факторов в его развитии.

В исследуемых областях Северного Казахстана по сравнению с другими регионами республики динамика функционирования национальных языков несколько отличается. С одной стороны, в Казахстане и в областях Северного Казахстана в отношении казахского и русского этносов этноязыковая ситуация носит примерно аналогичный характер, с другой — в южных регионах республики, таких, например, как Южно-Казахстанская область, среди немцев, украинцев, белорусов и поляков наблюдается более высокий удельный вес населения, ориентированного на язык своего этноса, который в 1999 г. составлял соответственно 34,0, 30,5, 21,0 и 37,5% [1, с. 167].

Особого разрыва между сельской и городской средой в степени функционального использования национальных языков в исследуемом нами регионе не отмечено, за исключением казахского языка, роль которого еще выше в сельской местности.

Очевидно, что для казахов, у которых в сельской местности наблюдается больший удельный вес традиционных элементов культуры и ценностных ориентаций, значимость родного языка выше, а сфера его функционирования значительно шире, нежели в городе. Язык своего этноса играет большую роль в качестве этнодифференцирующего признака. Поэтому темпы снижения престижа и распространения языка своего этноса на селе заметно меньше по сравнению с городской средой.

В целом процесс осознания этноязыкового развития отличается большей пластичностью и живее откликается на закономерности развития этнокультурных процессов по сравнению с собственно этническими и особенно этнопсихологическими явлениями, то есть, прежде всего, этническим самосознанием. Фактически мы можем говорить о том, что язык своего этноса не всегда является признаком этнического самовыражения и идентификации. Причем возрастание значимости данного явления свойственно всем этническим группам, за исключением казахского и русского этносов. Для этих народов язык по-прежнему сохраняет свое этнодифференцирующее значение, тогда как в отношении других этносов прослеживается снижение значимости данного индикатора. Несомненно, что в этом случае речь идет о реальном существовании интеграционно-ассимиляционных процессов, формировании единой системы этноязыковых реалий.

Как известно, языком межнационального общения в республике выступает русский язык. Для уточнения высказанных положений необходимо рассмотреть отношение различных этносов в зависимости от их образа жизни к русскому как к родному языку, обеспечивающему социальное функционирование и жизнедеятельность человека вне зависимости от его этнической принадлежности. Как показывает сравнение материалов переписи, русский язык во всех областях Северного Казахстана становится средством этноязыкового развития для большей части нерусского населения. Это особенно наглядно видно на примере немецкого, украинского, белорусского и польского населения. Среди них возрастание удельного веса русскоязычного населения происходит ускоренными темпами. Так, согласно переписи 1999 г., в исследуемом регионе на

владение этим языком указали от 98,6 до 99,8% представителей указанных четырех этносов. Эта тенденция фиксируется довольно четко как в городской, так и в сельской местности.

Те же процессы наблюдаются в регионе и при рассмотрении языковой ориентации казахов, хотя и в меньшей степени по сравнению с перечисленными выше этносами. Так, среди них на знание русского языка в целом указали от 88,7 до 92,8%. Интересно, что на селе так же, как и в других случаях масштабы этого явления несколько меньше. Например, среди сельских казахов они колеблются в пределах 85,5—91,3% [1, с. 56, 128, 159, 164].

Иная картина в городе. Здесь динамика процессов освоения русского языка в качестве основного или второго языка независимо от этнической принадлежности значительно интенсивнее по сравнению с сельской средой. Например, в Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях соответственно 94,8, 96,4, 96,4 и 95,5% казахов владеют этим языком [1, с. 53, 125, 152, 161].

В целом можно говорить о необратимости процессов утраты родного языка и постепенной замене их русским языком среди немцев и славянских этносов. При этом русский язык является не просто средством межнационального общения для ряда этносов и этнических групп, он становится фактором этнического самовыражения. Вследствие этого очевидно, что зафиксированная тенденция этноязыкового развития не просто отражает динамику ассимиляционных процессов в Северном Казахстане, но, прежде всего, важные закономерности в развитии этноязыковых и этнокультурных процессов в республике. Наибольшая восприимчивость к переходу на русскоязычное самовыражение и утрата родного языка имеют место у субэтнических групп населения, проживающих за пределами территории основного расселения.

Значение казахского языка в качестве родного языка для представителей иноэтнических групп населения невелико. Более или менее отчетливо оно прослеживается только лишь в отношении тюркоязычного населения региона — татар, башкир и др.

Двуязычие. Важнейшим фактором развития этноязыковых и этнокультурных процессов является двуязычие. Оно обеспечивает коммуникативную функцию языка среди представителей различных этнических групп, способствует взаимообогащению и взаимодействию национальных культур. Оно возникает естественным путем в связи с общественной потребностью в общении в условиях экономического, политического и культурного контакта.

В Северном Казахстане значимость двуязычия среди разных этносов неодинакова. Как свидетельствуют материалы переписи, значение двуязычия для казахского населения постоянно возрастает. Так, если в Павлодарской области в 1970 г. двуязычным было немногим более 60,2% казахов, в 1979 г. — 76,9%, в 1989 г. — 82,5%, то в 1999 г. — уже 92,6% (см. табл. 1 и 2). Среди русского населения области эти показатели были следующими: 1,8, 1,0, 1,1 и 12,1%. В отношении других этносов фиксируются, наоборот, процессы снижения двуязычного населения. Так, у немцев за указанные годы следующие показатели: 66,3, 55,6, 47,9 и 30,5%; у украинцев соответственно: 42,9, 36,1, 30,9 и 23,5%; у белорусов: 45,2, 39,6, 34,4 и 21,9% [1, с. 148; 4, с. 423; 5].

Табл. 1. Распространение двуязычия среди различных этносов Северного Казахстана в 1989 г.

[4, с. 215—234; 387—399; 405—417; 423—435; 513—525]

Этносы	Из общего числа лиц данной национальности владеют двумя и более языками, %					
	Казахстан	области				
		Костанайская	Кокчетавская	Павлодарская	Сев.-Казахстанская	Целиноградская
1. Все население						
Казахи	63,1	75,7	82,1	82,5	82,5	82,8
Русские	1,5	0,9	0,5	1,1	0,4	1,1
Украинцы	33,1	30,1	29,5	30,9	29,6	34,3
Белорусы	32,7	32,2	31,4	30,0	33,7	32,7
Немцы	51,6	42,6	52,3	47,9	46,6	50,8
2. Городское население						
Казахи	75,6	85,3	86,7	86,6	88,0	86,6
Русские	1,3	0,9	0,7	1,0	0,3	1,1
Украинцы	32,9	27,5	26,2	31,0	28,4	33,3
Белорусы	31,4	29,3	27,4	29,2	29,6	30,5
Немцы	46,4	35,4	46,1	40,8	32,5	44,0
3. Сельское население						
Казахи	55,3	72,5	80,4	79,8	80,8	80,2
Русские	2,2	1,1	1,0	1,6	0,5	1,2
Украинцы	33,6	32,9	31,6	30,5	30,3	35,5
Белорусы	34,8	34,7	33,3	32,1	36,2	34,7
Немцы	56,7	47,0	54,7	54,5	49,9	55,4

Сопоставление данных по двуязычию с общереспубликанскими показывает, что в исследуемом регионе доля двуязычного населения среди казахов как в городе, так и на селе выше по сравнению с аналогичными показателями по республике. Если по Казахстану в целом доля казахского двуязычного населения составляла в 1999 г. 74,5%, в том числе 83,5% в городе и 67,5% на селе, то в Акмолинской области эти показатели соответствовали 87,7, 93,1 и 84,9%; в Костанайской области — 88,0, 91,4 и 86,1%; в Павлодарской области — 92,6, 95,1 и 90,2% и в Северо-Казахстанской области — 92,4, 95,6 и 91,4%.

Иные показатели у других этносов. При сравнении видно, что двуязычие в Северном Казахстане среди них распространено в меньшей степени, чем в целом по республике. Так, например, у русских доля двуязычного населения в 1989 г. по республике составляла 1,5%, в том числе в городах — 1,3%, а в селах — 2,2%. В изучаемых областях региона это соотношение колебалось в пределах от 0,4 до 1,1%, в том числе в городах — от 0,3 до 1,1%, а в селах — от 0,5 до 1,6%. Идентичные показатели были свойственны и для европейских этносов, контактирующих с казаками.

Табл. 2. Распространение двуязычия среди различных этносов Северного Казахстана в 1999 г.

[1, с. 9—24; 49—55; 121—127; 148—154; 157—163]

Этносы	Из общего числа лиц данной национальности владеют двумя и более языками, %				
	Республика Казахстан	области			
		Акмолинская	Костанайская	Павлодарская	Северо-Казахстанская
1. Все население					
Казахи	74,5	87,7	88,0	92,6	92,4
Русские	16,1	9,3	13,3	12,1	9,1
Украинцы	27,3	21,3	21,3	23,5	17,6
Белорусы	22,8	18,7	20,4	21,9	17,0
Немцы	33,8	29,4	32,1	30,5	30,2
2. Городское население					
Казахи	83,6	93,1	91,4	95,1	95,6
Русские	16,1	10,6	13,2	12,3	10,3
Украинцы	30,0	24,2	22,1	27,6	23,9
Белорусы	24,7	21,5	20,6	23,7	22,8
Немцы	34,1	30,5	32,1	31,3	31,8
3. Сельское население					
Казахи	67,5	84,9	86,1	90,2	91,4
Русские	15,9	7,6	13,7	11,4	7,9
Украинцы	22,8	19,1	20,5	16,3	15,1
Белорусы	20,2	17,3	20,2	17,6	15,2
Немцы	33,5	28,8	32,1	29,8	29,8

Если обратиться к переписи 1999 г., то на владение двумя языками указали по Казахстану уже 16,1% русских, в том числе в городах — 16,1%, а в селах — 15,9%, тогда как в изучаемых областях региона соответственно от 9,1 до 13,3%, в том числе в городах — от 10,3 до 13,2%, а в селах — от 7,6 до 13,7%. Схожие процессы наблюдаются среди украинцев, белорусов и немцев.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ материалов переписи свидетельствует, во-первых, о возрастании доли двуязычного населения среди казахов и русских; во-вторых, о снижении удельного веса двуязычного населения среди других этнических общностей, проживающих в Северном Казахстане; в-третьих, о более высокой доле двуязычного населения среди горожан по сравнению с сельскими жителями вне зависимости от их этнической принадлежности. Вместе с тем имеют место несовпадения в степени распространения двуязычия при сравнении областных с общереспубликанскими данными, которые в значительной степени зависят как от этнической принадлежности, так и от образа жизни и социокультурных параметров межэтнических процессов.

Двуязычие, получившее распространение в регионе, в основном носит «национально-русский» либо «русско-национальный» характер. Структура двуязычия в значительной степени обуславливается этническими факторами и направленнос-

тью этнических процессов в Северном Казахстане. Так, согласно переписи 1999 г., среди казахского населения преобладает преимущественно казахско-русское двуязычие, которое в Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской областях составляет соответственно 99,1, 98,9, 99,1 и 99,5%. Интересно, что среди других этносов удельный вес национально-русского двуязычия меньше по сравнению с казахско-русским двуязычием. Так, в указанных областях у украинцев он равнялся 92,9, 90,4, 91,1 и 93,9%; у белорусов — 93,7, 91,5, 91,3 и 94,3%; у немцев — 91,2, 87,2, 87,9 и 91,9%. С другой стороны, среди русского населения полностью преобладает русско-казахское двуязычие, которое в упомянутых нами выше четырех областях достигает 92,2, 94,1, 90,9 и 92,9% [1, с. 50, 122, 149, 158].

Вместе с тем прослеживается дифференциация по рассматриваемому комплексу вопросов в зависимости от образа жизни. Так, в среде городского казахского населения удельный вес казахско-русского двуязычия колеблется в пределах 98,2—98,7%, что ниже, чем у сельского населения, где этот показатель равняется 99,6—99,8%. Примерно аналогичные тенденции мы имеем по украинско-русскому (90,5—22,7% в городе и 91,7—94,4% на селе) и белорусско-русскому двуязычию (91,4—93,5% в городе и 91,0—94,6% на селе), немецко-русскому — среди немцев. Значительно отличаются в этом смысле данные по немецко-русскому двуязычию — 84,4—90,1% в городе и 87,1—92,6% на селе.

Таким образом, степень распространения русского языка, национально-русского двуязычия находится в прямой зависимости от этнодемографической и этнокультурной ситуации в регионе. Например, в районах, где выше удельный вес и численность казахского населения, в силу отсутствия или недостаточности языковой среды для общения, больше доля только казахоязычного населения, ниже процент двуязычия в среде казахов, а также выше удельный вес русского населения, владеющего казахским языком. И, наоборот, в полиэтнических районах региона с возрастанием русского населения уменьшается доля знающих казахский язык, увеличивается численность только русскоязычного населения; там же выше доля казахско-русского двуязычия, уменьшается удельный вес только казахоязычного населения.

К сожалению, материалы переписи не содержат точных данных по многоязычию. Согласно данным этносоциологических исследований, определенную роль в процессе взаимодействия и взаимообогащения национальных языков играет трехязычие, в частности, немецко-русско-казахское и татарско-русско-казахское. Оно возникает на основе свободного развития немецкого и татарского языков как родных в сочетании с казахским и русским языками как средством межнационального общения. Казахский язык играет роль средства межнационального общения в основном в моноэтнической среде. Случаи многоязычия встречаются среди немцев и казахов в Успенском, Павлодарском, Щербактинском районах Павлодарской области, где они живут достаточно компактно и тесно общаются в производственной и семейно-бытовой сферах. Так, казахско-русско-немецкое трехязычие достаточно четко прослеживается в обследованных нами казахских семьях села Константиновка Успенского района, где, по словам информаторов, казахи из числа молодого и среднего поколений, наряду с русским, свободно говорят по-немецки, поют немецкие песни на различных торжествах и праздниках [5].

Знание языков. Русский язык, значение которого как средства межнационального общения, накопления и передачи информации, интернационализации всех сфер жизни казахстанского общества, постоянно возрастает, он глубоко проник в структуру языкового общения рассматриваемого нами региона. Выше уже приводились данные о том, что все большее значение приобретает тенденция замены ряда национальных языков, в частности украинского, белорусского, немецкого и других, русским языком, приобретения им статуса родного языка для некоторых иноэтнических групп населения.

Для описания роли русского языка в жизни исследуемых областей важным является обращение к уровню владения им, а также определение сфер его преимущественного использования. Сравнение материалов переписи свидетельствует, что число представителей различных этнических общностей, считающих русский язык своим родным языком, либо свободно владеющих им в качестве второго языка, постоянно возрастает. Так, например, в среде казахского населения число и удельный вес хорошо знающих русский язык в Павлодарской области составлял в 1970 г. 108,5 тыс. чел. (61,8% всего казахского населения области), а в 1979 г. — 166,1 тыс. чел. (76,9%), в 1989 г. — 221,2 тыс. чел. (82,4%) и в 1999 г. — 289,5 тыс. чел. (92,8%). Еще большее распространение получает русский язык в среде других этносов: украинцев — соответственно 78,1, 80,0, 83,2 и 62,5 тыс. чел. (91,0, 96,1, 96,0 и 99,8%); немцев — 67,4, 77,2, 91,9 и 43,8 тыс. чел. (91,6, 94,7, 96,4 и 99,9%); белорусов — 11,9, 11,2, 11,9 и 8,7 тыс. чел. (94,4, 98,1, 97,4 и 99,8%). Следует отметить, что степень распространения русского языка в городской среде значительно выше по сравнению с сельской. В целом в данном показателе казахи уступают указанным основным этносам изучаемого региона.

Если обратиться к государственному казахскому языку, то он все еще не имеет широкой степени распространения в Северном Казахстане, не стал средством межнационального общения. Даже в собственно казахской этнической среде, особенно среди городского населения, наблюдается слабое владение родным языком, понижение его функционального значения. Хотя, согласно материалам переписи 1999 г., как мы отметили ранее, большинство из них указали на владение этим языком. Поэтому не случайно, согласно данным ведущих отечественных этнолингвистов, в республике «четверть казахского населения, не владеющая литературной формой родного языка, ограничивается при общении разговорной или просторечной формой казахского языка» [6].

Вследствие недостаточности необходимой социокультурной базы, казахский язык не получил соответствующего распространения в иноэтнической среде, степень его бытования минимальна. И это несмотря на то, что для полнокровного функционирования государственного языка в республике, включая Северный Казахстан, созданы все институциональные возможности.

Например, число и удельный вес русских, владеющих казахским языком, в четырех областях региона составляет 148,8 тыс. чел. (10,2%) из 1 459 081 тыс. чел. русского населения; украинцев — 25,9 тыс. чел. (8,6%) из 302 242 тыс. чел.; белорусов — 4,8 тыс. чел. (7,5%) из 64 458 и немцев — 22,6 тыс. чел. (11,6%) из 194 736 населения. Такое низкое знание казахского языка среди перечисленных этносов характерно как для городской, так и для сельской местности. Общая

численность и удельный вес среди указанных четырех этносов, владеющих казахским языком, составляет всего 202,3 тыс. чел. (10,0%) из 2,0 млн русско-го, украинского, белорусского и немецкого населения исследуемого региона [1, с. 184, 232, 250, 256]. Аналогичные языковые ориентации в отношении казахского языка зафиксированы материалами переписи и в других регионах республики, подкреплены данными специального социологического исследования, проведенного Институтом сравнительных социальных исследований «ЦЕССИ-Казахстан» (г. Астана) и Департаментом по развитию языков МКИОС Республики Казахстан в 2000 г. [7].

В то же время в Законе Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. «О языках в Республике Казахстан» прямо сказано: «Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана. Правительство, иные государственные, местные представительные органы обязаны: всемерно развивать государственный язык в Республике Казахстан, укреплять его международный авторитет; создавать все необходимые организационные, материально-технические условия для свободного и бесплатного овладения государственным языком всеми гражданами Республики Казахстан» [8]. В этом направлении существенную помощь и влияние должен оказать также Президентский фонд развития государственного языка, созданный 5 сентября 2008 г. [9].

Для уточнения функционального распространения языков нами в ходе этносоциологических опросов были выявлены речевые ориентации во внутрисемейных отношениях. Как показало наше обследование в Павлодарской области (Баянаульский район), в казахской этнической среде разговаривают на казахском языке в семье 72,5%, на русском и казахском языках одновременно — 26,0% и только на русском языке — 1,5% респондентов. В среде с преобладанием русского населения наблюдается стопроцентное русскоязычие во внутрисемейном общении. В полиэтнических районах функциональная загруженность языков меняется. Так, в Аксуском районе в среде русского населения в семьях 2,2% респондентов прослеживается бытование русского и казахского языков. В среде казахов в семейном общении доля казахского одноязычия снижается, составляя 62,6%, одновременно фиксируется большая доля двуязычного общения — 31,3% и русского одноязычия — 3,9%. Еще меньше удельный вес общения на казахском языке зафиксирован нами в Иртышском районе — 27,3%. Соответственно, возрастает процент двуязычия: он достигает 35,3% в Баянаульском районе, а в Щербактинском — 45,5%; одновременно повышается среди них также русское одноязычие до 5,3% в Иртышском и 27,3% в Щербактинском районах. Русское население в Павлодарской области в семье общается лишь на родном языке.

Для более углубленной проработки изучаемой проблемы языковые взаимодействия и ориентации анализировались нами в рамках внутрисемейных отношений. Наши опросы показали, что в зависимости от этнической среды происходит несинхронное развитие этноязыковых процессов в Павлодарской области. Для казахского населения, например, совершенно очевидно фиксируется уменьшение масштабов реального бытования казахского языка в зависимости от возрастного состава респондентов: в общении с родителя-

ми он используется в 67,7% в Баянаульском и 68,1% в Аксуском районах, с женой соответственно в 55,3% — в первом и 45,4% — во втором случае, с детьми этот показатель падает до 30,4% в Баянаульском и 21,9% в Аксуском районах. В обратной последовательности возрастают в этих районах элементы двуязычия во внутрисемейных отношениях: с родителями они равны — соответственно 32,3—27,7%, с женой — 44,7—45,4%, с детьми — 60,9—56,2%; а также русского одноязычия: с родителями — соответственно 0,0—4,3%, с женой — 0,0—9,2%, с детьми — 8,7—21,9%. Таким образом, в моноэтническом Баянаульском районе тенденция уменьшения функционального значения родного языка в составе казахского населения выражена в меньшей степени в структуре внутрисемейного этноязыкового взаимодействия, чем в полиэтническом Аксуском районе.

Проведенное нами исследование иллюстрирует массовый переход украинского, белорусского и немецкого населения на русский язык особенно там, где они расселены дисперсно в среде русского населения. Это касается всех сфер внутрисемейных отношений. Лишь в Аксуском районе часть немецкого населения сохраняет родной язык как средство внутрисемейного общения: во взаимоотношениях с родителями — 11,1% и 22,2% двуязычно, с женой — соответственно 20,0—40,0%, с детьми — 20,0%. Русское население независимо от этнической ситуации одноязычно.

Выяснилось также, что по мере усложнения этнической структуры населения от моно- до полиэтнической для казахов фиксируется уменьшение доли читающих литературу на обоих языках от 65,4% в Баянаульском районе до 52,9% в Аксуском, 36,0% в Иртышском и 27,3% в Щербактинском; возрастание удельного веса населения, читающего литературу преимущественно на русском языке, — соответственно 9,7, 27,4, 39,7 и 45,5%. Аналогичная закономерность прослеживается по удельному весу читающих только на казахском языке (за исключением Баянаульского района — 24,9%) — соответственно 19,6, 24,3 и 27,3%. Русское и украинское население, а также немецкое во всех районах реагирует примерно однозначно. У них везде абсолютно доминирует русскоязычие.

Таким образом, этноязыковые процессы в Северном Казахстане характеризуются сложностью и рядом отличительных черт по сравнению с этноязыковой ситуацией в республике в целом. Будучи этноконтактной зоной, Северный Казахстан отличается большей интенсивностью процессов утраты национальных языков дисперсными субэтническими группами, проживающими за пределами территории основного расселения; значительным развитием национально-русского и русско-национального двуязычия; широкими масштабами функционирования русского языка не только в качестве языка межнационального общения, но и в качестве родного языка для все более значительной части нерусского населения; определенными сдвигами в знании государственного казахского языка европейскими этносами; ускорением процессов изменения языковой ориентации, реального бытования языков в городской среде по сравнению с сельской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 2. Население Республики Казахстан по национальностям, владению языками / Итоги переписи населения 1999 г. в Республике Казахстан. Статист. сб. — Алматы, 2000. — 272 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. КазССР. — М., 1962. — С. 162, 164, 166.
3. Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. — М., 1984. — С. 116—117.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Национальный состав населения Казахской ССР, областей и г. Алма-Аты. — Алма-Ата, 1991. — 555 с.
5. Полевые материалы автора, Павлодарская область.
6. Сулейменова Э.Д., Смагулова Ж.С. Языковая ситуация и языковое планирование в Казахстане. — Алматы, 2005. — С. 70—71.
7. Шаймерденов Е.Ш., Шаукенова З.К., Ракишева Б.И. Языковая ситуация в Республике Казахстан (по данным социологического исследования) // Саясат-Поліс. — 2001. — №1. — С. 22—28.
8. Основные законодательные акты о языке в Республике Казахстан. — Алматы, 2001. — С. 6.
9. Абдыгалиев Б. У нас избыток языковой политики, в дефиците — языковое воспитание // Казахстанская правда. — 2009, 3 апреля.

Социально-экономический механизм реализации финансово-кредитной политики

НЫСАНБЕК У.М.

Финансово-кредитная политика создает основу всего процесса управления кредитами. Разработанная финансово-кредитная политика является краеугольным камнем разумного управления кредитами. Политика определяет объективные стандарты и параметры, которыми должны руководствоваться работники финансовых институтов, отвечающие за представление и оформление займов и управление ими. Финансово-кредитная политика определяет основу действий совета директоров, законодателей и лиц, принимающих стратегические решения, а также предоставляет возможность внешним и внутренним аудиторам оценить степень и качество управления кредитами в финансовых институтах. Когда финансово-кредитная политика сформулирована правильно, четко проводится сверху и хорошо понимается на всех уровнях финансового института, она позволяет руководству поддерживать правильные стандарты в области кредитов, избегать излишнего риска и верно оценивать возможности развития дела. Лица, осуществляющие контроль работы финансовых институтов, считают, что разумная финансово-кредитная политика финансовых институтов является основополагающей для правильного управления кредитным риском. В развивающихся странах, находящихся в переходном периоде, где финансово-кредитная политика часто исходит от финансовых властей, финансовые институты не придерживаются четких критериев в финансово-кредитной политике и не стремятся разрабатывать внутреннюю политику развития.

Финансовые институты, в соответствии со своей спецификой, разрабатывают общие принципы финансово-кредитной политики (в мировой практике — меморандум о финансово-кредитной политике), формулируют ее главную цель, основные направления кредитования. Финансово-кредитные операции производства связаны с риском, степень которого в условиях спада производства, нестабильности экономики растет. При определении финансово-кредитной политики следует ориентировать финансово-кредитную стратегию на диверсификацию как состава клиентов, так и спектра предоставляемых им ссуд (услуг), что крайне необходимо в условиях конкуренции.

Совершенствование практики кредитования требует разработки оптимальной для финансовых институтов организации кредитования. В этих целях финансовые институты, имеющие в своем аппарате квалифицированных профессиональных финансовых работников, уделяют внимание поиску оптимальных вариантов методики расчета кредитоспособности заемщиков, правил кредитования. Фи-

нансово-кредитная политика финансового института разрабатывается также на основе положений экономической и денежно-кредитной политики государства, сложившейся хозяйственной ситуации в данном регионе.

В современной финансовой практике можно выделить следующие факторы, определяющие финансово-кредитную политику финансового института:

- наличие капитала;
- степень рискованности и прибыльность различных видов ссуд;
- стабильность депозитов;
- общее состояние экономики страны;
- воздействие денежно-кредитной и финансовой политики;
- способности и опыт банковского персонала;
- потребности в кредите района, обслуживаемого банком.

На финансово-кредитную политику коммерческого банка оказывает влияние специфика обслуживаемого района. Основная цель выдачи финансовым институтам чартера — удовлетворение потребности в кредите обслуживаемого района. Если финансовый институт этого не делает, то в его существовании мало смысла. Финансовые институты морально обязаны предоставлять ссуды заемщикам, которые подали разумные и экономически обоснованные кредитные заявки. Например, финансовые институты в районах, где преобладает животноводство, не могут отказаться от кредитования этой отрасли, а должны строить свою политику с учетом запросов соответствующих хозяйств.

Одним из обязательных условий развития финансово-кредитного рынка является эффективная финансово-кредитная политика банков второго уровня государства. Усиление роли финансово-кредитных отношений как средства, стимулирующего развитие производства, проявляется в разных аспектах.

Во-первых, кредит является обязательным условием расширенного воспроизводства, важной частью деятельности государственных, акционерных, малых и кооперативных предприятий, надежным инструментом, опосредующим процесс производства и реализации продукции. Кредит способствует техническому прогрессу, становится источником капитальных вложений, ускоряет процессы воспроизводства.

Во-вторых, повышение роли кредита как экономического стимула наиболее ярко проявляется при соблюдении принципа диверсифицированности кредитования. С одной стороны, усиливается кредитная помощь хорошо работающим предприятиям, фермерским хозяйствам, а с другой — возрастает роль экономического воздействия на плохо работающие хозяйства.

В-третьих, кредит содействует укреплению хозяйственно-финансовой деятельности предприятий, так как он является необходимым условием кругооборота производственных фондов и фондов обращения в условиях расширенного воспроизводства, дает возможность непрерывно осуществлять процесс обращения и, следовательно, способствует производству и реализации продукции.

В-четвертых, значение кредитования в коммерческом обороте трудно переоценить. Кредитование позволяет проводить широкомасштабные операции, увеличивать инвестиции в различные виды деятельности и обеспечивать более быстрый оборот средств. Финансовые институты являются важнейшими участниками любой предпринимательской деятельности, и от их благополучия во многом зависит и устойчивость экономики.

Финансово-кредитная политика — это стратегия и тактика финансовых институтов в области кредитных операций. Не существует единой финансово-кредитной политики для всех банков. Каждый финансовый институт формирует свою собственную финансово-кредитную политику, учитывая экономические, организационные и иные факторы, оказывающие влияние на его деятельность.

Финансово-кредитная политика включает в себя стратегию — приоритеты, принципы и цели на кредитном рынке и тактику — инструментарий, используемый для реализации целей, и порядок осуществления кредитных операций. Финансово-кредитная политика создает предпосылки для эффективной работы персонала, уменьшает вероятность ошибок и снижает риски.

Согласно рекомендациям, данным американскими экспертами Э.Дж. Доланом, К.Д. Кэмпбеллом, *руководство по финансово-кредитной политике должно включать в себя следующие разделы:*

1. Функциональные звенья, участвующие в кредитном процессе, и их полномочия.
2. Порядок разрешения ссуды.
3. Инструкции по организации кредитования.
4. Методические указания по анализу кредитоспособности клиентов.
5. Методические указания по анализу кредитного портфеля.
6. Методические указания по анализу выполнения кредитных договоров.

Функциональные подразделения кредитных учреждений, осуществляющих финансово-кредитную политику. Из зарубежной практики известно, что крупные банки обычно имеют следующие специальные подразделения: отдел кредитной политики и маркетинга, отдел кредитного анализа, кредитный отдел, отдел ссудной документации.

Отдел кредитной политики и маркетинга занимается: составлением и доведением до работников банка кредитной политики, наблюдением за выполнением ее основных положений, определением требований к ссудной документации, организацией обучения сотрудников банка вопросам кредитования. Отдел подчиняется первому руководителю банка.

Отдел кредитного анализа предназначен для: сбора информации о клиентах, их финансовом положении и платежеспособности; анализа кредитного портфеля банка, подготовки заседаний кредитного комитета и регистрации его решений.

Кредитный отдел ведет непосредственную работу с клиентами по вопросам кредитования. Внутри отдела выделяются специальные группы по обслуживанию разных типов клиентов. Работники отдела: рассматривают возможность выдачи ссуды, производят оценку риска запрашиваемой ссуды, выбирают конкретный вид кредита.

Кредитный работник, даже имея рекомендации аналитиков, самостоятельно изучает вопрос о возможности и целесообразности выдачи ссуды и принимает собственное решение. В отделе есть специалисты, которые осуществляют разного рода проверки на месте, у заемщика.

Отдел ссудной документации подотчетен юридическому отделу. В его обязанности входит оказание помощи кредитным работникам в оформлении ссудной документации и осуществление контроля правильности оформления такой документации. Так, при заключении кредитного договора возможно появление

нестандартной ситуации, которая должна быть отражена в тексте договора. В этом случае кредитный работник консультируется с сотрудниками отдела ссудной документации, причем делает это, как правило, перед контактом с клиентом.

Контрольная функция сотрудников отдела состоит в проверке: правильности и завершенности оформления всех документов, сопровождающих сделку, правомочности подписей на документах, соответствия принятого решения по ссуде установкам правления банка.

Одним из важных направлений деятельности коммерческих банков является процесс кредитования.

Хотя в переводе с латинского понятие «кредитовать» означает «доверять», тем не менее процесс кредитования в современных условиях является одной из рискованных активных операций, способных при неразумном подходе привести к потере ликвидности и банкротству.

Кредитный процесс — это прием и способы реализации кредитных отношений, расположенных в определенной последовательности и принятых данным банком. Через процесс краткосрочного и долгосрочного кредитования происходит функция перераспределения денежных средств в финансовой системе страны. Спрос хозяйствующих субъектов рынка на оборотные средства удовлетворяется предложением от коммерческих банков свободных денежных средств, привлеченных, в свою очередь, с рынка депозитов и частных вкладов.

Организация кредитного процесса включает несколько стадий: формирование кредитной политики, осуществление кредитного обслуживания клиентов, определение рейтинга выданных ссуд и анализ кредитного портфеля банка, организацию контроля условий кредитной сделки, определение процедуры принятия решения по ссуде, разработку правил оформления кредитной сделки, грамотное юридическое сопровождение выдаваемой ссуды.

В процессе осуществления кредитования выделяют следующие особенности механизма выдачи и погашения отдельных видов ссуд:

1. *Кредитование по контокорренту.* Данный вид кредита связан с удовлетворением текущей потребности в заемных средствах, то есть используется заемщиком для формирования оборотных активов. Характеризуется как кредит краткосрочный. Объектом кредитования выступает укрупненная потребность в средствах, связанная с периодически возникающим разрывом между платежами и поступлением выручки. Практически предполагает закрытие расчетного счета и открытие контокоррентного счета, являющегося активно-пассивным (единый счет клиента в банке для осуществления кредитно-расчетного обслуживания, по которому проводятся все операции клиента, счет, сочетающий свойства текущего и ссудного).

Дебетовое сальдо по этому счету означает выдачу кредита клиенту, кредитовое сальдо — наличие у него свободных средств на счете. Поскольку с контокоррентного счета систематически происходит оплата расчетных документов по разным видам платежей, выданный кредит в сумме возникшего дебетового сальдо по счету не имеет четко обозначенной целевой направленности. Он обеспечивает абстрактную по своему характеру потребность клиента — общий недостаток у него на данный момент собственных средств для текущих платежей.

При наличии соответствующего договора выдача такого кредита осуществляется как бы автоматически, без анализа причин возникновения потребности,

что обеспечивает оперативность ее удовлетворения. Вместе с тем внешняя видимость автоматизма сопряжена с тщательным предварительным и последующим анализом финансового состояния заемщика, всех сторон его производственной или торговой деятельности, постановки учета и отчетности, личных качеств руководителей, прогноза поступлений на контокоррентный счет.

Обезличенность объекта кредитования и определенный автоматизм формирования ссудной задолженности характеризуют контокоррентный счет как достаточно рискованный вид кредитной сделки. Поэтому сфера его применения ограничена лишь первоклассными заемщиками, обладающими высокой степенью доверия банка.

Кредитование по контокоррентному счету оформляется специальным договором, в котором находят отражение все стороны взаимоотношений банка с клиентом: порядок открытия счета; платежи, осуществляемые по дебету счета; поступления, отражаемые по кредиту счета; порядок и граница кредитования; формы обеспечения возвратности кредита; организация предварительного и последующего контроля банка полноты возврата кредита и финансовым состоянием клиента; уровень платы за кредит и размера комиссии (при неиспользовании запланированных ресурсов, изыскании дополнительных ресурсов); условия, которые клиент обязан соблюдать, санкции и льготы при кредитовании; порядок прекращения кредитования по контокорренту.

Условия кредитования по контокорренту могут дифференцироваться в зависимости от уровня финансовой надежности клиента. Наивысшая форма доверия банка к клиенту находит выражение в: предоставлении клиенту права превышать в определенном размере кредитную линию, установленную в качестве границы кредитования; выдаче необеспеченного (бланкового) кредита; установлении наиболее низкой платы за кредит.

В случае появления симптомов ухудшения финансового положения заемщика, режим кредитования по контокорренту приобретает новые черты: банк ограничивает выдачу ссуд предельной величиной кредитной линии; прибегает к использованию залога клиента; вводит регулярную (один-два раза в месяц) проверку на месте сохранности залогового имущества; прибегает к ежемесячной оценке кредитоспособности клиента; повышает плату за кредит.

2. *Овердрафт как разновидность контокоррентного кредита.* Овердрафт представляет собой краткосрочное кредитование укрупненной потребности клиента в средствах при их недостаточности для завершения текущих расчетов. Возникает в виде дебетового сальдо по расчетному счету (в российской практике отражается на ссудном счете). Выдача его происходит автоматически и не сопровождается заключением дополнительного кредитного договора. Применяется в отношении первоклассных заемщиков с высокой степенью доверия со стороны банка.

Возможность возникновения овердрафта должна предусматриваться в договоре о расчетно-кассовом обслуживании. Срок такого кредита не должен превышать 10—15 дней. Предельная сумма обычно не устанавливается. В случае необходимости более длительного кредитования, овердрафт переоформляется в целевую ссуду на основе обычной процедуры разрешения ссуды и заключения кредитного договора. При использовании кредита в виде овердрафта клиент уплачивает комиссионное вознаграждение, размер которого исчисляется в абсолютных величинах за дни пользования овердрафтом.

3. *Кредитование несезонных предприятий.* Кредитование совокупной потребности в средствах предприятий и организаций, не связанных с сезонностью (торговля, снабжение и сбыт, перерабатывающая промышленность), имеет ряд специфических черт. Данный вид кредитования предполагает установление долговременных кредитных связей банка с клиентом. Клиент имеет расчетный счет в кредитующем его банке.

Кредит применяется при наличии систематической потребности в заемных средствах для оплаты приобретаемых производственных материалов или товаров. Объектом кредитования выступает потребность в средствах для приобретения соответствующих товарно-материальных ценностей, а также для финансирования затрат по их переработке и реализации.

Выдача кредита осуществляется путем оплаты расчетных документов за определенные ценности и выдачи средств на зарплату по чеку непосредственно с ссудного или специального ссудного счета.

Погашение ссуды осуществляется ежеквартально в сроки, установленные кредитным договором в соответствии с прогнозом получения и распределения выручки от реализации продукции.

Поскольку данные предприятия систематически погашают ранее взятые ссуды и получают новые, их общая задолженность может возрастать или снижаться. Однако у них всегда будет иметь место задолженность, переходящая из квартала в квартал. Такая задолженность при непрерывном процессе производства и реализации является нормальной, не свидетельствующей об угрозе невозврата кредитов.

Регулирование объема выдаваемого кредита осуществляется посредством установления величины кредитной линии, то есть предела ссудной задолженности клиента на протяжении квартала. Такая задолженность банку является, как правило, возобновляемой. Это означает, что при погашении части задолженности клиент может вновь получить кредит в пределах свободного остатка кредитной линии.

Использование кредитной линии означает для банка возможность постоянно иметь кредитные ресурсы в соответствующей сумме. Если клиент не использует в полной сумме установленный ему лимит по кредитной линии, то, в соответствии с кредитным договором, он обязан уплачивать комиссионное вознаграждение в размере, адекватном уровню процентной ставки по привлеченным ресурсам.

Возвратность кредита обеспечивается заключением договора о залоге, представлением гарантийного письма или страхового полиса, что также предполагает осуществление соответствующего предварительного и последующего контроля.

4. *Кредитование сезонных предприятий.* Выделяется период нарастания потребности в средствах, сопровождаемый интенсивным получением кредитов, и период постепенной переработки заготовленного сырья и нарастания реализации продукции, а значит, и погашения кредитов. Учитывая эту их особенность, банку целесообразно расчет потребности в кредите и сроках его погашения осуществлять поквартально нарастающим итогом. В период нарастания сезонных запасов и затрат выдаваемые ссуды следует оформлять срочными обязательствами на конкретные и условные сроки.

Конкретный срок погашения ссуд отражает обязательство клиента возвратить кредит в текущий период за счет выручки от реализации произведенной им

продукции. Условный срок обозначает время завершения нарастания сезонной потребности, когда происходит его переоформление на конкретный срок в соответствии с графиком переработки и реализации продукции.

5. *Целевые кредиты.* По мнению А.В. Демковского, наиболее распространены в современных условиях России целевые кредиты, выдаваемые банками с простых ссудных счетов. Они носят разовый характер и обслуживают конкретные хозяйственные сделки. При этом по целевому назначению выделяются кредиты для: осуществления конкретной хозяйственной сделки производственного назначения; проведения торгово-посреднической операции; приобретения определенных ценных бумаг или контрактов товарной биржи.

Заемщиками целевых ссуд могут быть организации, не имеющие расчетных счетов в данном банке. Зачастую получателями данного вида кредита являются новые коммерческие структуры: АО, МП, ООО и т.д. Для получения кредита клиент представляет технико-экономическое обоснование, подтверждающее эффективность планируемой хозяйственной сделки, а в необходимых случаях — и договора с поставщиками и покупателями. В обосновании должны содержаться расчеты потребности в кредите (количество, цена, сумма приобретаемых ценностей) и источника погашения кредита (выручка от реализации).

Кредит оформляется срочным обязательством, а его погашение осуществляется в сроки, установленные в кредитном договоре. Срочные обязательства хранятся в бухгалтерии и служат основанием для списания средств с расчетного счета клиента. При пролонгации или вынесении ссуды на счет просроченных ссуд на срочных обязательствах делаются соответствующие отметки. Для обеспечения возвратности кредита условия кредитного договора должны предусматривать применение залогового права, гарантий или страхования кредитного риска. В этом случае кредитный договор сопровождается дополнительной документацией: договором о залоге, гарантийным письмом, страховым полисом.

6. *Долгосрочные ссуды для физических лиц.* Выделяются следующие виды долгосрочных ссуд: потребительское кредитование (бытовая техника, покупка мебели и т.д.); кредит на покупку, строительство и ремонт домов; кредит на покупку и ремонт квартир.

7. *Ипотечный кредит* — это кредитование клиентов под залог недвижимости — квартир, домов, дач, земельных участков, гаражей и т.д. Так, залог жилого дома (квартиры) допускается для обеспечения погашения ссуды, предоставленной на строительство, реконструкцию или капитальный ремонт жилого дома (квартиры), если гражданин — его собственник и члены его семьи проживают в другом жилом доме (квартире) и имеют там достаточное, в соответствии с установленными нормами жилой площади, жилое помещение. Дача, садовый домик и другие строения, не предназначенные для постоянного проживания, могут быть предметом залога на общих основаниях. В подобных случаях кредитный договор дополняется договором залога.

Жилые комнаты, составляющие часть дома, не могут быть предметом залога. Выдача строительного кредита осуществляется путем открытия кредитной линии, при этом ссуда выдается заемщику по частям, соответствующим стоимости законченных этапов строительного-монтажных работ. Банк также вправе осуществлять финансирование работ путем авансирования денежных средств в соответствии с графиком строительства.

В процессе финансирования строительства банк осуществляет инспекцию этапов работ, контроль целевого расходования денежных средств, соблюдения стоимости и графика строительства.

Методы кредитования являются составной частью механизма кредитования. Возвратное движение кредита определяется:

во-первых, поступлением или расходованием ценностей, осуществлением и возмещением затрат, текущими платежами, то есть непосредственно процессом производства и обращением;

во-вторых, оно может быть увязано с изменением остатка обеспечения (например, кредитуемых ценностей или затрат), которое является результатом названного процесса. В соответствии с этим, различают кредитование по обороту и по остатку, а также оборотно-сальдовый метод. Все эти особенности возвратного движения кредита реализуются через отдельные элементы метода кредитования.

Особая роль коммерческих банков в предоставлении кредитов является центральной в банковских операциях. Работа банкира заключается в том, чтобы решать, кому можно доверить деньги вкладчиков. Эта функция банков представляет собой крайне важный и чрезвычайно чувствительный процесс, который сильно увеличивает ливераж в структуре капитала. Банк должен определить, какие кредиты он будет предоставлять, кому он будет предоставлять, а какие нет, сколько кредитов каждого типа он будет предоставлять, кому он будет предоставлять кредиты и при каких обстоятельствах эти кредиты будут предоставляться. Кроме банков, мало других отраслей бизнеса, в которых можно с такой легкостью и быстротой оказаться в тяжелой ситуации. Риск нельзя игнорировать. Все эти важные решения требуют, чтобы целью политики банка было поддержание оптимальных отношений между кредитами, депозитами и другими обязательствами и собственным капиталом. Здравая кредитная политика способствует повышению качества кредитов. Цели кредитной политики должны охватывать определенные элементы правового регулирования, доступность средств, степень допустимого риска, баланс кредитного портфеля и структуру обязательств по срокам.

Таким образом, кредитная деятельность банка является одним из основополагающих критериев, который отличает его от небанковских учреждений. В мировой практике именно с кредитованием связана значительная часть прибыли банка. Одновременно невозврат кредитов, особенно крупных, может привести банк к банкротству, а в силу его положения в экономике, к целому ряду банкротств связанных с ним предприятий, банков и частных лиц. Поэтому управление кредитными операциями является необходимой частью стратегии и тактики выживания и развития любого коммерческого банка.

Портфель банковских ссуд подвержен всем основным видам риска, которые сопутствуют финансовой деятельности: риску ликвидности, риску процентных ставок, риску неплатежа по ссуде (кредитному риску).

Управление кредитным риском требует от банкира постоянного контроля структуры портфеля ссуд и их качественного состава. В рамках дилеммы «доходность — риск» банкир вынужден ограничивать норму прибыли, страхуя себя от излишнего риска. Он должен проводить политику рассредоточения риска и не допускать концентрации кредитов у нескольких крупных заемщиков, что чревато

серьезными последствиями в случае непогашения ссуды одним из них. Банк не должен рисковать средствами вкладчиков, финансируя спекулятивные (хотя и высокоприбыльные) проекты. За этим внимательно наблюдают банковские контрольные органы в ходе периодических ревизий.

Качество кредитного портфеля банка и разумность его кредитной политики являются теми аспектами деятельности банка, на которые особое внимание обращают контролеры при проверке банка. Если взять в качестве примера такую страну, как США, то, в соответствии с Единой межагентской системой присвоения рейтинга деятельности банка, каждому банку присваивается числовой рейтинг, основанный на качестве портфеля его активов, в том числе кредитного портфеля.

Возможные значения рейтинга выглядят следующим образом:

- 1 — хороший уровень деятельности;
- 2 — удовлетворительный уровень деятельности;
- 3 — средний уровень деятельности;
- 4 — критический уровень деятельности;
- 5 — неудовлетворительный уровень деятельности.

Чем выше рейтинг качества активов банка, тем реже он будет проверяться федеральными банковскими агентствами.

Контролеры обычно проверяют банковские кредиты, размер которых превышает установленный минимальный уровень, и выборочно — мелкие кредиты. Кредиты, которые погашаются своевременно, но имеют некоторые недостатки (при их выдаче банк отступил от своей кредитной политики или не получил от заемщика полный комплект документов), называются критическими кредитами. Кредиты, которым присущи значительные недостатки или которые представляют, по мнению контролера, опасность в связи со значительной концентрацией кредитных средств в руках одного заемщика или в одной отрасли, называются планируемыми кредитами. Планируемый кредит представляет собой предупреждение менеджерам банка о том, что данный кредит должен находиться под постоянным контролем и необходима работа по снижению уровня риска банка, связанного с подобным кредитом.

Развитие кредитной системы является необходимым условием формирования здоровой экономической среды, развития предпринимательства и экономики в целом, поскольку кредит нужен для расширенного воспроизводства, обеспечения кругооборота производственных фондов и фондов обращения.

Таким образом, выработка эффективной кредитной политики банка невозможна без знания реальных потребностей экономики. Она представляет собой не только реализацию мероприятий по поддержанию ликвидности банковской системы, но и является важнейшим инструментом государственного регулирования реального сектора. Любые усовершенствования в данной сфере должны осуществляться исходя из данного принципа и не вступать в противоречие с другими составляющими государственной системы регулирования экономики.

Социально-экономическая система: генезис, классы сложности

КАЗИЕВА Р.К.

В статье предложена классификация социально-экономических систем с учетом признаков организационной сложности. Использование основных понятий и концептов теории систем и системного анализа в приложении к предмету исследования позволяет выявить основные закономерности, тенденции и перспективы. Современное мировое хозяйство переживает трудное, неоднозначное время. Тренды глобализации и финансовый кризис требуют научного переосмысления достижений мировой и национальных систем, целеполагания и перспектив развития.

Социально-экономическая система рассматривается в статье в контексте структурной единицы процесса общественного развития.

Согласно определению, *социально-экономическая система* есть матрица, связывающая выраженным целеполаганием, ценностными ориентирами (обычай, нравственность, культура, религия и др.) через посредство сложившихся институциональных отношений (правила, законы, нормы) экономическую, политическую и социальную организацию общества.

Настоящее определение согласуется с предпосылками телеологии (греч. буквально — «учение о цели»), о том, что у каждого явления или процесса есть определенная цель, и, следовательно, историческое развитие не является спонтанным, хаотическим и случайным процессом, но соответствует определенной логике [1].

Используя основные паттерны теории систем* и системного анализа [2], социально-экономические системы по мере организационного усложнения подразделяются на классы: функциональные системы, системы с управлением, эволюционно-целенаправленные системы, системы открытые, самоорганизующиеся.

Предшествующий класс систем постепенно накапливает критическую массу новых признаков, прежде чем перейти в иное качество. Каждый последующий класс сохраняет значимые элементы (явления, признаки) предыдущего.

Функциональным системам присущи понятия функции, метода, входа, выхода, эффективности, совершенствования, роста, развития. Уже первобытные сообщества, осуществлявшие совместную деятельность (совокупность функцио-

* В биологии, медицинской науке, математике, философии во второй половине XX-го столетия утвердилось словосочетание: «Общая теория систем».

Рис.1. Классы организационной сложности социально-экономических систем

нальных действий), направленную на самосохранение и обеспечение воспроизводства, являются примерами функциональных социально-экономических систем. Организация людей в этом случае осуществляется родовыми советами (члены советов не освобождены от общинной (основной) деятельности; организационная, управленческая деятельность не является специализированной и формализованной).

Доклассовую, первобытную систему организации и власти принято называть *потестарной* (лат. «*potestas*» — *сила, власть*), акцентируя внимание на первородности сущности и характера реализации властных функций: *права* наделенных властью (не привилегии) направлены исключительно на осуществление обязанностей, исполнение ответственности.

Современное осмысление первородной сути власти и общественной организации является базовым моментом научного администрирования. Анри Файоль определяет *власть* как «*право отдавать распоряжения и силу, принуждающую им подчиняться*». Основную идею данного принципа Файоль формулирует так: «...*власть* немислима без *ответственности*... Ответственность есть венец власти, ее естественное следствие, ее необходимый придаток. Всюду, где действует власть, возникает и ответственность» [3].

Социально-экономические **системы с управлением (управленческие)** — базируются на становлении и развитии формализованного (специализированного) аппарата (управление как обособленный вид деятельности). Жизненный цикл систем данного класса характеризуется сменяемыми этапами соответствия/несоответствия управленческой составляющей целеполаганию системы в целом: адекватность — возникновение и нарастание противоречий — конфронтация (антогонизм, конфликт) — разрешение конфликта (переход на другой уровень менеджмента (см. ниже) или становление социально-экономической системы (того же или иного класса организационной сложности).

Уже с эпохи бронзы человеческое общество вступает в длительный (до настоящих дней) процесс развития управленческих (специализированных и формализованных) систем.

Справка**Эпоха бронзы делится на три периода:**

1. Ранняя бронза — XVIII—XVI вв. до н.э.
2. Средняя бронза — XV—XIII вв. до н.э.
3. Поздняя бронза — XII—VIII вв. до н.э.

В эпоху бронзы происходит изменение в общественных отношениях. Развитие скотоводства и металлургии привело к усилению роли мужчины в обществе, к смене материнского рода отцовским. Складывается патриархально-родовой строй. Происходило накопление продуктов труда, развивался обмен, что влекло за собой зарождение имущественного неравенства, обособление отдельных патриархальных семей, семейной собственности, вело к разложению первобытнообщинного строя.

В раннем (XVIII—XVI вв. до н.э.) и среднем (XV—XII вв. до н.э.) периодах бронзового века Казахстан населяли племена андроновской культуры, охватывающие, помимо Казахстана, Сибирь, Приуралье и Среднюю Азию.

К началу 1-го тыс. до н.э. родовая община андроновцев разложилась, в результате были выделены три сословные группы: военная аристократия, жрецы и родовые общинники. Войны как средство обогащения становятся обычным делом, поэтому из среды общинников выделяется военная аристократия — колесничие. В особую группу выделяются жрецы. Жрецы были распорядителями культовых обрядов, хранителями древних традиций и знаний, их отличительным признаком были деревянная чаша и особая шапка. Таким образом, в обществе появились группы населения, не занятые в производстве непосредственно. Регулирование отношений в обществе происходило через народное собрание. Оно решало все дела — избирало и смещало старейшин рода, строго следило за соблюдением родовых обычаев и традиций. Племенная верхушка сосредоточивает в своих руках власть и контроль избыточного продукта, что приводит к возникновению имущественного неравенства в обществе.

Тюркская эпоха (VI — нач. XIII в.) — это история становления, развития кризиса и падения государств раннего средневековья от тюркского каганата (551—603 гг.), огузского государства XI в., государств развитого средневековья до Казахского ханства (XVIII в.) [4].

Новая и новейшая история — продолжение эпохи социально-экономических систем «управленческого» класса сложности, жизненный цикл которых описывается S-образной кривой.

Различия в методологиях (с момента возникновения науки «управление» — начало XX в.) позволяют говорить о разных уровнях менеджмента в социально-экономических системах «управленческого» класса сложности [5].

	Уровни менеджмента	Понятия, приоритеты, признаки
1	0-й уровень	Управление ресурсами; координация, учет и контроль; прозрачность деятельности; нормативы и стандарты
2	1-й уровень	Управление мотивацией работников, приемы стимулирования, баланс интересов работника и производства, корпоративная культура, психология личности и др.
3	2-й уровень	Целенаправленное изменение свойств системы управления. Основными понятиями этого уровня являются: принцип относительности управления; степень свободы; управленческая связь; управляемость; адаптивность и др.

Эволюционным целенаправленным системам присущи понятия *состояния* и *целевого качественного перехода* из одного состояния в другое. В основе разрешения противоречий (неантогонистических), возникающих в процессе развития систем этого класса, лежат принципы сотрудничества (партнерства) и постоянного совершенствования (один из прообразов — философия менеджмента (и философия жизни) Kaizen [6]).

Для **открытых систем** характерны: свободный приток и отток энергии (энерго-сообщение с системным окружением), поддержание целостности системы, восстановление, наличие резерва, хранение, изменение.

Наиболее развитым формам систем данного класса свойственен принцип *конгруэнтности* целей функционирования управленческого аппарата с целеполаганием системы в целом. Конгруэнтность в социально-экономических системах в данном контексте означает высшую степень связности, органичность в функционировании субъектов и объектов управления, минимизацию транзакционных издержек.

Опираясь на теорию открытых систем Р. Уиттекера [7], согласно которой «общества, достигшие сходных наивысших точек развития, могли развиваться из различных первоначальных условий, что есть поразительный пример эквивалентности...»*, представляется перспективным рассмотрение разнообразных моделей перехода социально-экономических систем к классу открытых систем (об одной из таких моделей — кластеризации — пойдет речь ниже).

Самоорганизующиеся системы — открытые системы, для которых характерны необратимые процессы взаимодействия (кооперации, партнерства) подсистем, приводящие к образованию более эффективных структур.

Самоорганизующиеся системы телеологичны — сущностным целеполаганием является более совершенная структура и динамика (вещества, энергии, информации, активы: материальные, нематериальные интеллектуальные). При самоорганизации нет нужды во вне- или надсистемном целеполагании.

В начале нового времени идеи самоорганизации восходят к работам Канта, Гегеля, Дарвина, а в XX в. — Богданова, Шредингера, Винера, Бергаланфи, Моисеева, Пригожина, Стенгерса, Хакена, Эбелинга, Эйгена, Эшби.

Основные научные предпосылки феномена самоорганизации заложены А.А. Богдановым в исследовании «Тектология», в котором он рассматривал различные структуры и их эволюцию как целого с позиций информационно-управленческих процессов. Один из тезисов этой работы — сопряженность целенаправленной организации и некой «активности», которая преодолевает активность внешней среды [8].

Единое мировое хозяйство является примером самоорганизующейся системы. Составляющие этой системы (государства) находятся на разных уровнях развития, принадлежат к системам разных классов организационной сложности и социальной зрелости, нет единого формализованного органа управления. Вместе с тем некая внутренняя «активность» (саморегуляция) системы, проявляя себя в возникновении и развитии мощных процессов, приводит к переустройству и системным изменениям.

* Эквивалентность — существование различных путей к достижению успеха в одной и той же ситуации.

Глобализация — один из таких мощных процессов-провокаций, инициирующих и стимулирующих изменения мирохозяйства.

Американский социолог Энтони Гидденс отмечает, что «глобализацию надо рассматривать не только с позиций макроизменений и макроструктур, но и тех глубинных изменений, которые разворачиваются в клетках общества. Глобализация прорастает сквозь ткань существующих обществ, как трава сквозь асфальт. Где-то поросль глобализации более активна и заметна, где-то менее. Но на микроуровне клеточных структур общества (семья, мир повседневности, личностные ориентации и пр.) глобализация заявляет о себе не менее активно и определенно, чем в большой политике и мировой экономике» [9].

При всей объективной заданности, «глобализация как провокация» — это наиболее яркая характеристика текущего момента. Мировое хозяйство с разнообразными составляющими оказалось в сложной ситуации глобального финансового кризиса, грозящего перерасти в кризис системный. На первый взгляд именно «благоприобретенные» признаки открытости (а именно, свободное сообщение с системным окружением) сделали страны настолько уязвимыми, что они оказались вовлеченными в цепную реакцию (турбулентность) кризиса. Однако провокации со стороны глобализации лишь подчеркивают, насколько важна комплексность в объективном процессе усложнения организационного класса социально-экономических систем. Безусловно одно, что именно сейчас необходимо задействование инструментов по поддержанию целостности системы: восстановление, резервы, хранение, изменение. Однако сохранение системной целостности вовсе не означает возврата к закрытости, автономизации («железному занавесу»). Напротив, не обособление, а модели, утверждающие (усиливающие) признаки открытости систем, представляются наиболее результативным способом обеспечения их устойчивости. При этом сама по себе «открытость» в настоящем случае никоим образом не является самоцелью. Она, безусловно, прагматична и с позиций социальной и экономической ориентирована на эффективность.

Одной из таких моделей развития является «кластеризация» социально-экономических систем: на внутрисистемном, межсистемном (межстрановом), метасистемном (метарегиональном) уровне.

Кластер в экономике — это своеобразная модель сообщества географически близко расположенных самостоятельных структур, ядром которого служит группа компаний (как правило, представители малого и среднего бизнеса), функционирующих в одной сфере (отрасли, подотрасли) и, соответственно, являющихся прямыми конкурентами. Вокруг кластерного ядра формируется его инфраструктура (смежные сферы деятельности). На выходе кластерного производства — общий продукт/услуга, совместно продвигаемый и формирующий кластерный региональный бренд. Кластерная модель организации совместной деятельности, благодаря механизму синергии, способствует развитию и росту конкурентности и каждого из участников, и кластер-системы в целом.

Базовые преимущества кластер-систем:

- географическая близость (экономия на скорости взаимодействия);
- специализация;
- совместное использование ресурсов (в т.ч. обмен социальным капиталом, организация обучения);

- множественность экономических агентов (составляющих ядро и инфраструктуру кластера);

- реализация уникального принципа «конкуренция и партнерство», скорость достижения необходимой «критической массы» для получения эффектов внутренней динамики развития;

- жизненный цикл кластера (рассчитан на долгосрочную перспективу).

Кластерные модели развития экономики отдельных стран — тема актуальная. Во многих странах значение данного направления признано и поддерживается на государственном уровне. Так, в последнем обзоре Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН) 2008 г. «Повышение инновационного уровня фирм: выбор политики и практических инструментов» кластерам посвящен самостоятельный раздел. Обзор представителен и по охвату государств, и по разнообразию отраженных в нем подходов: он формируется на основе материалов, подготовленных аналитиками стран, входящих в состав ЕЭК ООН, то есть стран ЕС, в том числе новых членов Союза, России и ряда других стран [10].

Кластеры на субрегиональном (двустороннем) и метарегиональном (территориальные неформальные блоки стран) уровне на сегодняшний день — относительно новое явление. Среди характеристик подобного рода кластеров необходимо подчеркнуть открытость системы, распространяющуюся за пределы внутрорегиональных сетей, в том числе с целью все более широкого вовлечения внешних ресурсов. Жизненный цикл таких открытых систем рассчитан на длительную перспективу, имея в виду расширяющийся ресурсный потенциал.

Возможности и потенциал отдельных стран Европы недостаточен, чтобы составлять конкуренцию в глобальном масштабе. Однако существует более 150-ти регионов и микрорегионов в Европе, которые стремятся стать конкурентоспособными центрами и местами формирования кластеров медико-биологических исследований и развития биотехнологий. Для этого были разработаны проекты Еврокомиссии по региональной специализации в данной области, в частности, в Скандинавии и Балтии [11].

Осознавая свой потенциал, Балтийско-Скандинавский регион позиционирует себя как наиболее инициативный в плане создания связей между отдельными отраслями и регионами, а также сотрудничества на локальном, субрегиональном и метарегиональном уровне. Кооперативные соглашения все чаще стали заключаться не только в сфере безопасности и политики, но и в вопросах науки, энергетики, экологии и экономики в целом.

Характеристики и приоритеты Балтийско-Скандинавского региона [12]

Регион включает страны Скандинавии, Балтии, Север Германии, Польшу, Ленинградскую область и Калининград. Регион населяет более ста миллионов человек.

Страны региона выигрывают от соседства с более развитыми и преуспевающими странами. До конца воспользоваться этим фактором пока не может только Россия, которая из-за увеличения роли нефтяного сектора больше ориентируется на мировой рынок, чем на рынок соседних стран.

Институциональные особенности региона:

- проведение мягкой макроэкономической политики, позволившей снизить волатильность рынка и стимулировать компании к долгосрочному инвестированию (что является важнейшим фактором достижения инновационных преимуществ);

- государственная политика в странах региона сфокусирована на обеспечении лучшего доступа к финансированию, особенно к рисковому капиталу;

■ центральный вопрос ближайших лет — создание новой платформы для эффективного диалога между частным и общественным секторами, улучшение качества бизнес-среды.

Конкурентные преимущества: сфокусированность на наукоемких инновациях.

Важные индикаторы конкурентоспособности:

■ позиция стран на мировом рынке товаров и услуг;

■ привлекательность для инвесторов;

■ возможность создавать инновации и знания;

■ в отношении экспорта регион демонстрирует стабильность показателей. Регион ориентируется на экспорт: доля в мировом экспорте на 50% выше доли в мировом ВВП (прежде всего, это касается экспорта услуг).

Балтийский регион по-прежнему вызывает твердый рост благосостояния, в Европе уступая только ЕС-10.

Достойным потенциалом обладают суб- и метарегиональные системы, активную роль в которых играет Республика Казахстан.

Руководитель государства Нурсултан Назарбаев в статье «Ключи от кризиса» подчеркивает, что «Казахстан вместе со своими партнерами по региональной и континентальной интеграции (СНГ, ЕврАзЭС, ЦАС и ШОС) уже давно находится в русле глобального тренда первой четверти XXI в. — формирования региональных интеграционных объединений» [13].

Перспективным интеграционным объединением на постсоветском пространстве признается Евразийское экономическое сообщество.

Институциональная основа, необходимая для успешного развития кластеров на метарегиональном уровне (ЕврАзЭС), уже создается:

1) предпринимаются шаги по созданию **режима свободной торговли товарами**;

2) создаются реальные механизмы финансовой интеграции (деятельность **Евразийского банка развития**);

3) приняты прорывные проекты, такие, как создание **совместного Антикризисного и международного центра высоких технологий** (эти структуры призваны смягчить удары мирового кризиса по экономике стран сообщества);

4) обсуждаются проекты по созданию общей энергетической системы, единого цикла в области производства мирной атомной энергии, сооружение евразийских транспортных магистралей и др.

5) осуществляется формирование тремя странами — Казахстаном, Беларусью и Россией — **Таможенного союза**.

6) дискутируются вопросы о **валютном союзе стран ЕврАзЭС** и создании евразийской наднациональной расчетной единицы.

Становление институциональной основы для формирования кластеров в рамках ЕврАзЭС и других метарегиональных систем — лишь начало пути. Обеспечение благоприятной бизнес-среды, минимизация транзакционных издержек (важнейшие из которых — издержки по спецификации и защите прав собственности, безопасности бизнеса, поддержания доверия между участниками) — гаранты запуска *внутренней активности* агентов экономической деятельности, возникновения и развития разнообразных моделей (модификаций) открытых социально-экономических систем. Это прагматический вызов в условиях глобального кризиса и переустройства.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://www.mirslovari.com>.
2. Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник, 1973. — М., 1973. — С. 20—37; Садовский В.И. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. — М.: Наука, 1974. — 279 с.; Исследования по общей теории систем. Сб. пер. / Под ред. В.И. Садовского и Э.Г. Юдина. — М.: Прогресс, 1969. — 520 с.; Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. — М.: Мысль, 1979. — 272 с.; Гайдес М.А. Общая теория систем // Medliks.ru Медицинская библиотека / Разд. «Книги и руководства» / Общая теория систем (системы и системный анализ); Портер У. Современные основания общей теории систем / Пер. с англ. — М.: Наука, 1971. — 556 с.
3. Общее и промышленное управление / Электр. верс. изд. в пер. на рус. яз. Б.В. Бабина-Корень. 1923 // <http://www.ime-link.ru>.
4. <http://www.kazakhstan.awd.kz>.
5. Методические материалы по экономическим дисциплинам для преподавателей средних школ и вузов: Программы, тесты, задачи, решения. 2-е изд., перераб. / Ред. Л.С. Гребнев. — М.: ГУВШЭ, 2000; Солдатова И.Ю., Ласкова Т.С. Парадигмы компетентного и проактивноориентированного подходов в образовательных программах подготовки экономистов // Экономический вестник Ростовского государственного университета, 2008. — Т. 6. — №1. — С. 130—134.
6. <http://www.12manage.com>.
7. Уиттекер Р.Х. Сообщества и экосистемы. — М.: Прогресс, 1980. — 327 с.
8. <http://www.partnerstvo.ru>.
9. Гидденс Э. Социология. — Едиториал УРСС, 2005 — 515 с.
10. State of the Region Report 2006. The Baltic Sea region — top of Europe in global competition. ЕС, 2006.; Семёнова Н.Н. Форсайт в условиях глобализации // Альманах РИЭПП. Вып. 5. Наука. Инновации. Образование. — М.: Знак, 2008.
11. A string of competence clusters in life sciences and biotechnology // ScanBalt Competence Region Mapping Report 2006 (Greifswald/Copenhagen/Goeteborg).
12. <http://www.napnewsnet.ru>.
13. Назарбаев Н. Ключи от кризиса // Российская газета. — 2009, 2 февраля // <http://www.akorda.kz>.

Новые коррективы к антикризисному плану КНР (Насколько эффективны антикризисные меры Китая?)

ИЗИМОВ Р.Ю.

На сегодняшний день можно смело констатировать, что мировой экономический кризис, несмотря на оптимистические прогнозы многих влиятельных экономистов, коснулся всех без исключения стран мира. Вторая экономика мира — китайская также переживает значительную рецессию.

Уже со второго полугодия 2008 г., в связи со стремительным сокращением и снижением потребительского спроса как внутри страны, так и за ее пределами, темпы роста китайской экономики ощутимо замедлились.

К III кварталу 2008 г. экономический рост Китая снизился до уровня 9%. Основной причиной этому стало резкое падение потребительского спроса в экономически развитых странах, что, в частности, повлияло на сокращение объемов продаж китайских товаров на американских, европейских и азиатских рынках. Данное обстоятельство, в свою очередь, обострило целый комплекс связанных с этим проблем.

Так, в результате сокращения объемов экспорта многие, прежде всего мелкие и средние, предприятия приостанавливают производство. Особенно сильно это прослеживается в юго-восточных и северо-западных районах, промышленные предприятия которых традиционно ориентированы на производство экспортной продукции. Это, соответственно, привело к резкому сокращению количества рабочих мест и, как следствие, к увеличению числа безработных. Так, к концу 2008 г., согласно заявлению министра труда и социального обеспечения КНР Инь Вэйминя, число безработных в городах увеличилось до 10,2 млн человек [1].

С учетом возникших экономических проблем, Госсовет КНР принял комплекс антикризисных мер, направленных на снижение влияния экономического кризиса и стимулирование роста потребления на внутреннем рынке. В частности, согласно постановлению Правительства КНР, 25 октября 2008 г. было принято решение выделить до 2010 г. 4 трлн юаней (586 млрд долл. США) для поддержания десяти экономических отраслей.

Табл. Основные направления распределения выделенных средств

1	На строительство доступного жилья, создание лесопарковых зон, реорганизацию трущоб, возведение объектов энерго- и водоснабжения	400 млрд юаней (58,6 млрд долл. США)
2	На создание инфраструктурных и жилых объектов в сельской местности	370 млрд юаней (54,2 млрд долл. США)
3	На сооружение новых аэродромов, автомобильных и железных дорог	1,5 трлн юаней (220 млрд долл. США)
4	На нужды образования, здравоохранения и в сферу планового деторождения	150 млрд юаней (22 млрд долл. США)
5	На работы по восстановлению пострадавшей от землетрясения провинции Сычуань	1 трлн юаней (147 млрд долл. США)
6	На проекты по охране окружающей среды	210 млрд юаней (30,8 млрд долл. США)

Источник: Чжунхуа жэньминь гуангао чжунъян жэньминь чжэнфу ван, гоуянь вэньцянь (Сайт Центрального народного правительства КНР, документы Госсовета). 23.03.2009 г. // <http://www.gov.cn>.

Кроме того, в рамках принятых программ предполагалось в начале 2009 г. снизить НДС и ряд других налогов на 120 млрд юаней (17,6 млрд долл. США).

Однако на сегодняшний день делать выводы об эффективности принятых антикризисных мер преждевременно. Это связано с тем, что социально-экономическая ситуация в стране не изменилась в лучшую сторону, а в некоторых сферах, наоборот, еще больше усугубилась.

В частности, экономическая ситуация в наиболее развитых юго-восточных провинциях Китая продолжает ухудшаться. Согласно сообщениям Таможенного бюро КНР, в I квартале 2009 г. объем экспорта Китая по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. снизился на 25,7%, что составило наименьший результат с 1998 г. В том числе экспорт в страны Евросоюза снизился на 17,4%, в США за

январь — февраль текущего года — на 9,8%. Экспорт электроники упал на 21%, а стали — на 32,5% [2].

В этих условиях увеличивается число китайских предприятий, вынужденных сокращать или вовсе приостанавливать производство. К примеру, в начале 2009 г. только в провинциях Фуцзянь, Гуандун, Чжэцзян закрылось около половины малых и средних предприятий легкой промышленности, в первую очередь текстильной, ухудшилось положение сталелитейных компаний, уменьшились объемы экспорта техники и оборудования. В целом по стране обанкротилось около 70 тыс. малых и средних предприятий [3].

Правительственные меры по перераспределению части экспортной продукции на внутренний рынок, в целях недопущения резкого сокращения производства, пока не приносят ожидаемого результата. Более того, согласно сообщениям гонконгской газеты South China Morning Post, около 3200 фабрик, принадлежащих гонконгским владельцам на юге Китая, также приостановили производство. Около 40% фабрик Китая потеряли до половины своих заказов и были вынуждены сократить производство и число рабочих на 50% [4].

Также под воздействием замедления и спада производства ухудшается проблема занятости населения. Наряду с закрытием предприятий, увеличивается безработица в городах. На рабочем совещании в Пекине 19 февраля 2009 г. министр труда и социального обеспечения Инь Вэйминь сообщил, что число уволенных к концу февраля текущего года достигло 20 млн человек, не включая при этом 7,11 млн выпускников вузов, также ожидающих вакантные места [5].

В этом плане особенно остро складывается ситуация с крестьянами-мигрантами. К началу 2009 г. в одну только провинцию Сычуань из прибрежных провинций вернулось приблизительно 1 млн крестьян-мигрантов, большинство из которых были заняты в городах в строительной отрасли, обрабатывающей промышленности и в сфере сервисного обслуживания. При этом необходимо учитывать возможность воздействия складывающейся ситуации на социально-политическую обстановку в стране в целом.

С учетом складывающейся обстановки в стране, на прошедшей 3—12 марта 2009 г. в Пекине 2-й сессии 11-го созыва Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) и Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) были приняты новые меры по снижению влияния финансового кризиса.

5 марта 2009 г. на сессии ВСНП 11-го созыва премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао подвел итоги работы правительства за 2008 г. и конкретизировал план на 2009 г. В частности, в своем докладе Вэнь Цзябао определил узловые цели и задачи правительства КНР в 2009 г. по снижению влияния экономического кризиса. Наиболее значимые из них:

- обеспечить плавное и относительно быстрое экономическое развитие, поддерживать рост ВВП на уровне 8%;
- поддерживать коэффициент зарегистрированной безработицы на уровне не более 4,6%;
- сократить численность бедствующего населения на селе более чем на 2 млн человек. Естественный прирост населения следует удерживать в пределах 7 промилле;

■ удерживать общий уровень роста потребительских цен на уровне около 4%. Основной акцент на ВСНП был сделан на решении проблем занятости населения, особенно в отношении крестьян-мигрантов. В частности, одна из главных задач по трудоустройству безработных крестьян-мигрантов возлагается на местные правительства. Вследствие чего уже сегодня местными правительствами центральных провинций Китая были приняты меры по увеличению занятости крестьян-мигрантов, в том числе:

- потерявших работу крестьян-мигрантов направляют на строительные работы в пострадавшие от землетрясений районы;
- наиболее бедным в материальном отношении семьям выделяются финансовые средства в размере установленной минимальной зарплаты;
- крестьян-мигрантов поощряют начинать свой бизнес. Вводится льготная политика, то есть им предоставляются кредиты на небольшие суммы [6].

В этом аспекте следует обозначить важность того обстоятельства, что китайское руководство не пытается скрыть наличие этих проблем и указанные вопросы поднимаются на разных уровнях, в результате чего принимаются необходимые меры.

Следует учитывать, что кризисная ситуация рассматривается китайскими политиками и экспертами не только как угроза экономическому росту, но и как определенный шанс для укрепления своих позиций в мире. В настоящее время перед финансовыми институтами Китая поставлена задача использовать накопленные финансовые средства и валютные резервы в русле принимаемых правительством антикризисных мер.

Сегодня Китай имеет большие финансовые и золотовалютные резервы, в том числе средства местных бюджетов — около 15 трлн юаней (2,2 трлн долл. США), банковские вклады — еще 44 трлн юаней (6,4 трлн долл. США), из которых 14 трлн юаней (2 трлн долл. США) — сбережения населения, а также 2 трлн долл. США золотовалютных резервов. В этом плане актуализируется задача контроля над процессом целевого использования выделенных средств.

Китайское руководство предлагает несколько вариантов использования этих средств. Один из них заключается в финансировании перспективных иностранных проектов в различных сферах. В контексте этого отметим, что в последнее время на строительство и реконструкцию инфраструктурных объектов в зарубежных странах Китаем инвестируются большие средства.

В частности, председатель КНР Ху Цзиньтао с 10 по 17 февраля 2009 г. нанес государственные визиты в Саудовскую Аравию, Мали, Сенегал, Танзанию и Маврикий. В ходе африканского турне Ху Цзиньтао акцентировал внимание на намерении Китая участвовать в нескольких проектах. Так, к примеру, по итогам встречи в Дар-эс-Саламе Китай предоставил Танзании субсидию в размере 20 млн долл. США, которые пойдут на развитие сельского хозяйства и системы коммуникаций. В Мали китайские строительные компании будут участвовать в проекте по строительству моста (длиною 2,6 км) через реку Нигер стоимостью 75 млн долл. США, а инвестиции в инфраструктуру Сенегала составили 90 млн долл. США. Также 260 млн долл. США было выделено китайскими банками на реконструкцию аэропорта в Республике Маврикий.

Кроме этого, заместитель председателя КНР Си Цзиньпин и вице-премьер Госсовета КНР Хуэй Ляной также в начале 2009 г. посетили Мексику, Ямайку, Колумбию, Венесуэлу и Бразилию, а также Аргентину, Эквадор, Барбадос и

Багамы. Си Цзиньпин договорился с Уго Чавесом о новых объемах поставок топлива в Китай. Вице-премьер Хуэй Ляной выделил Эквадору беспроцентный кредит в 20 млн долл. США.

В этом контексте также можно рассматривать долгосрочный кредит в размере 10 млрд долл. США, выделенный Пекином Астане, а также кредит в 25 млрд долл. США, предоставленный Китаем российским компаниям «Транснефть» и «Роснефть».

Таким образом, интенсифицируя экономические связи со странами — поставщиками минеральных ресурсов, в частности с африканскими, латиноамериканскими и центральноазиатскими странами, Пекин не только инвестирует в их экономики, но и приобретает ряд перспективных преимуществ:

во-первых, руководствуясь китайской доктриной «использовать внешнее для решения внутреннего», правительство КНР диверсифицирует энергетические источники, к тому же, развивая инфраструктуру в указанных странах, расширяет альтернативные пути их поставок;

во-вторых, закупка большого количества минеральных ресурсов, в том числе углеводородного сырья, позволит китайской экономике быстро взять докризисный темп роста ВВП страны;

в-третьих, освоение зарубежных рынков и приобретение выгодных активов становятся открытой демонстрацией возросших возможностей Китая на фоне стагнации в Америке и Европе.

Немаловажную роль в развитии ситуации с мелкими и средними предприятиями Китая, по мнению китайских экспертов, должны сыграть принятые в конце 2008 г. меры по поддержке производителей экспортной продукции. Так, по данным Государственного налогового управления КНР, с конца 2008 г. правительством Китая были увеличены ставки возврата НДС с 3,5 тыс. наименований экспортируемой продукции. Сегодня возврат НДС при экспорте игрушек, текстиля и одежды составляет 14% (ранее 11%), фарфора 11% (ранее 5%). А также до 11 и 13% (ранее 9 и 11%) увеличится возврат НДС при экспорте некоторых видов мебели [7].

Китайские политики уверены, что повышение ставок возврата НДС позволит улучшить положение местных производителей и увеличит экспорт товаров. В результате предпринятых правительством КНР мер по увеличению ставок возврата НДС, китайские товары могут стать дешевле и для центральноазиатских и российских покупателей.

Следует подчеркнуть, что, в целях поддержания экономической стабильности в стране, правительство КНР в конце 2008 г. поставило задачу удерживать темпы роста на уровне 8%. Однако в феврале 2009 г. Всемирный банк прогнозировал снижение темпов роста ВВП Китая в текущем году до 6,1%. В случае снижения темпов до прогнозируемого уровня, Китай может столкнуться с большими трудностями. Прежде всего, увеличится безработица и, соответственно, повысится вероятность обострения социальной напряженности, что может перерасти в массовые акции протеста.

***

С учетом продолжающегося снижения объемов экспорта, беспрецедентно-го роста безработицы как в городах, так и в сельской местности и ухудшения экономической обстановки в Китае, в I квартале 2009 г. китайское руководство принимает ряд новых мер антикризисного характера.

Новые решения, принятые, в частности, в ходе 2-й сессии ВК НПКСК и ВСНП 11-го созыва вкпе с уже имеющимся планом поддержки десяти экономических отраслей, в ближайшее время будут способствовать стабилизации экономической ситуации и обеспечат необходимый для поддержания стабильности восьмипроцентный темп роста.

Более того, наличие огромных финансовых резервов в бюджете КНР и приобретаемые китайскими компаниями сырьевые и банковские активы за рубежом могут обеспечить благоприятные условия для послекризисного подъема китайской экономики.

Немаловажно, что принятые меры по решению внутриэкономических проблем в Китае могут оказать свое воздействие на экономики соседних государств, и в первую очередь на экономики стран ЦА. При планируемом сокращении товарных потоков из Китая будет наблюдаться повышение цен на товары широкого спроса на мировых рынках.

Ввиду тесного торгово-экономического взаимодействия СУАР КНР и республик ЦА, данная тенденция также повлияет на Центральноазиатский регион. Предположительно объем импорта китайской продукции не претерпит значительных изменений. В то же время рост цен и одновременно инфляционные процессы в странах ЦА будут иметь всеобъемлющий характер, так как из-за общей тенденции удорожания товаров в мире могут повыситься и отпускные цены на оптовых рынках СУАР КНР.

ЛИТЕРАТУРА

1. По материалам Агентства Синьхуа 24.12.2008 // <http://www.xinhuanet.com>.
2. Хонгуань цзинци юй синье дунтай цзысюнь чжоушу (Макроэкономическая и промышленная ситуация — консультативная неделя). 6—13 марта 2009 г. // <http://www.chinacem.com>.
3. Вэнь Цзябао: цзиньжон вэйци маньянь бицзян дуй чжунго цзинци цаочен иньсян (Вэнь Цзябао: Финансовый кризис, безусловно, воздействует на экономическую ситуацию в Китае). 14.03.2009 // <http://www.finance.sina.com.cn>.
4. Вэйци дуй чжунго цийе сыда иньсян (4 основных последствия кризиса на китайских предприятиях). 10.03.2009 // <http://www.sina.com.cn>.
5. Чжунго жэньли цзыюань хэ шэхуэй баочжаньбу (Сайт Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения Китая). 20.02.2009 // <http://www.mohrss.gov.cn>.
6. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу ван, гоюань вэнцзянь (Сайт Центрального народного правительства КНР, документы Госсовета). 23.03.2009 // <http://www.gov.cn>.
7. Чжунхуа жэньминь гунхэго хайгуань цзуншу (Таможенное управление КНР). 28.02.2009 // <http://www.customs.gov.cn>.

Теория перехода к социализму, минуя капитализм, ее реализация в Казахстане

МУСЫРМАН А.Ш.

В 1929 г. Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) делает вывод, что наступила пора перехода к новой политике в деревне, политике открытой борьбы с кулачеством (в Казахстане, соответственно, с байством) [1]. И. Сталин на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. декларировал, что «перешли в последнее время от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса» [2].

В этой связи ставленник Сталина в Казахстане Ф.И. Голощекин в своей речи на ноябрьском пленуме подчеркнул, что не надо «...бояться этой борьбы, а стать во главе ее и помочь аулу освободиться от байского влияния и на пути осуществления генеральной линии партии окончательно, и в исторически более быстрый срок уничтожить национальное, экономическое и культурное неравенство» [3].

Пленум Казахского крайкома ВКП(б) в декабре 1929 г. принимает решение: всемерно «стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству... Поручить бюро крайкома в недельный срок проработать вопрос о выборе в данных округах отдельных районов сплошной коллективизации, имея в виду охватить не только зерновые районы, но и животноводческие и хлопковые, установив темпы коллективизации с расчетом на полный охват населения в течение одного года» [4].

Так было подведено политическое обоснование под осуществление в мирных условиях курса на фактическое развязывание второй гражданской войны в ауле и деревне (первая в условиях Казахстана имела место в 1920 — начале 1921 г.) [5].

К концу 20-х гг. территория Казахстана в административном плане была поделена на 119 районов: из них чисто кочевыми считались 9, полукочевыми — 85, оседлыми — 25 [6]. Более 4/5 всех районов — это места, где основная масса населения продолжала в той или иной степени вести кочевой образ жизни. Сама цивилизация номадов все еще располагала в Казахстане огромными возможностями, и ее насильственный слом в виде перехода к оседлости грозил непредсказуемыми осложнениями.

К началу 1930 г., согласно данным историков (а они существенно разнятся), в Казахстане насчитывалось около 540 тысяч казахских хозяйств кочевого и полукочевого типа. За предшествующие десять лет осело 60 тысяч хозяйств, главным образом в 1924—1929 гг. Общая же численность этноса несколько превысила 4 миллиона человек [7]. И эти 540 тысяч хозяйств намечалось перевести на рельсы новой жизни за три года.

Политической базой штурма выступали партийные организации республики, объединявшие около 30 тысяч коммунистов. Это было немногим менее 0,5 процентов от 6,2 миллионов жителей. Экономическая база была намного слабее политической. Индустриальная перестройка еще только намечалась, только обосновывались планы создания угольной базы в Караганде, куда начали тянуть железнодорожную колею от станции Щучье. Завершалось строительство линии железной дороги к новой столице республики — Алма-Ате. Обеспечить колхозы новой техникой страна пока не могла, еще только шло строительство тракторных заводов в Харькове и Сталинграде. Вузы и техникумы СССР не могли пока дать необходимые кадры агрономов, зоотехников, врачей, учителей.

На практике коллективизация и оседание выступали искусственным сплавом целой группы решений по модернизации казахского аула, переселенческой деревни и казахской станицы.

Сама ставка на коллективизацию и оседание была комплексным решением целого ряда сложнейших проблем. Коллективизация и оседание как «революция сверху» невольно вели к ситуации, когда в жизни общества имел место ряд следующих факторов:

- Становилось максимальным вмешательство государства в дела общества, что требовало создания соответствующего аппарата чиновников, их особого статуса.

- Утверждались командно-административные методы хозяйствования, исключавшие динамизм конкуренции и личной инициативы.

- Отсутствие частной инициативы и жесткий прессинг аппарата делали определяющим экстенсивный тип развития.

- Государство, взяв на себя функции руководителя всех процессов, обеспечивало высокую занятость и делало труд человека простой обязанностью.

В этой ситуации не могли сохраниться такие ценности, как личность, ее свободы, собственность, закон, ритуал (почтение к представителям династии или знатного рода), духовность (ислам или православие).

Ход коллективизации и оседания тем самым вели к уничтожению не только социально-классовой структуры аула и деревни, но и к ликвидации наработанных обществом на протяжении многих веков устоев, которые и сформировали этническое своеобразие. Подобное было страшным ударом по самобытности народа и его права на выбор собственного пути.

10 февраля 1930 г. в развитие решений ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. специальная комиссия крайкома партии направила на места директиву о порядке изъятия ценностей у баев и кулаков. Тем самым аппаратное формирование правящей партии брало на себя функции законодательно-исполнительного органа, хотя, по сути, комиссия была всего лишь временной структурой общественно-политической организации. В шести округах республики комиссия определила 20 районов первой очереди, установив процент охвата коллективизации от 60 до 80 процентов [8].

Подобное, как отмечал в своих воспоминаниях М.С. Ряднин (бывший помощник Голощекина), формировало обстановку своеобразного рвения в аппарате. «Вопрос этот не сходил с повестки дня любого заседания, любого совещания. Все чаще стали говорить о районах сплошной коллективизации... Говорили даже о

соревновании: кто быстрее... темпы коллективизации радостно воспринимались всеми, ими, можно сказать, упивались» [9].

Директива комиссии определяла, что высокий темп оседания должен быть применен и к чисто кочевым районам с «примерным охватом до 70 процентов» хозяйств [10].

Установка фактически санкционировала опережение планов Москвы по темпам коллективизации и оседания. Сопротивление аула приняло различные, в том числе и отработанные поколениями, формы:

- распродажа скота и имущества, уход в город: на стройку, завод, шахту, железнодорожную станцию, нефтепромыслы;

- откочевки в другие районы республики, округа, за пределы Казахстана, в Китай, Афганистан, Иран;

- вооруженное сопротивление органам власти, восстания [11].

Власть реагировала новыми репрессиями. Ей помогало то, что решением ЦИК Казахстана по предложению крайкома партии были ликвидированы округа и районные структуры перешли в прямое подчинение Алма-Аты. Еще ранее было сформировано полномочное представительство ОГПУ по Казахстану. На период конфискации и коллективизации ему в оперативном отношении подчинили милицию и структуры уголовного розыска (он в ту пору существовал отдельно). Для военно-силового обеспечения кампании в ряде мест были воссозданы части особого назначения из коммунистов и комсомольцев. Административно-силовое обеспечение возлагалось на судебный аппарат и административные тройки при райисполкомах [12].

За 1928—1933 гг. органами ПП ОГПУ было репрессировано около 23 тысяч человек, из них расстреляно 3386 подсудимых. Именно в ту пору (8 августа 1932 г.) лично Сталиным был отредактирован печально известный закон о борьбе с хищениями социалистической собственности. Уже в том году за вредительство и хищения в колхозах и совхозах Особым совещанием при Коллегии ПП ОГПУ было осуждено 340 человек. Впервые «за нерадивое исполнение официального курса и попытку сопротивления ему» подверглись аресту более 60 сотрудников органов НКВД [13]. Огромное число людей было осуждено решениями судов и административных троек при райисполкомах [14]. Но власти считали, что ситуация развивается по их планам.

Однако уже в 1930 г. казахский аул ответил на насилие традиционной откочевкой. Тогда с мест снялось более 280 тысяч хозяйств, то есть половина имевшихся. В 1931 г. откочевало еще 35 тысяч хозяйств, которые увели с собой 1 миллион голов скота. Осенью 1931 г. наплыв казахов в Западную Сибирь достиг таких масштабов, что ее руководство направило в Алма-Ату запрос, ибо ситуация в Сибири была не слишком хорошей. Аналогичные запросы поступили и из Самары, Ташкента, Свердловска, Саратова, Оренбурга [15].

Секретарь Западно-Сибирского крайкома партии Р. Эйхе писал, что рост откочевков «нельзя сравнить с тем, что бывало в прежние годы. В этом году не только в районы, прилегающие к Казахстану, но и в таких отдаленных районах, как Новосибирск и другие (Кемерово, Новокузнецк — А.М.), появились откочевавшие из Казахстана казахи» [16].

Трагедия аула усугублялась тем, что применение репрессивных мер по сбору хлеба и мясopоставкам в 1932 г. шло в ситуации, когда не справлявшиеся с по-

следствиями засухи 1931 г. только что созданные колхозы и совхозы, выполнив директивы, обрекали своих тружеников на голодную смерть. В 1932 г. погибло или ушло в откочевку около 770 тысяч человек. Аграрный сектор республики лишился 3,7 миллионов голов скота [17].

Судя по всему, руководство соседних с Казахстаном республик, краев и областей не только проинформировало Сталина, но и проявило озабоченность таким развитием событий. Свою тревогу выразил в трех письмах Сталину зам. Председателя СНК РСФСР Т. Рыскулов [18]. В третьем письме на имя Сталина (март 1933 г.) шла речь о том, что «в откочевках приняло 40 процентов казахского населения, то есть более 1,7 миллионов человек... у населения осталось 6 процентов скота от уровня 1929 г., а это значит крах животноводства в республике». Естественно, напрашиваются неизбежные обобщения:

«а) уже в конце 1931 г. явление откочевки приняло массовый характер, беды отдельных семей и аулов начали перерастать в масштабную национальную трагедию, которая напрочь перечеркивает все сколько-нибудь значимые результаты коллективизации в Казахстане;

б) проблему откочевки такой массы людей, как 1,7 миллиона человек, политик не может игнорировать...;

в) Казахстану требуется срочная государственная помощь» [19].

Сталину пришлось принимать решения на основе подсказок Т. Рыскулова. Одно — о замене Голощекина и его команды, другое — о помощи Казахстану. С этого времени началось возвращение части кочевников на родину.

Реформы в части индустриального развития казахского края были на деле настолько значительны, как об этом говорил Ф.И. Голощекин и твердило его окружение [20].

Так, строительство железных дорог от станции Щучье до Караганды было запланировано еще в 1912 г. Тогда же началось сооружение первой части Турксиба. А ввод в действие участка от станции Бурное до Алма-Аты — во многом заслуга Т. Рыскулова, лично курировавшего данную стройку [21].

Что касается сооружения медеплавильного завода на Балхаше, полиметаллического комбината в Ачисае, комплекса заводов на Рудном Алтае, то эти гиганты были воздвигнуты уже при Л. Мирзояне. Выходит, что вклад Ф. Голощекина в индустриализацию призрачен.

Нет оснований для признания заслуг Ф. Голощекина в области культурного строительства. Это, главным образом, результат деятельности национальной интеллигенции (Т. Рыскулова, У. Джандосова). С середины 1920-х гг. на учебу в вузы и техникумы центра России направлялось ежегодно несколько сот представителей казахской молодежи. К тому же начали давать кадры специалистов училища и техникумы Петропавловска, Павлодара, Чимкента, Гурьева, Щучинска, Караганды [22].

Замена Ф. Голощекина на кандидатуру Л. Мирзояна оказалась для Казахстана благотворным делом. В отставку были отправлены секретари Крайкома И.М. Курамысов, С.Т. Голюдов, Председатель СНК Казахстана Н. Нурмаков, Секретарь КазЦИКа А. Асылбеков и др. Новая команда решала три главные задачи: спасение аула и возвращение откочевников, развертывание индустриального строительства, наращивание процессов образовательно-культурной реформы.

Эти три комплекса мер, изменив в корне ситуацию, позволили новой команде и ее выдвигенцам понять, что политика Сталина — Голощекина на перестройку жизни аула на практике стала не просто насилием над казахской кочевой цивилизацией, более того, она вылилась в явление геноцида. Но это понимание фактически негативно оценивало не только действия московских и казахстанских верхов, оно одновременно предупреждало Сталина, что новый казахстанский актив начал осознавать подлинную сущность сталинского «великого перелома». А это толкало «вождя народов» на силовые меры по отношению к таким кадрам. Именно тогда и начались процессы «великой чистки», толчок которым дало убийство Кирова.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1931—1941). Т. 5. — М.: Политиздат, 1971. — С. 27—30.
2. Сталин И. Соч. Т. 12. — М.: Госполитиздат, 1949. — С. 169.
3. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932. — М.: Политиздат, 1989. — С. 284.
4. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. — Алма-Ата: Казахстан, 1984. — С. 218.
5. Григорьев В.К. Разгром мелкобуржуазной контрреволюции в Казахстане (1920—1922). — Алма-Ата: Казахстан, 1984. — 176 с.
6. Народное хозяйство Казахстана. — 1929. — №6-8. — С. 124—125.
7. Козыбаев М. Казахстан на рубеже веков. Размышления и поиски. Т. 2. — Алматы: Гылым, 2000. — С. 65; Григорьев В., Шапоров Ю. Фрагменты времени // О чем не говорили. — Алма-Ата: Жалын, 1990. — С. 29.
8. Справка о ходе проверки и анализа материалов по историко-политической оценке деятельности Ф.И. Голощекина в Казахстане (1925—1933). Рукописный фонд Института истории НАН РК.
9. Григорьев В., Шапоров Ю. Цит. пр. С. 38.
10. Архив Президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2969. Л. 17.
11. Козыбаев М. Цит. пр. С. 90, 116.
12. Там же. С. 90—126; Справка о ходе проверки и анализа материалов по историко-политической оценке деятельности Ф.И. Голощекина в Казахстане...
13. Там же.
14. Козыбаев М. Цит. пр. С. 45; Справка о ходе проверки и анализа материалов по историко-политической оценке деятельности Ф.И. Голощекина в Казахстане...
15. Архив Президента РК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5058. Л. 1; Д. 5192. Л. 21, 30, 31.
16. Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5192. Л. 42—43.
17. Справка о ходе проверки и анализа материалов по историко-политической оценке деятельности Ф.И. Голощекина в Казахстане...
18. Нурпеисов К., Григорьев В. Т. Рыскулов и его время // Т. Рыскулов. Собр. соч. в 3-х т. Т. 1. — Алматы: Казахстан, 1997. — С. 46.
19. Там же.
20. Голощекин Ф. Казахстан на путях социалистического переустройства. — Алма-Ата, М.: ОГИЗ, 1931. — 248 с.
21. Рыскулов Т. Избранные труды. — Алма-Ата: Казахстан, 1984. — С. 169—193.
22. Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. — Алма-Ата: Казахстан, 1984. — С. 235.

Особенности статуса российских консулов и консульств в Синьцзяне (конец XIX — начало XX в.)

ГАЛИЕВ В.В.

Российско-китайские отношения конца XIX — начала XX в. имели множество аспектов. И среди них усиление российского влияния в Синьцзяне признавалось российскими властями как одно из важных составляющих. Практически это осуществляли российские консульства в Кашгаре, Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Кобдо, Шарасуме. И здесь важно отметить, что российские консульства в Синьцзяне выполняли не только представительские функции в торговле, но в значительной степени они были наделены и политическими функциями [1]. И подотчетны были не Министерству финансов и торговли, а Министерству иностранных дел. Это было существенной особенностью. Роль их еще более возрастала в связи с рядом особенностей: Синьцзян находился на сопредельной с Российской империей территории и был заселен тюркским населением, как и приграничный регион России. С юга проходила граница Индии, с запада — Афганистана [2]. Кроме того, российские консулы находились в значительном удалении от российского посольства в Пекине. Это предопределило в большой степени их самостоятельность.

Содержание консульской юрисдикции в Китае было таким же, как в других восточных государствах, например, в Иране или Турции [3]. Однако сходными оставались и отрицательные аспекты, сопровождавшие деятельность консульств. Так именно навязывание политических интересов своей страны Китаю вызвало негативное отношение к ним со стороны местных властей. Тот же Н.В. Богоявленский свидетельствовал: «Первое время после открытия консульств в Западном Китае положение консулов, как и вообще всех русских подданных, было очень тяжелое. Консульства были навязаны Китаю. Китайцы не желали ни иностранцев, ни иностранных консулов, и только под давлением они согласились допустить у себя тех и других. Поэтому вполне естественно, что они не могли любезно относиться к этим непрошеным гостям» [4]. Помимо этого, имело место и специфическое отношение китайцев к иностранцам [5].

Группа современных английских авторов в коллективной монографии особо подчеркивают влияние характера международных отношений с Китаем на состав и широту консульской юрисдикции. Они отмечают, что слабость центра усугублялась неопределенностью и робостью требований Пекина к властям на местах. И когда необходимо было брать ответственность за беспорядки в провинциях и

областях и компенсировать потери иностранцев, первые действия Цзунлиамыня были направлены на то, чтобы избежать ответственности и выплаты компенсаций. Именно таким образом Формоза, Корея, Вьетнам и области Центральной Азии постепенно стали «большой игрой» для иностранного колониального проникновения [6].

Политический статус российских консульств и самих консулов обуславливался не только историческим ходом развития этой службы или стоящими задачами. Важно, что Российское министерство иностранных дел рассматривало своих консулов в Синьцзяне именно как политических представителей, иначе на российских консульских представителей «китайцы станут смотреть как на простых торговых агентов, чего Министерство иностранных дел, ради пользы дела, не может допустить, в особенности относительно консульств наших в Западных владениях Китая» [7].

Указывая на сложность работы консулов, исследователи Г.В. Бобылев, Н.Г. Зубков отмечают, что одной из основных стала информационная функция консулов [8]. Освещение вопросов, связанных с торговлей, являлось лишь видимой частью этой деятельности. Через аксакалов, торговцев консулы собирали подробные данные о производственных предприятиях в Кашгаре, Кобдо, Кульдже, Чугучаке, Урумчи, Шарасуме, о состоянии посевов, количестве собранного урожая, разработке месторождения, о смене чиновников в административных единицах, пребывании англичан, японцев, итальянцев, французов. Отслеживалось нахождение и передвижение афганцев и индийцев в Синьцзяне. Начальники консульских конвоев собирали все данные по состоянию китайских военных подразделений в области.

Таким образом, российские консулы в Синьцзяне имели широкий круг обязанностей, связанный не только с торговыми задачами, но и политическим представительством. Однако широкие полномочия в значительной мере предопределялись значительными правами, закрепленными законодательно, что порой приводило консульства к конфликтам с российскими приграничными властями. Так, 4 мая 1886 г. Степной генерал-губернатор писал в Петербург к начальнику Азиатского департамента И.А. Зиновьеву: «Деятельность Статского Советника Балкашина на съезде 1883 г., когда наши киргизы заплатили китайцам следуемое удовлетворение, а сами не получили от них ничего, до сих пор памятна народу; она-то и породила впоследствии многие неурядицы на Бахтинской границе, вызвав по временам самосуд» [9].

Значительную роль играли российские консулы и в деле проведения международных российско-китайских съездов на границе. В мае 1886 г. губернатору Семиреченской области А. Фриде писал в Омск: «Приграничный съезд для расчетов между Джаркентскими (преимущественно) Верненскими, Иссыккульскими (частью) и пограничными китайскими киргизами и таранчами считается в настоящее время не только полезным, но и необходимым для предупреждения взаимной баранты и насилий между пограничными жителями. И Кульджинский консул, и китайские власти вполне сознают необходимость устройства этого съезда и мере сей сочувствуют. В этом съезде нельзя не видеть единственную — при настоящих обстоятельствах административного бессилия китайцев — между сколько-нибудь подвинуть к разрешению и окончанию хотя бы некоторую часть из массы накопившихся дел» [10].

В обязанности консулов входило и ведение финансовой документации — в штатах консульств не было ни бухгалтеров, ни кассиров. И это тоже была сложная задача — иногда в кассе находилась значительная сумма. Так, в 1893 г. у консула И.В. Падёрина в Чугучаке находилось в несгораемом большом ящике: 1) заголовок «по Кульджинскому делу» на 696 руб. 68 коп., 2) Консульских сборов 3039 руб. 40 коп., 3) особый конверт на 25 руб. 4) заголовок «переходочная сумма разным лицам» на 345 руб., 5) заголовок «Маффиной» на 350 руб., 6) к приходу и расходу на ст. II для казаков 1380 руб., 7) заголовок «по Кульджинскому делу» на 1493 руб. 38 коп., 8) 4 шифра в 4-х конвертах. В деревянном ящике: 1) проколотые серебряные монеты на 25 руб. 60 коп. (для обмена вручены г. Эггерту), 2) бумажками 17 руб., 3) серебром 2 руб. 10 коп. и 4) медью 61/2 коп., в отдельном конверте Исчана Клышбаева 12 руб., 200 ярмаков на 1 руб., в бочонке кредитными 1 руб., серебром 3 руб. 45 коп. и медью 3 руб. 93 коп.; в бумажнике 100 руб., кред. бумаг на 800 руб.; 5 руб., кредитными бумагами 55 руб.; 3 руб., кредитными билетами 249 руб. и руб., кредитными 11 руб. В маленьком железном ящике — расписки Государственного банка: 1) №267693 на 10 000 руб., 2) №257031 на 8000 руб., 3) №213281 на 11 000 руб., 4) №349472 на 900 руб., 6) №540567 на 2400 руб., 7) №581678 на 45 300 руб., конверт 100 руб., кредитными билетами на 2300 руб., конверт серебром и медными монетами на 4 руб. 65 коп.; конверт-заголовок «для Консульства» на 552 руб.; конверт на 1000 руб., 8 шт. полуимпериалов. В стареньком ящике 2 счета Конторы Никитина на 6237 руб. 10 коп. и на 67 647 руб., два закладных листа по 1000 руб. на 2000 руб., 100 руб. кред. билетами на 95 руб. [11]. Как явствует из этого перечня, ведение финансовых дел у консулов было обширным.

Интересно отметить, что консулы в европейских странах хоть и обладали рядом прав и преимуществ перед рядовыми представителями своей страны, в то же время не пользовались экстерриториальностью. Они были подсудны местным уголовным и гражданским судам, но законодательством и конвенциями устанавливались некоторые изъятия. Например, консул освобождался от явки в суд в качестве свидетеля, а допрашивался на дому или давал письменные показания; не подвергался аресту за долги [12].

Консул освобождался от воинского постоя и личных повинностей, от прямых налогов, которые взимались лишь с недвижимого имущества консула и его торговых операций. Он имел право отмечать свое жилище государственным гербом и соответствующей надписью и поднимать над ним национальный флаг. Это, конечно, не придавало жилищу статус неприкосновенного. Неприкосновенным был консульский архив, который не подлежал ни полицейскому обыску, ни конфискации, ни судебному запрещению, у консулов, занимавшихся торговлей, — при условии, что архив строго отделен от личных бумаг консула. Существовали и другие иммунитеты и привилегии консульских органов. В отношении привилегий «не делается разницы между генеральными консулами, консулами и вице-консулами» [13].

Конечно, каким бы высоким не был статус консула в Синьцзяне, он должен был подкрепляться материальным содержанием. Этот вопрос регламентировал консульский устав, где особо предусматривался порядок производства консульским чинам содержания и других выдач. Было установлено, что содержание и прочие выплаты, полагающиеся находящимся в чужих краях министрам и другим

чиновникам российской службы, переводятся туда, согласно предварительным расписаниям министерства иностранных дел.

Для сравнения можно привести сведения о зарплате западных консулов, работавших в Китае. Американский дипломат Т. Джерниган писал, что дипломатическая и консульская служба США в Китае состояла из министра, ежегодное жалование — \$12 000, первого секретаря дипломатического представительства — \$2625, второго секретаря — \$1800, переводчика — \$3000, одного генерального консула \$5000, трех консулов — по \$3500, одного консула — \$2500, одного представителя генерального консула — \$1600, шести переводчиков — \$1000 каждый, одного переводчика — \$600, четырех маршалов — по \$1000 на каждого, одного маршала — \$750. Таким образом, имелись двадцать семь чиновников-офицеров в дипломатической и консульской службе Соединенных Штатов в Китае по стоимости ежегодного жалования \$61 375 [14].

США и Англия обращали постоянное внимание на деятельность своих консулов в Китае, что способствовало улучшению их работы. В консульствах США в Китае несли службу около пятнадцати сотрудников. Молодые сотрудники начинали консульскую службу в Китае с молодости. Однако даже фиксированных сроков службы на консульских должностях часто не доставало, чтобы они овладели китайским языком [15].

Английский министр — посол Великобритании в Китае получал жалование \$10 000, инспектор британской таможни — \$500, консул — \$6000, вице-консулы — \$3500 с пособием, как налоговый чиновник в Смешанном суде — дополнительно \$1000, другой вице-консул — \$3250, юрист — \$2500 и главный клерк — \$2250. И если прибавить оплату студенческим переводчикам и клеркам, то сумма будет составлять \$40 000, израсходованных на генеральное консульство в одном Шанхае. Это на \$30 000 больше, чем Соединенные Штаты тратили на свое генеральное консульство здесь же в Шанхае. Великобритания имеет консульский штат в Китае, состоящий из шестидесяти четырех чиновников и офицеров, и расходует на обслуживание (службу) \$260 400 каждый год [16].

Оплата российской консульской службы включала в себя выплаты из бюджета и консульские пошлины. В 1893 г. был введен новый тариф консульских пошлин. В законе было сказано: «Тарифы консульских пошлин складывались из выдачи визы на проживание сроком до года, выдачи временного свидетельства, свидетельства о болезни, бракосочетании, смерти. Удостоверение личности, составление протокола о событии или обстоятельстве, за хранение имущества, денег, за вызов, повестку, за продажу имущества с публичных торгов, расходы по просьбам частных лиц, исполнение действий консула вне города» [17].

Некоторое представление о материальном положении российских консулов в Синьцзяне можно получить из данных 1893 г., возникших в связи со смертью консула Падёрина в Кульдже: «После Падёрина осталось в Государственном Банке 59 900, Московской конторы его 29 000, Консульские премиальные 2000, наличными около 5000 рублей» [18].

Статус российских консульств и консулов в Синьцзяне определялся не только международной договорно-правовой базой и российско-китайскими соглашениями. Значительное влияние на результативность деятельности консулов оказывало их умение вести дела с различного рода китайскими государственными чиновниками и старшинами. Административная система Синьцзяна в том виде, в котором

она продолжала существовать в последней четверти XIX в., начала складываться с 1882 г., когда усмиритель восставших народов Синьцзяна 1864—1878 гг. Цзо Цзун-тан предложил цинскому двору проект ее реорганизации.

Предусматривалось, что Синьцзян станет самостоятельной провинцией, которой будет управлять цзунду — наместник и иметь идентичное с другими провинциями административное деление. Предполагалось разделить Синьцзян на ряд дао (округ), фу (область), чжоу (область), тин (особо управляемый район) и сянь (уезд), ввести новые чиновничьи должности сюаньфу (губернатор), даотай (начальник округа) и др. В соответствии с проектом цзяньцзюнь, бывший наместник должен был выполнять функции командующего маньчжурскими войсками, а дутун — функции командующего войсками зеленого знамени, состоявших из китайцев [19].

После 1882 г. в Синьцзяне началось проведение административной реформы. Синьцзян стал одной из провинций Цинской империи. Однако, считаясь отдельной провинцией, Синьцзян фактически превратился в часть провинции Ганьсу и находился в управлении ганьсу-синьцзянского сюньфу. В административном отношении разделили Синьцзян на четыре округа — дао:

1. Урумчи-Баркульский округ с центром в г. Урумчи.
2. Или-Тарбагатайский округ с центром в г. Кульдже.
3. Аксуский округ с центром в г. Аксу.
4. Кашгарский особый военный округ с центром в г. Кашгаре.

Были учреждены должности бу-чжэн-ши — управляющий административными и финансовыми делами и ань-ча-ши — управляющий судебными делами. Верховным правителем Синьцзяна считался Ганьсу-Синьцзян сюньфу, в руках которого находилась как военная, так и гражданская власть. Резиденции Ганьсу-Синьцзянского сюньфу и Синьцзянского бучжэнши находились в Урумчи. Цзяньцзюнь как военный губернатор стал выполнять только функции главнокомандующего маньчжурскими восьмизнаменными войсками в Синьцзяне [20]. Дутун с резиденцией в Чугучаке и тиду с резиденцией в Кашгаре командовали китайскими войсками зеленого знамени. В начале 1883 г. на должность Ганьсу-Синьцзянского бучжэнши был назначен китаец Лю Цзинь-тан, а на должность Синьцзянского бучжэнши и аньчаши китаец Вэй Гуан-тао. На должность же цзяньцзюня, как правило, назначались исключительно маньчжуры. Не затронув титулов кашгарских князей, цинское правительство лишило князей всех административных прав [21].

С назначением Лю Цзинь-тана губернатором административная реформа стала претворяться в жизнь быстрыми темпами. После административной реформы, проведенной в Синьцзяне в 1884 г., ему был присвоен статус провинции. По мнению исследователя Ли Чен-нана, в течение многих столетий Синьцзян управлялся китайскими военными губернаторами. Однако большинство этих армейских военных чиновников не делали акцент в своей деятельности на гражданских и административных делах. Если бы не восстание 1864—1878 гг., то они так бы и не имели никакой концепции того, как правительством управлять гражданскими делами. «Кроме того, так как жители были представителями различных народов, легко начиналась вражда или бунты» [22]. Политика администрации Цзо Цзун-тана не была традиционной.

Чугучакским консулом было сообщено, что Лю Цзинь-тан возведен в сюньфу и будет находиться в Урумчи и у него сосредоточатся все финансы Западного Китая [23].

Одновременно с Китайским Манифестом о наградах по случаю исполнения пятидесятилетнего юбилея Царствующей Богдоханши объявлен в Пекине 5 ноября 1884 г. Богдоханский указ об учреждении новой провинции Гань-Су-Синь-Цзянь-Шень и о назначении на должность начальника края (Сень-Фу) Лю-Цзинь-Тана с оставлением по-прежнему Богдоханским комиссаром.

Деятельность маньчжуро-китайских властей велась в следующих направлениях: Главным городом новой провинции стал Урумчи, куда и переселился Лю-Цзинь-Тан в марте или апреле 1885 г. В состав вновь учрежденной провинции вошли Кашгарский, Хамийский, Карашарский, Баркульский и Урумчинский округа, Илийский и Тарбагатайский края. Новая провинция стала по счету 19-я в Китае.

Лю-Цзинь-Тан докладывал Богдохану и об общих вопросах касательно Или. Цзянь-Цзюнь имел право официально говорить преимущественно об Или, а в общих вопросах военного свойства Цзянь-Цзюнь совместно с Лю-Цзинь-Таном докладывал в Пекин.

■ Была осуществлена реорганизация чиновничьего аппарата с разделением функций военных и гражданских чиновников; ликвидировано традиционное местное самоуправление в лице беков, джасаков и старост, оно было сохранено лишь у некоторых монгольских племен, не принимавших участия в восстании 1864—1878 гг. Единственными посредниками между маньчжуро-китайскими властями и населением Синьцзяна остались лишь переводчики.

■ Была проведена некоторая реорганизация войск в Синьцзяне для повышения их боеспособности. Здесь появились войска, обученные европейскому строю и вооруженные современным европейским оружием. Отряды, состоявшие в основном из монголов и калмыков, несли преимущественно погранслужбу, занимались перевозкой почты и конвоированием казенного транспорта.

■ Цинским правительством были предприняты меры по введению в Китае китайского языка. С этой целью здесь были созданы учебные заведения, в которых воспитывались представители местных народов в духе китайских традиций.

■ Цинское правительство предприняло энергичные меры к заселению Синьцзяна колонистами из собственно Китая. Программой Цзо Цзун-тана предусматривался также широкий круг мероприятий, имевших целью сокращение государственных расходов, шедших на содержание администрации и армии.

В значительной степени статус российских консульств в Синьцзяне определялся еще одной гранью — личностями самих консулов и консульских служащих.

В условиях сложной обстановки, в которой приходилось выполнять свои обязанности российским консулам в Синьцзяне, они должны были обладать особыми личными качествами для выполнения широкого круга обязанностей. Об этом аспекте деятельности консула писал министр иностранных дел Франции Талейран: «Будучи искусным дипломатом, сколько еще необходимо, чтобы стать хорошим консулом! Ибо обязанности консулов разнообразны до бесконечности; они носят совершенно особый характер по сравнению с должностями других чиновников МИД. Они требуют массу практических знаний, для усвоения которых необходимо особое воспитание» [24].

Большинство российских консулов в Синьцзяне имели высокую востоковедческую подготовку. Они были не только хорошо знакомы с международным поло-

жением в Центральной Азии, но и тонко разбирались во внутреннем положении Синьцзяна. Достаточно назвать фамилии Н.Н. Балкашина, Н.Ф. Петровского, С.А. Фёдорова, Н.В. Богоявленского, В.В. Долбёжева, С.А. Колокова, В.В. Гегель-стрема, В.С. Сокова, А.А. Дьякова, К.В. Успенского, Н.Н. Кроткова, Я.Я. Лютша, В.М. Успенского, М.А. Борнемана, М.П. Шишмарёва, которые много сделали в научном изучении истории и культуры народов Центральной Азии.

Учениками выдающегося сиолога В.П. Васильева были работники консульских учреждений в Синьцзяне: Н.В. Богоявленский, Н.Ф. Колесов, С.А. Колоков, Н.Н. Кротков, Н.В. Лаптев, В.Ф. Люба, И.В. Падёрин, Д.Д. Покотилев, В.М. Успенский, М. Шишмарёв, И.С. Андриевский, А.Е. Снесарёв [25].

Дипломат Н.Н. Балкашин более 30-ти лет прослужил в Синьцзяне, многие годы был консулом в Чугучаке. Николай Николаевич Балкашин в 1858 г. окончил Первый московский кадетский корпус. Много лет проработал библиотекарем и помощником директора Демидовского юридического лица в Ярославле. С 1875 г. — чиновник особых поручений при Главном управлении Западной Сибири, занимался исследованием экономического положения и торговли в этом регионе. В настоящий период имел служебные поездки по Северному Казахстану, Семиречью и Семипалатинской области. С 1882 г. переведен в ведомство Министерства иностранных дел, назначен консулом в Чугучак. Его деятельность «на этом важном посту принесла громадную пользу интересам русской торговли в Западном крае» [26].

В 1886 г. взял отпуск для лечения за границей, но в Петербурге дела задержали — дополнял сведения о Западном Китае. В 1887 г. снова вернулся в Чугучак. В 1888 г. по поводу его кончины «Туркестанские ведомости» писали: «К сожалению, непосильные труды, постоянная борьба с обычным в Китае недоверием властей ко всему иностранному и, наконец, лишения, с которыми сопряжена жизнь европейца в здешних краях — сильно расстроили и без того слабое здоровье Н.Н.» [27]. Тело его с эскортом казаков было доставлено капитаном М.Н. Галкиным из Чугучака в Кульджу. Китайские власти, Тарбагатайский хань-амбань Силунь выразили глубокое соболезнование. Из Кульджи тело привели в Джаркент. Здесь и был похоронен консул.

По поводу смерти другого Чугучакского консула М. Шишмарёва в 1891 г. Н. Борнеман писал: «Отпевание и погребение покойного были совершены в Бахтах 28 октября. В этот день, для отдания последней чести консулу, была командирована в Чугучак казачья полусотня, полусотня эта конвоировала траурную колесницу до Бахтов, что для встречи тела был выстроен тамошний гарнизон, который отдал последний долг покойному ружейным залпом. Консул Шишмарёв стяжал себе в Чугучаке всеобщую любовь, как среди русского, так и китайского населения; и китайские власти также отозвались мне с большим сочувствием о покойном» [28].

Особо необходимо отметить консульскую деятельность дипломата, востоковеда Николая Фёдоровича Петровского, с 1882 по 1902 г. работавшего в Кашгаре. Родился Н.Ф. Петровский в 1837 г., получил военное образование. В 1861 г. вышел в отставку, некоторое время работал в аппарате Государственного совета, затем в Министерстве финансов. В 1874 г. от этого министерства был прикомандирован к Туркестанскому генерал-губернаторству. За несколько лет работы он ознакомился с новым краем, принимал участие в деятельности

местных научных обществ. С 1882 г. он в Кашгаре в должности консула основательно изучает прошлое и настоящее Центральной Азии. Он был обладателем превосходной библиотеки, владел рядом языков — русским, английским, турецким. Он являлся одним из первооткрывателей древностей Синьцзяна, к нему за советами и консультациями обращались многие российские и европейские востоковеды. Список его трудов разнообразен, свидетельствует об эрудиции ученого. Он поднимал тюркские, буддийские племенные источники и археологические материалы, тонко разбирался во взаимоотношениях народов Восточного Туркестана [29].

Опыт, знания и продуктивность работы консула С.А. Фёдорова особо отметила газета «Московские ведомости»: «Отъезд из Кульджи знакомого со всеми китайскими делами консула г. Фёдорова как нельзя более на руку китайским властям, которые теперь остались без надлежащего наблюдения с нашей стороны, тем более что наш консул из Урумчи также уехал в долгосрочный отпуск...» [30].

Убедительным примером научной деятельности дипломатов служит участие консульских работников в археологическом изучении Синьцзяна Н.Ф. Петровского, Н.Н. Кроткова, А.А. Дьякова, С.В. Сокова [31].

Часть из консульских сотрудников провела почти по два десятка лет на работе в Синьцзяне и способствовала не только росту престижа России в этом регионе, но и проведению российской колониальной политики. Среди них:

Вальтер Александр Александрович — Кульджа, драгоман 1902—1904 гг.; Урга, секретарь 1906 г.; Кашгар, секретарь 1910—1911 гг.; Улясутай, консул 1912—1913, 1915—1917 гг.

Долбёжев Владимир Васильевич — Урга, драгоман 1898—1900 гг.; Улясутай, консул 1906—1909 гг.; Турфан, секретарь 1909—1910 гг.; Чугучак, консул 1910—1916 гг.

Дьяков Алексей Алексеевич — Урга, драгоман 1904 г.; Кульджа, драгоман 1905 г.; Турфан, секретарь 1906—1912 гг.; Турфан, консул 1913—1916 гг.

Кузьминский Михаил Николаевич — Улясутай, секретарь, драгоман 1906 г.; Кобдо, консул 1912—1913 гг.; Шарасумэ, консул 1915—1916 гг.

Люба Виктор Фёдорович — Урга, драгоман 1891—1894 гг., секретарь 1895—1899 гг., консул 1905—1906 гг.; Улясутай, консул 1911 г.; Урга, консул 1912—1914 гг.

Соков Сергей Васильевич — Кульджа, драгоман 1894 г.; секретарь 1895—1898 гг.; Чугучак, консул 1903—1910 гг.; Кашгар, консул 1911 г., генеральный консул 1912—1914 гг.

Успенский Виктор Матвеевич — Урга, секретарь 1879—1884 гг. [32].

Накануне Октябрьской революции в российском консульстве г. Урумчи вице-консулом работал С.А. Медведев. В воспоминаниях В.И. Петрова имеется свидетельство: «Сергей Александрович был настоящим интеллигентом, высокообразованным профессионалом, знатоком языков и литературы» [33]. После революции он долгие годы был консулом в Чугучаке*.

* В период революции и гражданской войны российские консулы в Синьцзяне выступили против Советской власти. В сентябре 1918 г. консул в Кульдже В.Ф. Люба предлагал признать Сибирское правительство Колчака в Омске. Консул в Кашгаре А. Успенский активно сотрудничал с Ферганскими правителями Мадамин-беком и К. Мостровым. Чугучакский консул В.В. Долбёжев с большой суммой золота и серебра, полученного из Семипалатинского отделения Государственного банка для Белого движения, перебрался на Восток, откуда уехал в США. *Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. — М., 2003. — С. 280, 282, 207/*

Наконец, тот же представитель английского правительства вынужден был сознаться, что хотя консулов вообще должно считать только торговыми агентами, но все-таки на них всегда возлагается также сообщение в своих отчетах обо всех политических событиях, случившихся на месте их пребывания. Так что нет возможности совершенно выделить из консульских отчетов вопросы политические от экономических и торговых. Другими словами, консулы сохраняют не только экономические интересы своего государства, но, вместе с тем, исполняют и политические функции, которые иногда, в особенности на Востоке, даже преобладают в их деятельности.

На основании всех приведенных соображений нам кажется совершенно ошибочным выставить отличным признаком консулов отсутствие в их деятельности политического элемента [34]. Безусловно, в условиях Синьцзяна российские консулы являлись и политическими представителями. Они были активными участниками «большой игры», затеянной великими державами в Центральной Азии во второй половине XIX — начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиев В.В. Консульская юрисдикция в Западном Китае в конце XIX — начале XX в. // Научные труды. — Алматы, 2001. — №3. — С. 83—94.
2. Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций. На примере Центральной Азии во второй половине XIX в. // Полис, 1998. — №2. — С. 64—76; №3. — С. 133—146.
3. Санчиров В. Консульское право. — М., 1923. — С. 61.
4. Богоявленский Н.В. Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. — СПб., 1906. — С. 343—344.
5. Thomson, M.C. China the Powers. I., 1902. — Pp. 1—18; Позднеев А.М. Об отношении европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1887 г. // Сб. мат-лов по Азии. Вып. XXVII. — СПб., 1887. — С. 228—263.
6. Fairbank, J.K., Reischauer, E.O., Craig, A.M. East Asia. The modern transformation. Vol. II. Boston, 1965. — P. 366.
7. ЦГА РК ф. 64. Оп. 1. Д. 4888. Л. 37.
8. Бобылев Г.В., Зубков Н.Г. Основы консульской службы. — М., 1986. — С. 21.
9. ЦГА РК ф. 64. Оп. 1. Д. 4918. Л. 155.
10. Там же. Л. 100.
11. Там же. Д. 5176. Л. 15.
12. Александренко В. О правах и преимуществах дипломатических агентов по новейшим исследованиям // Юридический вестник. — 1891. — Т. IX. — Книга 2 (октябрь). — С. 170—174.
13. Там же; Устав консульский (изд. 1903 г.) // Свод законов Российской империи. — СПб., 1903. — Т. XI. — Часть 2. — С. 729.
14. Jarnigan, T.R. China's business methods and policy. — L., 1904. — P. 248.
15. Ibid. P. 244.
16. Ibid. P. 249.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 13. (№9217—10232). — СПб., 1897. — №9766. — С. 437. Приложение. — С. 203—205 (2 pag.)
18. ЦГА РК ф. 64. Оп. 1. Д. 5176. Л. 21.
19. Ходжаев А. Административная реформа 1882 г. в Синьцзяне // Восьмая научная конференция «ОБК», Ч. 11. — М., 1977. — С. 80.
20. Там же. С. 82.
21. Там же. С. 83.
22. Li Cheng-Nung. The political history of China 1840—1928. — Princeton, 1956. — P. 113—114.
23. ЦГА РК ф. 64. Оп. 1. Д. 4953. Л. 13.
24. Объяснительная записка к проекту Устава о Российских консулах. — СПб., 1884. — С. 4.
25. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. — М., 1977. — С. 236.
26. Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802—1902. — СПб., 1902. — С. 21 (2 pag.).
27. Балкашин Н.Н. Некролог // Туркестанские ведомости. — 1888, 2 февраля. — №5.
28. ЦГА РК ф. 64. Оп. 1. Д. 5174. Л. 14—16 с об.

29. Семёнов А.А. Николай Фёдорович Петровский // Этнографическое обозрение. — М., 1908. — Т. XXIX. — №4; Петровский Н.Ф. Историография общественных наук в Узбекистане / Сост. Б.В. Лунин. — Ташкент: Фан, 1974. — С. 277—286; Там же. Список публикаций Н.Ф. Петровского.
30. Московские ведомости. — 1908, 25 марта.
31. Терентьев-Катанский А.П. Изучение археологии Центральной Азии русскими исследователями (по мат-лам архивов Русского географического общества и Ленинградского отделения ИВ АН СССР) // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. — М.: ГРВЛ, 1989. — С. 43—66.
32. Lensen, A. Russian diplomatik and Consular officials in East Asia. — Tokio, 1968. — P. 48.
33. Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. — М., 2003. — С. 235.
34. Мартенс Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. — СПб., 1873. — С. 598.

Эволюция центральноазиатской махаллы (от средневекового феномена к элементу традиционного общества)

ГУСАКОВ В.В.

Средние века — важнейший этап в истории народов Центральной Азии. В это время в странах макрорегиона не только окончательно складываются феодальные отношения, но и возникает целый ряд местных явлений экономического, культурного и социального порядка, которым суждено надолго пережить собственно средневековый исторический период. К примеру, основанные в ту пору ирригационные технологии создания магистральных каналов и подземных водонесущих тоннелей — каризов оставались непревзойденными до новейшего времени. Стереотипная четырехчастная структура феодального города: диз (араб. касба), шахристан (араб. медина), рабад и махалла со временем распространилась по всему мусульманскому Востоку, предопределив топографию его исторических городов до наших дней. Впрочем, махалла далеко выходит за определение лишь городского квартала. Консолидируя экономически, религиозно, в военном плане средневековую общину, она и в позднейшее время оставалась для жителей региона эффективной самодостаточной формой социальности.

Поразительно, но махаллинская организация успешно дожила до XX в., сыграв свою роль в событиях гражданской войны в Средней Азии и последовавшей за ней борьбе с басмачеством. Видна ее роль в войне в Афганистане и даже в

вооруженных столкновениях на постсоветском пространстве. Во время узбекско-киргизского конфликта в Оше (1989 г.), гражданской войны в Таджикистане, недавней кыргызской «тюльпановой революции» и волнений в узбекском Андижане махаллинские бригады продемонстрировали быструю мобилизацию и крепкую спайку, основанную на круговой поруке своих членов.

Комплекс вопросов, касающихся появления средневековой махаллы, а также превращения ее в столь важный атрибут центральноазиатской общественной и политической жизни, тесно, связан с местными особенностями развития феодального города. Укоренившаяся в указанный исторический период практика его интегрированного сосуществования с прилегающей сельской округой и, как следствие, концентрация в городах большинства оседлого населения постепенно сделали города безусловными центрами и средоточием истории стран и народов Центральной Азии. Все это объясняет пристальное внимание ученых-востоковедов к изучению структуры, топографии, экономической жизни и прочих аспектов развития средневековых городов Средней и шире Центральной Азии, отраженное в их хрестоматийных работах.

Еще до революции В. Жуковский собрал ценный материал по древнему Мерву, который затем был дополнен и проанализирован В. Бартольд [1]. В. Бартольд попытался проследить путь развития средневековых среднеазиатских городов, вскрыл точное значение специальной терминологии, примененной географами и историками IX—X вв. по отношению к городским частям, высказал мысль о разрастании городов за счет территорий *рабадов* (пригородов). Следует, однако, отметить, что, поставив перед востоковедением вопрос о сложении феодального средневекового города, в чем его несомненная заслуга, он все же не развил своих взглядов до стройной системы.

Систематическое исследование социально-экономического содержания городской жизни, в том числе ее квартальной организации, ее взаимосвязанности с вопросами историко-топографического развития городов, стало возможным в XX-м столетии. Учеными, и в первую очередь нашими соотечественниками, была проведена огромная работа по изучению сведений письменных источников и археологических данных, полученных в процессе исследования таких исторических городов Средней Азии, как Самарканд, Бухара, Мерв, Худжанд, Термез, Варахша, Пенджикент, Бунджикат и др.

Теоретический аспект проблематики генезиса и сложения средневекового города, важнейшей роли в этих процессах *махаллы* разработал А. Якубовский [2]. Разнообразные аспекты проблемы были уточнены и дополнены в работах ряда других исследователей [3]. Методику и опыт археологического изучения городов, их древних кварталов обобщили на специальном совещании научного совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана, где была особо отмечена эффективность совмещения археологического материала с данными географии, топонимики, топографии и фольклора [4], тем более что в течение всех средних веков местная городская цивилизация оказывала огромное влияние на соседние регионы, во многом определяя устройство городской жизни на всем мусульманском Востоке.

Главным центральноазиатским ареалом земледельческой цивилизации, культивировавшей оседлый образ жизни, издревле служило междуречье Амударьи

и Сырдарьи, в древности именовавшееся Согдианой (Согдом) и впоследствии переименованное арабами в Мавераннахр (*букв. «то, что за рекой»*).

Эта страна редко когда была единой и состояла из множества лоскутных владений вокруг торговых городов и оазисов, границы которых определялись естественными рубежами. Исключительные ландшафтные и рельефные особенности края (изрезанность могучими горными хребтами и пустынями) предопределяли развитие в его разделенных оазисах и долинах самобытной экономической и государственной жизни. Главными владениями здесь были древние Самарканд и Бухара, восточнее в присырдарьинской части выделялась отдельная культурно-государственная область — Уструшана. На правом берегу бассейна средней Сырдарьи располагались небольшие владения Илак, Чач, Испиджаб, а далеко на севере и востоке — Хафтруд (Семиречье), соседствовавший с Алтаем на севере и Великой Китайской стеной на востоке.

В Приаралье на нижней Амударье лежал Хорезм. На обоих берегах средней Амударьи располагался Тохаристан (наследник древней Бактрии), на правом берегу Амударьи и на реке Вахш — Хуттал со столицей в городе Хульбук, в бассейне Сурхандарьи — Кабадиан, к югу и западу от Пянджа — Бадахшан, по верховьям рек Кафирнигана, Вахша и Пянджа — мелкие горные княжества Ахарун, Шуман, Рашт, Кумед, Дарваз, Угнан, Рушан, Ишкашим, Вахан.

На месте древних маргианских и парфянских земель — в бассейнах Мургаба и Герируда в средние века появляется Хорасан.

Раздельное существование свыше 20-ти квазинезависимых владений, управлявшихся местными потомственными династиями (*шахами, ихшидами, афшинами, дехканами, худатами*), естественно, серьезно ослабляло обороноспособность региона, делая его постоянным объектом иностранных интервенций и полигоном для междоусобных столкновений. С другой стороны, сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка способствовала консолидации местных общин, как сельских, так и городских.

Под влиянием перманентной угрозы вооруженного нападения в Центральной Азии еще в эпоху древнего мира практиковалась концентрация всех производительных сил и накопленных ресурсов в хорошо защищенных и укрепленных городских центрах. Так, согдийский военно-политический центр Мараканда (Самарканд) был обнесен оборонительной стеной вместе с прилегающими селами. То есть стена проходила по всему периметру оазиса, орошаемого Зеравшаном. Известный римский автор Квинт Курций Руф (I в. н.э.) определял длину указанной стены в 70 стадиев (около 12 км.). Это втрое-вчетверо больше средней величины обычного древнего греческого города в бассейне Средиземного или Черного морей [5].

Также сильно был укреплен древний Мерв. Оборонительный периметр Мервского оазиса, первоначально усиленный шестью пограничными крепостями, во времена Селевка I-го и его сына Антиоха был целиком обнесен оборонительной стеной (нач. III в. до н.э.). Остатки этого, поистине грандиозного, сооружения сохранились до нашего времени [6].

Указанная традиция еще более окрепла в средние века с развитием в регионе феодальных отношений. Уже в V—VI вв. густо населенная территория Бухарского владения была окружена мощной оборонительной стеной длиной 350 км. Собственно, она состояла из двух параллельно идущих *пахсовых* стен

толщиной 3—4 м с внутривнутренним коридором шириной 4—6 м, заполненным глиной с примесью песка и гравия. У основания общая толщина стены доходила до 12—14 м [7].

За время разрушительного арабского завоевания, подобно многим другим защитным сооружениям, длинные стены Бухары пришли в полную негодность. Поэтому уже в конце VIII в. новый арабский наместник Хорасана Абулабос Туси (783—787 гг.) приказал восстановить могучие оборонительные сооружения. Восстановительные работы продолжались почти 50 лет. Территория, окруженная этой стеной, насчитывала 12х12 *фарсахов* (примерно 100х100 км), где не было даже небольшого клочка необработанной земли [8].

В VIII—IX вв. согдийская городская культура распространилась на северных отрогах Тянь-Шаня (Чуйская долина) и в Семиречье (Таласская долина). Так же, как и в Мавераннахре, внешние стены возникших в Чуйской долине городов Садыркургана и Актепе одновременно ограничивали и прилегающую к ним земельную округу. Аналогично в Таласской долине был обнесен длинными стенами земельный район Испиджаба, после его завоевания в первой половине IX в. арабским полководцем Нухом ибн Асадом [9].

Таким образом, уже со времени раннего средневековья в Центральной Азии получили сильное (гипертрофированное) развитие процессы урбанизации. Сельские земельные поселения включались в черту города, в его оборонительный периметр, образуя со временем городские пригороды — *рабады*, а в последующем и вполне городские микрорайоны (кварталы) — *махалла*.

Известный таджикский историк Наршахи в своем исследовании «История Бухары» упоминает о 700 (!) усадебных комплексах, окружавших городскую цитадель (*диз*) Бухары [10]. И хотя подобное их количество, по-видимому, все же является преувеличением, на территории исследованных среднеазиатских домонгольских городищ Джизака, Заамина, Канки, Испиджаба, Хамуката хорошо сохранились и отчетливо просматриваются отдельно стоящие холмы — бывшие укрепленные поселения (усадыбы) горожан-земледельцев. Об этом же говорят и названия некоторых исторических городов, например Пенджикента. Слово Пенджикент состоит из двух слов *панч* — пять и *кент* — селение, то есть пять селений, которые позднее слились в один город.

В силу указанных особенностей своего развития, средневековые центральноазиатские города по занимаемой площади намного превосходили западноевропейские. Например, территория средневекового Термеза составляла ни много, ни мало 250 га, Самарканда — 284 га при населении уже в X в. до 200 тыс. чел., Мерва — 300 га.

Помимо имевшего место в средневековой Европе углублявшегося разделения города и деревни, здесь происходил обратный процесс нивелирования различий между ними, унификации городского и сельского образа жизни. По-видимому, именно эти процессы имел в виду К. Маркс, отмечая, что «...азиатская история — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни...», и поддержавший его Ф. Энгельс: «Городские ремесленники должны были, конечно, уже с самого начала производить для обмена. Но и они вырабатывали большую часть нужных для собственного потребления предметов самостоятельно: они имели огороды и небольшие поля, пасли

свой скот в общинном лесу, который, кроме того, доставлял им строительный материал и топливо...» [11].

По устоявшейся средневековой традиции плательщиком прямого налога в государствах региона выступали не отдельные физические лица, а местные сообщества разных уровней. При этом денежный или натуральный (продовольственный) налог города (области, оазиса) складывался из его долей, распределявшихся между составлявшими его социумов более низкого ранга.

С учетом высоких темпов урбанизации, благодаря которым уже в домонгольский период большинство оседлого центральноазиатского населения проживало в городах-гигантах, низшим звеном в этой податной системе-иерархии чаще всего выступала районная (квартальная) община — *махалла*. В течение средних веков *махалла* превратилась в повсеместную первичную форму социальности, которая, невзирая на происхождение верховной власти в регионе (арабы, монголы, персы, тимуриды и пр.), неизменно сохраняла свою автономность и самобытный уклад.

Махаллинская организация серьезно повлияла и на топографию городов Центральной Азии. Четко выраженные (очерченные) кварталы, как правило, имеющие собственные названия, хорошо сохранились в древней части Самарканда, Бухары, Термеза, Мазари-Шарифа и др. Одновременно вскрыты крупные массивы городских кварталов при раскопках средневековых городов, прекративших свое существование задолго до нашего времени. Их можно видеть в Кафыркале, Вашгерде, столице Уструшаны — Бунджикате, Варахше и, в особенности, в Пенджикенте — домонгольском городе, который систематически изучается уже в течение 50-ти лет. При его раскопках получен огромный и ценнейший основополагающий материал для характеристики эволюции центральноазиатского города. Результаты раскопок свидетельствуют о том, что город строился по регулярному плану. Так, вдоль кварталов идут прямые улицы шириной от 3 до 5 м, пересекающие друг друга. Кварталы, включавшие в себя базары, торгово-ремесленные лавки, святилища, жилые массивы, вытянуты в длину более чем на 100 м.

Следует, однако, признать, что, несмотря на обилие археологического материала, технический вопрос о закономерностях (принципах) членения городов на кварталы до сих пор остается спорным. Исследователь центральноазиатского культурного наследия А. Беленицкий решал этот вопрос с точки зрения европейского градостроительства. По его мнению, квартал состоял из группы домов, изолированных улицами. В. Воронина, напротив, считает, что квартал представлял собой массив плотно слитых жилых секций. Очевидно, занимавшие жилые секции отдельные семьи еще не потеряли связи с родом. Образуя большую семейную общину, такой род занимал порой целый квартал, тянувшийся на 100—150 м [12].

Необычайная плотность застройки объясняется постоянными внешними и внутренними вооруженными конфликтами, по причине которых люди старались жить компактно, близко друг к другу. Кроме того, таким образом экономилась городская земля, защищенная внешней оборонительной стеной. Наконец, пристраивая дома вплотную, так что они имели общие стены, жители центральноазиатских городов традиционно экономили строительные материалы, особенно дефицитный лес. Такая строительная техника, кстати, сохраняется в регионе до

сих пор. И сегодня при строительстве нового дома соседи часто используют межвые стены таким образом, что стены между домами и крышами оказываются общими. Из-за этого постороннему человеку, впервые попавшему в старую часть города, практически невозможно визуально расчленить его древний квартал на самостоятельные жилища — домовладения.

В общем, членение городов на кварталы было закономерным, оно коренилось в свойственном феодализму замыкании людей в ограниченных узкими рамками группах, объединенных либо родственными узами или общим происхождением из одного места, либо профессиональными связями, либо проживанием на общей замкнутой территории. Указанные принципы лежали в основе выделения жилых кварталов в структуре феодального города [13].

В современном европейском понимании термин «квартал» — это группа домов, обычно занимающих площадь более или менее правильной прямоугольной формы, ограниченную со всех четырех сторон улицами. Улица отделяет один квартал от другого, и дома, стоящие по разным сторонам ее, относятся к разным кварталам. В центральноазиатском городе, наоборот, улица соединяла живших на ней людей, была центром, сердцевинной квартала. Квартал включал в себя все дома, стоявшие по обеим сторонам улицы, и отходившие от нее переулки и тупики. Применять к местным городам принцип выделения кварталов по улицам неверно. Центром квартала было культовое сооружение (мечеть). Часто дома отступали от «красной линии» улицы и перед ними размещались ряды низких торгово-ремесленных лавок, в широких проемах (*айванах*) полукупольных типов которых выставлялись разнообразные товары.

Традиционно жилые дома в средневековом городе были двух-, трехэтажные. Крыши домов имели парапет, за которым в период вооруженных конфликтов члены махаллинских дружин оборонялись, посылая во врагов стрелы и бросая камни. Квартал в городе был не только территориальной, но и административной ячейкой. *Раис* управлял городом через квартальных старейшин (*раиси махалла*).

В период с VIII по XV в. страны Центральной Азии, в особенности расположенные в центральноазиатском междуречье, пережили несколько опустошительных нашествий (арабское, тюркское, монгольское), внутренние усобицы, репрессивный режим Тамерлана и ряд жестоких военных диктатур калибром поменьше. Все это приводило к ослаблению, а зачастую и обнулению местных элит. Их замки, горные крепости, цитадели в городах беспощадно разрушались. Не случайно уже с XII—XIII вв. городской *диз* (крепость) все чаще называют *кухандиз* (старая, разрушенная крепость). По тем же причинам падает значение *шахристанов* (укрепленные административные центры, место проживания городской знати). Поскольку они становились главным объектом вражеской атаки во время войны, жить там стало небезопасно. Понимая это, знать повсеместно сама перебирается в *рабад* и *махаллы*. Этому способствует также быстрый территориальный и экономический рост последних.

В X—XII вв. в Мерве жизнь *Шахристана* (Гяуркала) постепенно угасла. Центр ремесленного производства и торговли перемещается в район (*рабад*) к западу от Шахристана — Султанкала, с его крупным кварталом (*махаллой*) керамистов. Как показывает археологическое изучение, в X в. площадь Султанкалы застраивается почти полностью, а мощность культурных слоев указывает

на интенсивность обживания. В ее северо-западной части сосредоточиваются жилые дома богатых граждан, близ крепостных стен — их рядовых земляков. Попутно меняется облик и административные функции этого нового центра города. Расширяются и укрепляются его жилищно-ремесленные ячейки (*махаллы*).

Аналогичным образом развивалась ситуация в Самарканде, Нишапуре, Термезе, Кеше и др. Всюду старые *шахристаны* и цитадели обращались в развалины, а городская жизнь полностью перетекала в *рабады*, строившиеся и жившие по махаллинскому принципу.

Все это кардинально меняет размеры, внешний облик и характер застройки феодальных центральноазиатских городов. Формируется традиционный городской уклад, практически без изменений дошедший до XX в. Вместе с ним до нашего времени просуществовала и его экономическая, административная, фискальная единица — *махалла*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский В.А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва // Материалы по археологии России. — СПб., 1894; Бартольд В.В. К истории Мерва // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. — СПб., 1910. — Т. XIX. — Вып. 4.
2. Якубовский А.Ю. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. // Мат-лы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. — Л., 1932. — Ч. 1. — С. 4; он же. Из истории археологического изучения Самарканда // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. — Л., 1940. — Т. II. — С. 304—305; он же. История Узбекской ССР (разделы). — Ташкент, 1955. — Т. I. — Кн. 1. — С. 176—186, 209—218.
3. Шишкин В.А. К исторической топографии старого Термеза // Тр. Узбекского филиала АН СССР. — Сер. 1. История археологии. — Вып. 2 / Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936. — Ташкент, 1940. — С. 123 и сл.; Литвинский Б.А. О некоторых моментах развития средневекового города Средней Азии // Изв. Отд. Обществ. Наук АН Таджикской ССР. — Вып. 4. — Сталинабад, 1953; Негматов Н.Н. К концепции урбанизации Средней Азии // Изв. АН Таджикской ССР. Серия: Востоковедение, история, филология. — 1991. — №1 (21). — С. 14—19.
4. Средневековые города Средней Азии и Казахстана // Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. — Л., 1970; Мерв в древней и средневековой истории Востока / Тезисы докл-в науч. симпоз. — Ашхабад, 1990; Мерв в древней и средневековой истории Востока. III: Мерв и Парфянская эпоха / Тезисы докл-в науч. конф. — Ашхабад, 1992; Города и караван-сарай на трассах Великого Шелкового пути / Тезисы докл-в Междунар. семинара ЮНЕСКО. — Ургенч, 1991; Гусаков В. Проблемы моделирования региональной системы международных отношений // Ориентир. — Бишкек: Международный институт стратегических исследований при Президенте Кыргызской Республики, 2007. — №2 (15). — С. 5—12.
5. Шишкина Г.В. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба: автореф. дис. канд. ист. наук. — Ташкент, 1969.
6. Гусаков В.В. Центральноазиатская политика Греко-Бактрийского царства // Вестник Международного Института Центральноазиатских исследований (Самарканд). — 2007. — №6. — С. 34—42.
7. Омельченко О.В. К вопросу о времени возведения стены Бухарского оазиса — Кампир-дувал // Тр. Ташкентского государственного университета. Археология Средней Азии. — Ташкент, 1960. — Вып. 172. — С. 11—30.
8. Мухамедов Х. Новые участки Кампир-дувала древнего Согда // История материальной культуры Узбекистана. — Ташкент, 1972. — Вып. 9. — С. 131—135; Мухамедов Х. Из истории древних оборонительных стен вокруг оазисов Узбекистана. «Стена Кампирак» древнебухарского оазиса. По историко-археологическим материалам: автореф. дис. канд. ист. наук. — Ташкент, 1961.

* Значительную роль сыграла серия международных конференций в рамках подготовки 2500-летнего юбилея Мерва.
 ** В связи с осуществлением ряда мероприятий по Международному проекту ЮНЕСКО «Великий Шелковый путь — путь диалога», активизировалось изучение средневековых городских пунктов на торговых путях Центральной Азии.
 *** О важности правильного использования терминов «Средняя Азия» и «Центральная Азия».

9. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). — Алма-Ата, 1986. — С. 48—63; Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Рафид-Булан). — Фрунзе, 1983.
10. Мухаммад Наршахи. История Бухары. — Ташкент, 1897. — С. 16—28.
11. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Вестник древней истории. — 1940. — №1 (10). — С. 13; Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Л., 1950. — С. 253; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. — СПб., 1900. — Ч. II. — С. 91; Заходер Б.Н. Хорасан и образование государства сельджуков // Вопросы истории. — 1945. — №5-6. — С. 124.
12. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973. — С. 23—24; Воронина В.Л. Архитектура Средней Азии в VI—VIII вв. н.э. // Всемирная история архитектуры. — М., 1969. — Т. 8. — С. 187.
13. Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодалного города Бухары. — М., 1976. — С. 57; Шишкина Г.В. Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе // Средневековые города Средней Азии и Казахстана... С. 15—18.

Социально-экономическое положение соотечественников, проживающих в Великобритании (социологический анализ)*

РАКИШЕВА Б.И.

Миграционная история

Великобритания, наряду с Францией и Германией, входит в тройку лидеров стран Европы, принявших большое количество мигрантов. Высокий уровень благосостояния, либеральная система социального обеспечения, позволяющая мигрантам пользоваться социальными услугами наравне с коренными жителями, делают Великобританию более привлекательной, чем другие страны Европейского Союза.

На волне трудовой миграции в 80-гг. XX в. в Великобританию переселилась небольшая группа этнических казахов. Группа потомков алтайских казахов, перекочевавших через Индию и Пакистан в Турецкую Республику, сегодня состоит из 45-ти семей и проживает в основном в Лондоне:

«Казахская диаспора в Европе обосновалась с 1960 гг. Есть те, кто прибыл в Англию в 80-х гг. Раньше нас было много, около 100 домов. Кто смог вытерпеть правительство Англии, кто не смог, теперь осталось всего 45 семей»**.

* Данная статья написана на основе анализа нарративных (повествовательных) интервью и групповых интервью, проведенных автором в среде казахской диаспоры, проживающей в Лондоне. Всего было опрошено 22 респондента различных возрастных групп. Время проведения исследования — август 2007 г. Дополнительно были проведены глубинные интервью с представителями посольства РК в Великобритании, с руководителем культурного центра казахской диаспоры Исмаилом Кесижки.

** В статье курсивом отмечены прямые высказывания диаспорантов.

Характерной чертой казахской диаспоры, по мнению ученого-диаспоролога, доктора исторических наук Г. Мендикуловой, является «успешное функционирование в странах с полиэтнической, мультикультурной и мультирелигиозной структурой, благодаря превосходной способности к адаптации, генетически заложенной кочевым образом жизни, повлиявшим на их социально-психологические, физиологические и мировоззренческие способности» [1]. Анализ жизнедеятельности небольшой группы казахской диаспоры, проживающей в Лондоне, полностью подтверждает данное положение.

В основном казахская диаспора представлена выходцами из Восточного Казахстана, из родов Найман (Nauman) и Керей (Girey). Респонденты отметили, что имеют родственников как в Казахстане, так и в других странах:

«В Казахстане тоже есть родные отца. Они живут в Алматы. Также переехали из Турции в Казахстан»;

«Если спросите (представителей казахской диаспоры), кто Вы по национальности, они ответят, что казахи. Все знают свой ру (род), мы, например, керей...».

В основном в семьях имеются по двое-трое детей. Семьи являются моноэтническими в большинстве, есть несколько смешанных семей, где в основном жены-турчанки.

Языковая идентичность

Усиление этнической идентификации сегодня ни у кого не вызывает сомнений. Для диаспор данный процесс всегда актуальный и животрепещущий. Важную роль в этих процессах играет язык, и не случайно языковая идентичность, обладающая ярко выраженными этническими функциями, занимает высокое положение на шкале ценностей личности.

Основная часть этноса владеет традиционным для него языком, а отделившаяся от него этническая общность (диаспора), живущая в инонациональном окружении, часто переходит на язык этого окружения. При этом используемые в социально-коммуникативной системе языки имеют свою иерархию. Представители казахской диаспоры говорят в основном на трех языках: *английском, турецком и казахском*. Применение того или иного языка зависит от сферы применения или возраста собеседника. Так, например, старшее поколение казахов между собой говорит в основном на казахском и турецком языках. Некоторая часть молодежи и людей среднего возраста, разговаривая со старшим поколением, применяют также эти два языка. Но уже в среде среднего поколения и, особенно, младшего больше применяются английский и турецкий языки.

Сохранение родного языка является основной проблемой казахской диаспоры, отмечаемой респондентами всех возрастов. Главным образом, это актуально в семьях смешанных браков:

«Дома разговариваем и на казахском, и на турецком»;

«На турецком. Моя жена говорит только на турецком»;

«Когда наши родители приехали с Алтая, с нами говорили на казахском... Когда я встречаюсь с родителями, говорю с ними по-казахски»;

«Дети между собой говорят на турецком»;

«Многие мои друзья (казахи из Казахстана) разговаривают на русском. Когда

собираемся вместе — общаемся. Они разговаривают со мной на русском, когда я им говорю, что не понимаю, они с удивлением на меня смотрят. Общаемся на английском, на казахском».

Благодаря активной деятельности посольства Казахстана в Великобритании (посол г-н Е. Идрисов), были организованы курсы казахского языка, что стало огромной помощью для молодого поколения казахской диаспоры в изучении родного языка:

«Спасибо послу... приехала преподавательница, обучает казахскому.

Она из Алматы, дает уроки английского, казахского языков. Дети учатся, особенно шесть детей учатся усердно. Они уже умеют и читать, и писать».

Культурная идентификация

Диаспора не имеет возможности для территориально-политической организации, и поэтому она усиливает этнокультурный аспект своего существования. Сохраняя приверженность традициям, обрядам, выступая носителем определенного менталитета, диаспора подтверждает принадлежность к целостному массиву этнической культуры, создаваемой на протяжении всей истории. «Сохраняющая» функция диаспоры является основной. Благодаря наличию этой функции, диаспора сохраняет язык своего народа, этнонациональную культуру (обряды, традиции, жизненные устои, домашний уклад, танцы, песни, праздники, национальную литературу и т.д.), определенную конфессиональную принадлежность, этническое самосознание (этнические стереотипы, общую историческую судьбу). Культурные традиции и обычаи в среде казахской диаспоры вобрала в себя многое из культур тех стран, в которых они ранее проживали, но в основе своей остались неизменными. Сохранена казахская основа, в которую органично слились турецкие традиции:

«Смешанная культура. Мясо подаем по-казахски, на праздниках празднуем и играем, поем как турки, по-казахски берем и отдаем девушкам...»;

«С детства мы проводим ишлдехану той, жузык салу...»;

«Я сам встречаюсь с казахами из Восточного Туркестана, России, Турции, каждый принимает частичку культуры того места, где он вырос».

Религиозная идентичность

Сильная религиозная (мусульманская) основа — это отличительный признак казахской диаспоры, проживающей сегодня почти в 40 странах мира. Лояльное отношение к исламу в Великобритании позволило казахам и в этой стране исповедовать мусульманство. Казахская диаспора посещает турецкие мечети (за неимением казахской) мечети, отмечает основные религиозные праздники:

«В Турции это соблюдается (религиозные каноны). Родителям говорим, отправляйте детей учить казахский на шестой день, а они на шестой, седьмой дни отправляют детей в мечеть... Религию ставят выше языка. Они два дня отводят религии»;

«Когда наши предки оставляли Восточный Туркестан, у них было две цели. Это сохранить казахский язык и религию. Слава Богу, религия у нас сохранилась. Потому что есть и информация, возможность, мы религию сохранили больше всех. Но язык у нас хромает».

Образование и занятость

Из тех, кто работает в настоящее время, высшее образование имеют около 20%, у остальных — средне-техническое или вообще нет образования:

«Необразованных больше женщин. За 20 лет английский не выучили. Дома сидят».

Число получивших высшее образование в составе диаспоры (старшего поколения) очень низкое, так как, приехав из Турции в Европу, они начали заниматься поиском работы, обустройством, получением гражданства. На получение среднего и высшего образования не было времени и возможности. Многие, имея среднее образование, занимаются работой, не требующей квалификации (водители, таксисты, служащие ресторанов и кафе и т.п.):

«...в бизнесе, работали только в ресторанах. Большая часть работает в малом бизнесе... По Лондону работают таксистами, есть казахи, которые работают в ресторане».

В среде сегодняшней молодежи с каждым годом увеличивается число молодых, получивших высшее образование. Сагтар Коце (Thames Valley University, инженер-компьютерщик), Маруа Жаналтай (Kingston University, студентка географического факультета), Гокхан Кунеры, Халима Оздемир, Сафа Жаналтай и другие молодые казахи получили образование по программам бакалавриата и магистратуры в Лондоне. По программе среднего образования Великобритании по высоким показателям результатов экзамена гражданка Великобритании из казахской диаспоры Макпал Талгаткызы с оценкой «А» поступила на факультет естественных наук колледжа Тринити при Кембридже.

В Великобритании среди представителей казахской диаспоры можно назвать Хакана Одунжу (Dr. Nakan Oduncu), обучавшегося в университетах Манчестера и Кардиффа, доктора технических наук, работающего исследователем в Кардиффском университете. В данное время в вышеназванном университете он занимается научными исследованиями в университетских программах в сфере биоэлектроники. Хакан Одунжу является одним из немногих специалистов в данной области в Великобритании. Ниже предоставлен небольшой отрывок из интервью с ним:

«... в городке Бристоль работал в маленькой компании один год. После этого восстановил связь с университетом, поэтому продолжил там работать. Лекции не читал, а занимался офисными проектами, разрабатывал консалтинг с четырьмя другими инженерами. PhD получил по магнетизму и работал три года в Уэльсе. Мы помогали компаниям по проблемам магнетизма. В 2001 г. я знал, что стал хорошим специалистом по магнетизму, но меня больше интересовала медицина, ведь, помимо Кардиффского университета, я работал в Университете Гламурган в сфере медицинской электроники. У нас там были крупные проекты, в том числе помощь больницам, где я по сей день работаю, в технической аппаратуре, запчастях в хирургических отделениях. Также есть еще много проектов, но самый крупный этот. Пять-шесть лет была связь между университетом и больницей».

Проблемы современной казахской диаспоры

Высокая степень интегрированности казахской диаспоры в английское общество обусловила и типичные проблемы, присущие как основному социуму, так и представителям национальных меньшинств, к которым относятся и этнические

казахи. Например, в Англии уровень безработицы составляет 8—10%, такая же ситуация и в среде казахской диаспоры.

Актуально для представителей диаспоры и наличие источников информации о Казахстане и их качество:

«Нет информации на казахском. Есть информационный канал, но не предназначенный для диаспоры. В каждой стране есть такие каналы, которые информируют о событиях в другой стране... молодежь смотрит английские каналы. Вот поэтому у нас мало информации о Казахстане».

Канал CaspioNet есть почти в каждой казахской семье и является основным источником информации о Казахстане. Среди пожеланий по улучшению канала от представителей казахской диаспоры прозвучали:

- «...- увеличение передач об истории Казахстана;
- введение специальных программ по обучению казахского языка, ориентированного для подрастающего поколения казахской диаспоры;
- рассмотреть возможность использования турецкого языка в передачах (турецкий язык является одним из основных языков, использующихся в среде казахской диаспоры), тем самым расширится круг зрителей канала и, главное, информация будет доступна большинству этнических казахов, проживающих за границей».

Сетка вещания канала не рассчитана для просмотра на территории Европы. Интересные передачи (концерты, айтысы) передаются ночью, после 24-х часов, что является неудобным для большинства зрителей. Особое внимание необходимо уделить детям и молодежи. Так, очень часто отмечалось в ходе интервью о необходимости показов мультипликационных фильмов для детей на казахском языке. Для молодежи были бы интересны фильмы о жизни современной казахстанской молодежи. Транслируемые фильмы советского периода не являются интересными для большинства казахской диаспоры, так как данный период времени для них не знаком, более того, отпугивает их от Казахстана.

Еще одной социальной проблемой является беспокойство о будущем казахской диаспоры, которое зависит от современного поколения (от 18-ти лет и старше). Необходимость целенаправленной работы с данной категорией казахской диаспоры указывалась и в среде старшего поколения, и среди самой молодежной группы:

«Может, на всемирные курултаи казахов надо отправлять молодых? Чтобы на нас и взрослые не обижались, и одного из них отправим. Нужно учить молодежь. На них надежда. Мы, взрослые, приехали в Англию, чтобы три-четыре года поработать и вернуться назад. Ведь это мы — те, кто первым приехал. Здесь оставаться не думали. Здесь была сотня семей. Здесь остались 45 семей, остальные поработали три-четыре года и уехали. У нас нет возможности осуществить наши идеи. Турки, греки, каждый в свой день танцует у Биг-Бена (дни национальной культуры). А почему мы так не можем? Также хотим поставить юрты, предоставить блюда. Но нет возможности».

Развитие отношений между молодежью казахской диаспоры и молодежью Казахстана является одним из важных вопросов. Увеличивающиеся поездки в Казахстан дают свои плоды: во-первых, прошел страх неизвестности о настоящей ситуации в Казахстане, во-вторых, увеличились связи (родственные, образовательные, бизнес), выросло количество браков между казахами Казахстана и представителями диаспоры:

«Молодежь, которая ездила в Казахстан и общалась со своими ровесниками, стала лучше понимать о ситуации на исторической родине. У нас создавалась

футбольная команда, в составе которой были дети казахской диаспоры. Создали команду из 42-х детей. Ездили в Казахстан и соревновались с казахстанскими детьми. Их всех связывала одна цель. Во время соревнований они поиграют и сидят каждая команда отдельно. Потому что чужие друг другу и язык другой, одни на казахском говорят, другие — на турецком, английском. Некоторое время они не понимали друг друга. Потом начали общаться. После этого мой сын стал говорить, что ему надо съездить в Казахстан, друг приглашал. Видите, надо развивать это, вот как получается лучшее общение».

Проведение курултаев казахской молодежи в Казахстане становится более чем актуальным. В современной диаспоре увеличивается количество молодежи, целенаправленно поступающей в казахстанские высшие учебные заведения. Если ранее их родители не имели возможности учиться в вузах, то для нынешнего поколения это стало нормой. Молодое поколение, формирующееся в настоящее время, станет основой казахской диаспоры через 15—20 лет, и необходимо сейчас закладывать положительное отношение к Казахстану, к этническим корням. В данном случае необходимы специальные государственные программы.

В 2004 г. было образовано культурное общество «Казахская ассоциация в Великобритании» (Kazakh Association in United Kingdom) силами лондонской части казахской диаспоры, возглавляемой в настоящее время Исмаилом Кесижи. В настоящее время функционирует сайт www.kazakh.org.uk. Основной проблемой культурного общества является отсутствие помещения для активного функционирования объединения. В данный момент культурный центр казахской диаспоры готовится к проведению Малого курултая в Лондоне в мае 2009 г. [2], где будут обозначены следующие проблемы:

- юридически являясь гражданами Великобритании, казахская диаспора считает своей исторической родиной Казахстан и всячески старается быть его частью, даже находясь за его границами. Это выражено в первую очередь участвовавшими поездками на родину, отправкой детей на каникулы родственникам в Казахстан, изучением социально-экономического и политического положения современного казахстанского общества;
- оставаясь в Великобритании, европейские казахи хотели бы укрепить культурные отношения с исторической родиной для сохранения и передачи родного языка, религии, национальной принадлежности следующему поколению. Для решения этих проблем необходимы частые поездки представителей диаспоры, особенно подрастающего поколения;
- для облегчения возможности посещения Казахстана необходимо рассмотреть открытие виз по специальной программе для этнических казахов;
- актуальной для казахской диаспоры также является возможность посещения родины по причинам кончины близких, когда поездка должна состояться очень срочно, а процедура получения визы занимает некоторое время. В связи с этим, необходимо рассмотреть возможность облегчения процедуры выдачи виз или выдачи специальных свидетельств для въезда в Казахстан;
- представители диаспоры считают необходимым рассмотреть возможность принятия на работу в совместные предприятия Казахстана казахской молодежи из Европы, пользуясь их знаниями, при возвращении их на историческую родину в виде зарубежных специалистов;
- важную роль в жизни диаспоры играет посольство Казахстана. организо-

ванные курсы казахского языка позволяют сохранить родной язык, и необходимо рассмотреть вопрос о систематичности данных курсов. Одной из рекомендаций специалистов посольства Казахстана в Великобритании является направление специалистов — учителей казахского языка из Казахстана в гг.: Лондон, Париж, Кельн, Мюнхен, Вастерос, где проживает большее количество казахов. Данная рекомендация истекает из оценки современного положение диаспоры, главной проблемой которой является сохранение родного языка. Те, кто проживает в Западной Европе, переехали из Турции, и среднему поколению легче разговаривать на турецком. Веб-сайт «Алтай Ел», который чаще всего используется казахами, представляет информацию в основном на турецком языке, так как молодежи легче изъясняться на языке той страны, в которой они выросли. В связи с этим взрослые озабочены тем, что дети теряют родной язык, национальную принадлежность:

- учитывая скорость развития информационных технологий, для соотечественников за рубежом необходимо создать веб-сайт сообщества казахов всего мира. Этот сайт можно использовать для информации о работе ассоциации, о государственной программе по поддержке соотечественников за рубежом, для общения с соотечественниками, распространения художественных, детских книг и других целей. Совместно с казахстанскими издательствами было бы правильным составить национальную электронную библиотеку казахской литературы, в том числе и современной. При этом веб-сайт должен функционировать на трех алфавитах (кириллица, латиница, арабская вязь);

- необходимо обеспечить выход телеканала CaspioNet через прямой эфир в Интернете. Такой шаг оказал бы положительное влияние на пропаганду казахского языка и национальной культуры. Представители диаспоры Западной Европы просят показывать по телеканалу CaspioNet больше познавательных программ, художественных и мультипликационных фильмов. Переход на электронный формат увеличит аудиторию общества как среди диаспоры, так и среди зарубежных граждан;

- казахские сообщества Западной Европы предлагают проведение курултая казахской молодежи и футбольный турнир казахских диаспор в Казахстане. Необходимо задействовать не только казахов Европы, но и Монголии, Китая, Узбекистана, России, Ирана и других стран;

- необходимо рассмотреть возможность общения казахской диаспоры со студентами и магистрантами программы «Болашақ», что способствовало бы развитию отношений среди молодежи.

Казахская диаспора, проживающая в Великобритании, интегрирована в принявшее ее общество и несет на себе те же социальные проблемы, присущие английскому социуму, но имеет также особенность, выраженную в проблеме сохранения этнической идентичности в иноэтнической среде. Актуальность данного вопроса обостряется с естественным изменением социальной структуры диаспоры, «омоложением» ее состава. В данном случае усилия, прилагаемые только членами культурного центра, недостаточны. Важная роль отводится и Всемирной Ассоциации Казахов, и в целом государству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казахская диаспора: настоящее и будущее. — Астана, 2005.
2. Мамашев Т. Алыстағы ағайын. — Алматы, 2008.

Прием и прохождение государственной службы в Казахстане в 1920-е гг.

ДИСЕНБЕКОВА С.С.

Изучение социальных особенностей становления, развития и функционирования кадров государственного аппарата, анализ кадровой политики, их взаимодействия с социально-политическими институтами общества, определение места и роли этой деятельности в организации и функционировании системы государственного управления представляют значительный научный и практический интерес.

Как известно, результатом Февральской буржуазно-демократической революции в России в 1917 г. стало свержение самодержавия, создание Временного комитета Государственной думы и формирование Временного правительства (март 1917 г.) с новыми исполнительно-распорядительными функциями [1]. С февраля по октябрь 1917 г. в стране действовали два центра государственной власти: Временный комитет Государственной думы и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Однако продолжали свою деятельность и высшие органы власти: Государственный Совет, Сенат, министерства, военно-промышленные комитеты. При этом обозначились тенденции проведения административно-управленческой реформы, создания ряда новых структур государственной власти. Было составлено штатное расписание Министерства земледелия [2], которое предполагало включение практически всех бывших государственных служащих.

С марта 1917 г. в большинстве городов страны стали создаваться Советы — организации рабочих и солдат, а непосредственно в ходе революции — крестьян и трудящегося казачества, ставшие центрами управления на местах, на основе их впоследствии и была создана советская система государственного управления.

Попытки Временного правительства выстроить новую систему государственного управления не принесли результатов. На II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов большевики получили более 470 голосов из 649. В подготовленном В.И. Лениным обращении «К рабочим, солдатам и крестьянам!» было провозглашено установление Советской власти, переход власти к Советам на местах и образование Советского государства. Первые правовые акты — декреты Советской власти, принятые на съезде, имели конституционное значение. В них были сформулированы основные направления политики нового государства. Еще одним декретом было образовано первое Советское правительство — Временное рабочее и крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров. Его возглавил В.И. Ленин. Отличительной чертой новой власти стала интеграция законодательных и исполнительных функций.

Первое Советское правительство состояло в целом из образованных людей различного социального происхождения, а их средний возраст составлял около 36 лет. За плечами у большинства из них был значительный опыт нелегальной и легальной революционной деятельности, имелись научные труды и осмысленные подходы к управленческим проблемам [3]. На III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (январь 1918 г.) была законодательно оформлена Республика Советов, созданы Советы — народный представительный орган и принят ряд декретов и деклараций. Несколько ранее была принята Декларация прав народов России, подтвержден (декабрь 1917 г.) декрет о создании Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), в котором провозглашалось создание единого общеэкономического центра страны. При этом в основу деятельности ВСНХ был положен принцип централизации управления народным хозяйством по отраслям и участие трудящихся в управлении через фабрично-заводские комитеты. Вместо упраздненных старых органов власти сформированы (1918 г.) новые органы государственного управления — наркоматы. Юридическое закрепление сложившихся общественных отношений потребовало разработки и принятия Конституции РСФСР (июль 1918 г.). Ключевой задачей становилось построение системы управления, способной решать сложные задачи социалистического строительства. В работе «Государство и революция» В.И. Ленин отмечал, что после победы социалистической революции новая власть намерена сломать старый управленческий аппарат. Ведущий замысел состоял в построении нового государства при широком самоуправлении народа. Поэтому основными принципами государственной службы становились выборность и сменяемость чиновников, оплата их труда на уровне средней заработной платы рабочего, всеобщий контроль меры труда и потребления [4]. Такой подход не требовал создания постоянной и профессиональной государственной службы. Однако практика показала, что экономические и политические преобразования были невозможны без сильного государства и его властных органов, без профессионально подготовленного аппарата государственной власти.

Поэтому в партийных установках относительно подбора кадров указывалась необходимость учитывать не только политические качества, но и профессионально-деловые. Одной из задач советского государственного строительства стало создание и укомплектование органов власти квалифицированными кадрами государственных служащих и формирование новой системы государственной службы. Ряд декретов и постановлений упраздняли иерархию прежней государственной службы. В постановлении СНК (октябрь 1917 г.), посвященном правилам для служащих, указывалось, что все служащие государственных учреждений не имеют права покидать свои должности и обязуются выполнять возложенные на них обязанности, в случае нарушения правил, нерадивости в сдаче дел и отчетности правительству и органам власти, их имущество конфискуется, а сами они подлежат тюремному заключению [5]. Декретом от 10 ноября (24 ноября 1917 г.) были упразднены сословия и чины. Утратили силу регламенты, постановления и уставы, касающиеся государственной службы и государственных служащих.

В ряде документов того времени (программа РКП(б), 1919 г., резолюции IX съезда РКП(б), 1920 г. и др.) подчеркивалась «необходимость использования оставленных в наследство специалистов науки и техники». Особо акцентировалась невозможность решения задачи построения нового механизма управления без

специалистов буржуазной школы. Остро стоял вопрос об использовании старых специалистов в таких отраслях, как экономика, иностранные дела, банковское дело [6], не исключалась возможность привлечения буржуазных специалистов на ранних этапах формирования государственного управления. Немало бывших чиновников, прошедших собеседование и подтвердивших свою лояльность новому правительству, были приняты на государственную службу.

К концу 1918 г. было привлечено значительное количество чиновников из «старослужащих», на ранних этапах восстановления ведомств и учреждений они занимали, как правило, руководящие посты. В таблице 1 приведены данные о процентном составе кадров, привлеченных на государственную службу в РСФСР в 1918 г.

Табл. 1. Доля «старых» кадров, привлеченных на государственную службу в 1918 г. (в %)

Название ведомства	Процентный состав старых специалистов
Наркомат финансов	97,5
Наркомат путей сообщения	88,1
Наркомат госконтроля	80,0
Наркомздрав	60,9
Наркомзем	58,8
НКВД	46,2
Ревтрибунал ВЦИК	36,8
ВЧК	16,1

Источник: Реформа государственной службы: канадский опыт и российская действительность / Барабашев А.Г. [и др.]; отв. ред. А.Г. Барабашев и С.В. Кабышев. — М.: Формула права, 2006. — С. 55 (147 с.). (Рассчитано автором согласно источнику — Д.С.)

На основе анализа кадрового корпуса Высшего Совета Народного Хозяйства можно сделать вывод о том, что отношение органов власти к старым специалистам было предвзятым. Их редко назначали на руководящие посты, используя в качестве технических специалистов. Члены ВСНХ и члены коллегий наркоматов утверждались ЦК РКП(б), а потом назначались на должности постановлением Совнаркома. Президиум ВСНХ составляли большевики, половина которых по происхождению или по начальной трудовой деятельности были рабочими, а половина — интеллигенты, которые были записаны рабочими, хотя к 1917 г., по существу, таковыми не были, являясь уже профессиональными революционерами [7].

Проведенный нами анализ анкет служащих наркоматов, центрального государственного аппарата РСФСР, заполненных во время переписи 1918 г., показал, что 18 коммунистов (34,4% всех коммунистов аппарата) состояли на руководящей работе: 3 — народные комиссары, члены президиумов и коллегий, 5 — начальники управлений, комитетов, заведующие отделами и их заместители, 5 — заведующие подотделами, секциями, управляющие делами, 2 — уполномоченные, ответственные администраторы, 2 — инструкторы [8]. На местах к руководству Советов чаще всего привлекались большевики с дореволюционным стажем. Так, в числе председателей губернских исполнительных комитетов РСФСР 86% были большевики со стажем. В.П. Мельников и В.С. Нечипоренко также указывают,

что к началу 1919 г. среди 874 членов губисполкомов 39 губерний Центральной России члены РКП(б) составляли 80%, а среди 4046 членов уездных исполкомов коммунистов насчитывалось 65%. Таким образом, к 1920 г. треть всего состава коммунистов находилась на работе в органах Советской власти [9].

Из анализа использованных источников и материалов следует, что большевики уделяли большое внимание кадровой политике нового государства. В научных трудах того времени, в постановлениях органов партийной и Советской власти были сформулированы основные положения кадровой политики нового государства, цели, задачи и механизмы ее реализации. Так, при формировании кадрового корпуса советских органов власти предлагалось положить в основу следующие принципы: подбор кадров по политическим, деловым, нравственным качествам; обеспечение преемственности кадрового состава государственных служащих; стабильность кадрового корпуса наряду с обновлением, притоком свежих сил; изучение и проверка профессионального уровня государственных служащих на основе анализа результатов их практической деятельности, качества исполнения должностных обязанностей; бережное отношение к кадрам; постоянное обучение кадров, повышение их профессионального уровня, формирование для этого системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации служащих советских органов [10].

Понятия «государственная служба» и «государственный служащий» в первые годы Советской власти не были сформулированы, а непосредственное прохождение государственной службы регулировалось различными документами. В частности, не было нормативного правового акта, который регламентировал бы прием лиц на ответственные должности. Для их назначения требовалось «политическое решение» в отличие от приема трудящихся на работу через биржи труда.

Образование СССР (декабрь 1922 г.) означало возникновение нового государства с соответствующим государственным аппаратом. Высшим органом государственной власти стал съезд Советов Союза ССР. В период между съездами Советов верховную власть осуществлял Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) СССР, который являлся законодательным и административным органом. В период между сессиями ЦИК высшим законодательным и административным органом являлся ответственным перед ним Президиум ЦИК Союза ССР. Роль правительства выполнял Совет Народных Комиссаров (Совнарком), образуемый ЦИК и называвшийся так до 1946 г. Совнарком был распорядительным и административным органом, кроме того, он издавал декреты и распоряжения, обладавшие законодательной силой [11]. Совнарком состоял из наркоматов. По Конституции СССР 1924 г. наркоматы подразделялись на три типа: общесоюзные, объединенные (союзно-республиканские) и республиканские.

Создание Союза ССР, разработка и принятие Конституции знаменовали важный этап в формировании новой системы государственного управления. Поскольку перед руководством страны встала задача управления всеми сферами жизни общества, то возникла необходимость привлечения на государственную службу квалифицированных кадров, а перед правительством — задача подбора, расстановки, обучения руководящих работников. Пришедшие в структуры государственного управления люди обладали опытом партийно-организационной и партийно-агитационной работы в нелегальных условиях, а их управленческая и организационная компетентность была низкой. Так, в 1922 г. в общем со-

ставе членов губисполкомов КазАССР имели стаж работы в советских органах до 1 года — 12,6%, от 1 до 2 лет — 17,7%, от 2 до 3 лет — 23%, свыше 3 лет — 42,3%. Стаж работы членов уездных исполкомов характеризовался следующим образом: до 1 года — 17,1%, от 1 до 2 лет — 21,3%, от 2 до 3 лет — 19,3%, более 3 лет — 42,3%. Около 60% советских работников губернских и уездных исполкомов Советов имели менее чем трехлетний стаж управленческой деятельности [12].

В 20—30-е гг. XX в. управление персоналом представляло собой разнообразную работу с кадрами, которая включала в себя такие технологии и элементы, как изучение и учет сотрудников аппарата, сбор сведений и составление банка данных о служащих, создание резерва кадров, определение должностных требований к служащим, разработка нормативных документов, содержащих и регламентирующих вопросы ответственности, контроля, дисциплины, разработка мер по социальной защищенности и стимулированию эффективной работы, подбор кадров по политическим, деловым, нравственным качествам; обеспечение преемственности кадрового состава государственных служащих; стабильность кадрового корпуса наряду с обновлением, притоком свежих сил; изучение и проверка профессионального уровня государственных служащих на основе анализа результатов их практической деятельности. Требовалось создание системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала административных органов власти и служащих советских органов.

Ряд отмеченных положений был включен в нормативные правовые документы, которыми регламентировалась деятельность досоветской государственной службы. При этом имелось весьма существенное отличие: соблюдение принципа подбора кадров по политическому и классовому принципу, который стал доминирующим при проведении кадровой политики советского правительства. Представителям правящих ранее классов было отказано в праве занимать руководящие посты в госаппарате. Возобладала тенденция, при которой все большее количество работников назначались на руководящие должности преимущественно из представителей рабочего класса [13].

В изданных в декабре 1922 г. Временных правилах о службе в государственных учреждениях и предприятиях и в дальнейших разъяснениях был установлен ряд принципиальных положений. Так, на государственной службе запрещалось состоять лицам, лишенным этого права по судебному приговору, состоявшим в близком родстве с теми, кому они подконтрольны, находящимся с государственными учреждениями в отношениях коммерческого свойства, совмещающим государственную службу со службой в частных учреждениях, совмещающим основную государственную службу со службой в том же госучреждении или находящимся в контрольной или административной зависимости.

Особую актуальность приобрела проблема формирования, развития и становления новой системы подготовки управленческих кадров. Сформированные структуры государственной власти и управления возглавили бывшие «революционеры-подпольщики», многие из которых не имели управленческого опыта государственного строительства. Данные переписи служащих за 1922 г. дают возможность проанализировать и сравнить образовательный уровень служащих групп «А», «Б» и «В».

Табл. 2. Уровень образования административных служащих КазАССР в 1922 г. (в %)

Группа	Низшее	Среднее, общее	Среднее, специальное	Высшее
Группа «А»	9,6	16,4	10,0	57,0
Группа «Б»	13,6	12,8	9,2	61,0
Группа «В»	25,6	24,0	5,2	40,7

Источник: Государственный архив РК. Перепись служащих КазАССР. Документы СНК КазАССР 1922 г., ф. 6, § 4, л. 2—7. (Расчитано автором согласно источнику — Д.С.)

К началу 1930-х гг. в стране была создана система, которая деформировала принципы советского управления, провозглашенные В.И. Лениным. В органах управления все больше утверждалась роль и воля высшего должностного лица, власть административно-исполнительного, чиновно-бюрократического аппарата. Происходило подчинение интересов личности интересам государства, что говорит об укреплении партийно-государственной системы власти и утверждении тоталитарной системы управления, просуществовавшей вплоть до начала 90-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Ежов М.В., Ежова Г.В. История государственного управления и государственной службы России. — М: БЕК, 2004. — С. 78, 93.
- Река времен. Книга истории и культуры. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба / Ред. колл.: С.Г. Блинов и др.; фотосъемка В.А. Соломатина. — М.: Эллис Лак: Река времен, 1995. — С. 215.
- История государственного управления России / Под общ. ред. В.Г. Игнатова. — Ростов н/Д.: Феникс, 2002. — С. 4.
- Ежов М.В., Ежова Г.В. Цит. пр.
- Ленин В.И. Избр. соч. Т. 35. — М.: Знание, 1968. — С. 42.
- Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата. — М: РАГС, 2003. — С. 175.
- Дробижев В.З. Главный штаб социалистической промышленности: Очерк истории ВСНХ 1917—1932. — М., 1966. — С. 229.
- Государственный Архив РК. Документы СНК КазАССР 1919 г., ф. 8, § 41, л. 2—35.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Государственная служба в России. — М., 2003. — С. 251, 263, 271.
- Калибаев С.К. Коммунисты в органах управления КазАССР // Вопросы истории КПСС. — 1985. — №4. — С. 108.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Цит. пр.
- Калибаев С.К. Цит. пр.
- Мельников В.П., Нечипоренко В.С. Цит. пр.

Макаш Бекмухамедов о социальном положении киргиз-казахов Букеевской орды во второй половине XIX в.*

ИРЕНОВ К.Н.

Находясь на должности правителя 1-го и 2-го приморских округов Астраханской губернии, Макаш Бекмухамедов уделял большое внимание быту и нужде киргиз-казахов**, сохранению богатств растительного и животного мира на вверенной ему территории.

Он писал, что, владея богатой степью бесданно и беспощинно в продолжение целого столетия без малого, Орда наша никогда и ничего не предпринимала к упрочению своего благосостояния. Перешли наши киргиз-казахи сюда разоренные от смут за Уралом, быстро поправились и в короткое время стали славиться своим богатством. Постепенное обеднение народа при таком льготном состоянии, каким пользовалась орда, должно зависеть от причины, в самом же народе скрывающейся, которую нельзя объяснить природною беспечностью. Киргиз-казах от природы не обижен ни в каком отношении: он телом дороден, умом смышлен, бодр, смел, предприимчив, и видящие в киргиз-казахах врожденную беспечность и ленность — в большом заблуждении. Он не ленив и не беспечен, а только не имеет дела его занимающего, интересующего; он кочевник, а кочевая обстановка не требует разнообразия в занятиях, а потому бездеятелен он не по природе, а по образу жизни, не пробуждающему его к всесторонней деятельности. Мы знаем киргиз-рыболовов и в них видим отличных моряков и искусных пловцов, кои, если не превзошли своих местных сотрудников — русских рыболовов, то, смело говоря, вполне бы сравнялись с ними в морском деле.

Говоря о традиционных занятиях в животноводстве, в частности коневодстве, Макаш Бекмухамедов описывал хозяина большого табуна, застигнутого врасплох ужасною бурей в суровую, снежную зиму, когда лошади, мощные животные, стремительно мчатся по ветру, не видя перед собою ни тонких незамерзающих грязей, ни оврагов, ни пропастей, готовых разом поглотить бешено бегущих

* В настоящей работе анализируется из архивных данных публикации М. Бекмухамедова социальное положение киргиз-казахов, в частности, их быт и нужды во второй половине XIX-го в., особенно во Внутренней (Букеевской) орде.

** Как известно, в официальных документах периода Российской империи казахов ошибочно именовали «киргизами», «киргиз-кайсаками», «киргиз-казаками» и др. В настоящей публикации автором сохранена лексика того периода.

животных. Для отвращения в подобных случаях опасностей, угрожающих на каждом шагу, требуются самые энергичные и необычайные усилия. Неутомимый наездник, киргиз-казах, только и может выдержать борьбу с бушующей стихией, спасти свое добро от верной гибели. Где тут ленивая вялость?

Характеризуя киргиз-казахов как людей, одаренных от природы прекрасными качествами, его сильно беспокоил упадок благосостояния народа и отсталость. Причиной всего несчастья он считал не что иное, как кочевой быт.

Макаш Бекмухамедов как большой политик своего времени считал, что восстановление материального благосостояния при кочевом образе жизни немыслимо. Так, он писал в своих публикациях: «Кочевник вечный странник, скиталец. Он и думать не может об удобстве жизни, потому что всякое жизненное удобство расстраивает гармонию его пастушеского быта. Кочевничество, отнимая возможность у людей составлять правильные общества, отдаляет тем самым от способов умственного развития, вопреки замечательной любви киргиз-казахов к просвещению. Принимая в соображение наше прошлое и настоящее положение, невольно осознаем, что предки наши и при обилии и достатке не благоденствовали и были еще менее нас счастливы своими разорительными смутами, основа которых лежит, несомненно, в вольной кочевой жизни; теперь же, когда мы обеднели, не можем приняться за труд и все беднее, пожалуй, дойдем до крайности, то есть до нищеты, опять-таки это по причине кочевничества — этого вечного тормоза. Не пора ли подумать о перемене образа жизни, то есть принять полную оседлость, покуда нас не поглотила окружающая среда и покуда носим имя своих предков “киргиз-казахов”?».

Более того, он конкретно указал места, где можно перейти на оседлый образ жизни: «Для оседлости годны места, в изобилии имеющие пресную воду, топливо, сенокосы, в связи с предметом прочной промышленности. Прибрежье Каспийского моря во втором Приморском округе Внутренней Киргизской Орды, с обширной рыболовной промышленностью и с водным сообщением, со знаменитой рекой Волгою, кормящей многие губернии империи, вполне соединяет в себе все условия оседлости. Не менее удобны места в Таловской и Камыш-Самарской частях, на протяжении рек Поники и Малого Узенья, со своим хлебопашеством, и, наконец, поблизости Волги западные части Торгунской и Калмыцкой частей, где имеются лощины, заменяющие реки при искусственном задержании снеговой и дождевой воды, которой можно орошать и поля для образования богатых, сенокосных участков, имея под рукой также и хлебопашество».

Как опытный общественно-политический деятель он высказывал свою точку зрения о скотоводстве, советуя обзавестись оседлостью как единственным занятием, на котором, собственно, основан кочевой быт орды. Вникните глубже, стоит ли наше скотоводство того, чтобы ограничить на нем всю нашу деятельность? Обеспечивает ли оно наше существование? В том-то и беда, что скотоводство не совсем обеспечивает наше существование: тысячами отправляются ежегодно киргиз-казахи из пределов орды, ища заработков не из алчности к наживе, а для прокормления голодающих семейств. При этом от скотоводства нажить большое состояние никак невозможно. Редкие богачи-скотоводы, киргиз-казахи, увлекаемые своей обычной скотоманией, все еще стремятся к размножению скота, нисколько не заботясь об улучшении

его породы. Не лучше ли иметь сто голов взамен тысячи, если ценность этих цифр равна? Мало ли лошадей в России, стоящих каждая по несколько сот рублей? Тогда как у киргиз-казахов из пятисот голов едва ли найдутся две лошади, за которых хозяин мог бы верно рассчитывать получить по сто рублей, а всем остальным цена от пяти до сорока рублей, не более. Рогатый скот еще более в худшем состоянии. Поступили бы мы хорошо, если бы отказались от страсти к численному увеличению, сократив число скота на столько, чтобы он был верно обеспечен достаточным кормом на круглый год, и подняв его в отношении качественном на столько же, чтобы ценность его с избытком вознаградила скотовода за численное уменьшение скота. Тогда, наверное, не стали бы мы нуждаться в земле, жилось бы гораздо лучше и просторнее, и ни «Куян», ни «Донгуз» (название годов, примеченных кочевниками как тяжелые и разорительные для скотоводства), ни другие суровые зимы не могли бы нарушить наше благосостояние по хозяйству. Нет сомнения, что владелец ценного скота обязательно бы занялся улучшением ухода за ним, как за драгоценностью, — и это привело бы к сохранению скота от заразных болезней, развивающихся и распространяющихся преимущественно от небрежного обращения с хозяйством. Отчего эта небрежность? От того, конечно, что мы скотом малоценным мало дорожим.

Макаш Бекмухамедов как правитель Букеевской орды проявлял исключительную заботу о киргиз-казахах и беспокоился о будущем поколении, о чем свидетельствуют его политические воззрения и четко выраженные позиции. Он резюмировал: «Быть может, многие из наших отнесутся к моим советам, как к идее несбыточной, но я должен высказать откровенно вкравшееся в душу мое сомнение, что киргиз-казахи при настоящем образе жизни и укorenившейся косности едва ли сохранят свою целостность и свое имя. Народы, которых мы теперь знаем, в древности, в период своего младенчества, все почти были кочующими, а потом, когда убедились в недолговечности кочевой жизни, приняли оседлость, с которой начинается у них умственное развитие, и теперь благоденствуют. Пользуясь покровительством могущественнейшего в мире правительства и вполне осознавая его готовность поощрить всякое наше желание, касающееся улучшения нашего бытового строя, неужели мы останемся еще на неопределенное долгое время неподвижными в образе жизни? Движимый чувством и доброжеланием к своей родине, я позволю себе усладить мое воображение мечтою, что принятие оседлости и вместе с тем устройство правильных обществ, порядка пользования землей и всевозможных способов образования молодого поколения повели бы наш народ к направлению и расширению производительной силы его с развитием торговли и промышленности, и в скором будущем орда не столько поправила бы свое упавшее благосостояние, но и вернула бы прежнее богатство с избытком и в другом виде, более изящном и благородном».

Коснувшись, между прочим, главнейшего предмета — образования юношества, он подчеркивал: «...следует помнить, что на этом поприще, бесспорно, занимает первое место знание русского языка в такой мере, чтобы им свободно овладел каждый киргиз-казах». Убеждение мое в этом и не требует никакого пояснения как неоспоримая истина, но для большей наглядности в глазах моих собратьев я должен напомнить, что на русском языке говорит многомиллионное государство,

в котором мы имеем счастье числиться его членами; законы государственные писаны исключительно по-русски и, наконец, он — язык современных наук; и, что важнее всего, так это допустимость для нас этого богатейшего языка. Не требуется глубокого ума сказать с полным убеждением, что наука есть знание, а закон — правило жизни, следовательно, изучение русского языка есть средство жизни и знания.

Макаш Бекмухамедов как дальновидный политик критически оценивал перспективу, считая, что насколько легко давать советы, настолько же трудно их исполнять, в особенности, когда они направлены не к единичным лицам, а к целой массе. «Поэтому вся надежда возлагается на сочувствие передовых людей орды, пользующихся ее доверием, участие которых, несомненно, должно повлиять и помочь к постепенному развитию лучшего строя жизни, о котором стоит позаботиться истинным сынам орды», — подчеркивал он в своих выступлениях и публикациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекмухамедов М. Быт и нужды киргиз-казахов // Астраханские ведомости. — 1894. — №4.
2. Мамбетов И. // Вид. — 1882. — №11.
3. Бекмухамедов Махамед-Джань Чултурович // Астраханский вестник. — 1898, 3 мая. — №2720.
4. Джангверская школа. Альбом Букеевской орды. — 1896.
5. Зиманов С. Букеевское ханство. — Алматы, 1981. — 141 с.
6. Жалын. — 1988. — №3.
7. Фонд архива г. Астрахани. Ф. 1. 0,8. Д. 1124.
8. Военно-исторический архив. — М. Ф. 1. 0,1. Д. 28906. — С. 116—118.

К вопросу о политическом участии

ИЛЬЯСОВ С.К.

Участие в политической жизни населения является непосредственным показателем самоопределения личности, востребованности и осуществимости ею своих прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей. Именно участие индивида в политике в конечном счете показывает, насколько эта сфера жизни способна служить не только интересам крупных социальных групп, но также запросам и чаяниям рядового гражданина, обычного человека.

Отдельный индивид способен выполнять функции профессионального политика; лица, действующего в рамках групповых интересов и вместе с тем осуществляющего автономную линию поведения независимо от потребностей той или иной общности. Об особенностях осуществления индивидом элитарных и лидерских функций речь пойдет далее, а сейчас остановимся на характеристике политического участия рядового гражданина.

Известный американский политолог Дж. Нагель определяет политическое участие как действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности [1]. В этом смысле участие в политике понимается в качестве одного из средств, используемых человеком для достижения своих собственных, индивидуально осознанных целей. При этом данная форма реализации личных потребностей формируется в процессе взаимодействия индивида с правительством, органами власти, другими политическими институтами и силами.

Благодаря такому инструментальному отношению к политике, индивидуальное «участие» характеризует только конкретные формы практических действий человека, независимо от их мотивации или условий осуществления. Иными словами, к «участию» относятся только реально совершаемые в политике действия индивида. Осуществляя такие действия, индивид переступает через порог того умозрительного отношения к политическим событиям, которое выражается в эмоциях, оценках, суждениях и иных сугубо идеальных реакциях. В этом смысле политическое участие предстает как качественно иной, практический уровень включенности индивида в политическую жизнь, заставляющий его совершать там конкретные поступки.

В то же время некоторые формы пассивного отношения индивида к политическим процессам, в частности абсентизм (неучастие в выборах), неоднозначно расцениваются политологами. Одни из них, как, например, Р. Хиггинс, называя «политическую инерцию» и пассивность граждан (наряду с перенаселением,

голодом, нехваткой ресурсов и некоторыми другими явлениями) «основным врагом» человечества, исключают ее из политического участия. Другие (С. Верба, Л. Пай), в силу массовости такого рода фактов, напротив, расценивают их как одну из форм деятельного отношения индивидов к политике [2].

Среди практических действий людей политическим участием могут быть признаны только их целенаправленные поступки, то есть те действия, которые специально и сознательно проектируются и осуществляются ими в политическом пространстве. Иначе говоря, к политическому участию относятся лишь собственно политические действия, а не поступки, которые могут вызывать политические последствия. Например, сознательно спланированный приход на митинг может быть квалифицирован как политическое участие индивида, а его случайное появление там — не может. Или если гражданин специально сообщает управленческую информацию должностному лицу, то это может рассматриваться как форма его политического участия; если же эти сведения он передаст в центр принятия решений косвенным образом, например, в ходе случайного разговора с ответственными лицами, то в таком случае их беседа не может быть отнесена к формам политического участия данного гражданина.

Практические и целенаправленные формы политического участия характеризуются масштабностью и интенсивностью. Например, индивид может участвовать в решении местных или общегосударственных вопросов, заниматься постоянной активной деятельностью по организации избирательных кампаний, а может изредка принимать участие в выборах — и все это будут разные по значимости и интенсивности формы его политического участия.

Непосредственно характеризуя поступки индивида, политическое участие дает косвенную аттестацию и самой политической системе, то есть той внешней среде, которая сопутствует или препятствует политическим действиям граждан. Так, в одних политических системах индивид имеет возможность практически реагировать на затрагивающие его поступки властей, предпринимать те или иные действия в качестве реакции на сложившуюся в стране (регионе) ситуацию, а в других то же стремление действовать натывается на жесткость и неприспособленность политических структур к такого рода желаниям индивидов. Например, во многих демократических странах широко распространены судебные процессы, в которых рядовые граждане оспаривают действия правящих структур. В то же время в тоталитарных и деспотических государствах невозможны не только индивидуальные, но и групповые формы политического участия человека (в виде деятельности партий, общественно-политических движений и т.д.). Так что разнообразие форм политического участия неизменно определяется наличием условий и разветвленностью структур, способных воспринимать индивидуальные запросы граждан к власти.

Факты практического участия индивидов в политической жизни неоднозначно оцениваются представителями различных школ и направлений в политической мысли. Например, сторонники теории элит полагают, что участие рядовых граждан — это аномальное явление в политике, ибо основные функции по принятию решений, формированию государственной политики могут выполняться только на профессиональной основе. В этом смысле вовлечение широких социальных слоев, массы индивидов в политику рассматриваются ими как дисфункциональное и нежелательное.

Сторонники же воззрений французского просветителя XVIII в. Ж.Ж. Руссо, приверженцы марксистского учения, партиципаторной демократии и некоторых других течений исходят из того, что единственно оправданной нормой политической жизни является постоянное выполнение всеми гражданами функций по управлению делами государства и общества. В частности, В.И. Ленин писал о необходимости «прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством». Правда, повсеместность выполнения таких политических функций населением связывалась марксистами лишь с определенной исторической фазой — переходом от социализма к коммунизму, то есть с периодом отмирания государства. Однако суть подхода от этого не меняется [3].

Коротко говоря, в силу того, что каждый не только грамотный и активный гражданин объявлялся участником управления государством, политика трактовалась в качестве неотъемлемой стороны индивидуального существования, обязательного компонента стиля жизни личности. В этом смысле профессиональным управляющим отказывалось в каких-либо преимуществах перед рядовыми гражданами (в т.ч. в дополнительной ответственности перед населением). Они объявлялись тем политическим субъектом, чьи функции будут постепенно передаваться всем членам общества. Не случайно марксизм негативно оценивал деятельность государственной бюрократии, то есть чиновников-управленцев.

Другая группа ученых (И. Шумпетер) полагает, что функции управляющих и управляемых в политике неравнозначны: если элитарные круги обязаны обладать должной компетенцией для профессиональной организации управления государством, то рядовые граждане обязаны довольствоваться «символическими» формами участия и, прежде всего, голосованием. Как писал С. Пэтман, «единственным способом участия, доступным для граждан... является голосование за лидеров и дискуссии». Поскольку, по мнению многих сторонников таких взглядов, сложность реальных политических проблем и конфликтов столь высока, что включение в их обсуждение массы неквалифицированных лиц только усугубит и осложнит обстановку, то оптимально добиваться «поверхностного вовлечения» граждан в политику. В противном случае, с их точки зрения, излишняя активность населения и вовлеченность в процесс принятия решений будет угрожать стабильности системы власти. И самым страшным последствием такой массовой вовлеченности населения в политику может стать установление охлократических режимов, воцарение хаоса и беспорядка [4].

Практический опыт, являющийся, как известно, лучшим судьей в решении теоретических споров, показал, что для тех, кто не желает делать карьеру политика, вовлечение в эту область жизни требует дополнительных сил, знаний, психологической готовности к соперничеству и других внутренних усилий, которые не являются условиями, сопутствующими приятному времяпрепровождению. Напротив, политика нередко становится сферой выброса негативных эмоций человека, его социального перевозбуждения и духовного кризиса.

В реальной жизни большинство граждан не имеют ни времени, ни средств, ни возможностей для постоянного участия в политике. Политика для них — это область жизни, куда они добровольно вступают лишь в тех случаях, когда не могут иными путями реализовать свои интересы. И это не сфера саморазвития индивида, а область жесткой конкурентной деятельности, где правила поведения нередко противоречат законам и моральным нормам. Постоянные скандальные

разоблачения, назойливая реклама лидеров и непредсказуемость их поведения, политический терроризм — все это создает ту напряженность, которая превращает политику в отнюдь не благоприятствующую для жизни форму существования индивида. По сути дела, участие в политике есть форма критического социального поведения граждан.

В то же время неразрывная связь политики с жизненно важными для индивида интересами показывает, что и излишняя вовлеченность в данную область жизни, и длительное отчуждение от нее крайне опасны. В частности, это чревато либо искусственной политизацией общественной жизни и ростом напряженности человеческого существования, либо — из-за отсутствия у людей навыков поиска компромиссов, ведения дискуссий о проблемах общества и т.д. — воцарением конфронтационного стиля политической конкуренции, нарастанием экстремизма и радикализма в общественной жизни.

Степень и характер включения личности в политическую жизнь непосредственно определяются значимыми для нее причинами, факторами участия. Последние крайне разнообразны и напрямую связаны с ролями, которые индивиды играют в политической жизни. «Роль», по Г. Алмонду — это разновидность («часть») политической деятельности, свидетельствующая о том, что индивид может быть избирателем, активистом партии, членом парламента и т.д. И при этом каждая политическая роль имеет свою функциональную нагрузку, предполагающую соответствующие возможности и обязательства (ответственность) личности перед государством (партией, обществом) [5].

Понимание факторов политического участия играет принципиально важную роль в толковании его природы и роли индивида в политике. В самом общем плане факторы политического участия традиционно рассматриваются через два его глобальных механизма: принуждение, которое делает упор на действии внешних по отношению к индивиду сил, в том числе на разумность власти и ограниченность необходимых для самостоятельного участия в политике свойств индивида (Т. Гоббс), а также интерес, который, напротив, ориентируется на внутренние структуры действия индивида и сложную структуру личности (А. Смит, Г. Спенсер).

Так, в XIX в. основное внимание уделялось надличностным, объективным факторам, например, наличию институтов, тем или иным социально-экономическим условиям жизни людей, духовной атмосфере общества и другим аналогичным показателям, которые должны были дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, что заставляет человека включаться в отношения с публичной властью. В своих крайних формах эта социальная детерминация растворяла личность в общественных отношениях, делала ее безликим исполнителем воли класса, нации, государства.

В нынешнем же столетии, наряду с признанием определенного значения общественных норм и институтов, основной акцент делается, главным образом, на субъективные факторы, на характеристику индивидуальных воззрений, психологические состояния конкретных лиц, наконец, на культурные традиции и обычаи населения. Сложилась даже парадигма «автономного человека» (А. Горц, О. Дебарль), основанная на признании несовпадения публичных норм и институтов с мотивациями конкретной личности, что якобы обуславливает принципиальную неспособность науки адекватно раскрывать подлинные причины политического

участия личности. Такая гиперболизация индивидуального начала превращает политику в совокупность спорадических, случайных поступков личности.

В современной политической мысли принято различать предпосылки (условия) и факторы (непосредственные причины, обуславливающие действия индивида) политического участия. К первым относятся материальные, политико-правовые, социокультурные и информационные отношения и структуры, которые создают наиболее широкую среду для различных проявлений индивидуальной активности. В границах этой среды складываются те главные причины, к которым можно отнести макро- (способность государства к принуждению, благосостояние, пол, возраст, род занятий) и микрофакторы (культурно-образовательный уровень человека, его религиозная принадлежность, психологический тип и т.д.) политического участия. Каждый фактор способен оказывать решающее влияние на те или иные формы политического участия людей, в зависимости от временных и пространственных условий их жизни. Но наибольшее значение в науке придается психологическим состояниям личности, например, ощущению угрозы своему общественному положению (Г. Лассуэлл); рациональному осознанию своих интересов и завоеванию нового статуса (А. Лэйн); желанию жизненного успеха и общественного признания (А. Доунс); пониманию общественного долга и реализации собственных прав, страху за самосохранение в общественной системе и т.д.

В сочетании различных факторов и предпосылок выявлены определенные зависимости. Например, данные разнообразных и долголетних социологических наблюдений показывают, что чем богаче общество, тем больше оно открыто к демократии и способствует более широкому и активному политическому участию граждан. Более образованные граждане чаще других предрасположены к участию в политической жизни, у них сильнее развито чувство восприятия эффективности своего участия, и чем больше у таких людей доступ к информации, тем больше вероятности, что они будут политически активными (В. Кей) [6].

Вместе с тем анализ политических процессов в демократических странах выявил и то, что неучастие является показателем не только пассивности или убежденности граждан в том, что их голос ничего не изменит, но и уважения и доверия людей к своим представителям. Так, во многих демократических странах Запада широкие возможности контроля общественности за правящими кругами, традиции публичной критики действий властей в СМИ, отбор профессионально подготовленных лиц для руководства и управления снижают степень повседневной вовлеченности граждан в политический процесс. Иными словами, в условиях высокой гарантированности своих политических и гражданских прав люди весьма рационально относятся к формам участия в политике, доверяя правящим кругам осуществлять повседневные функции по управлению государством и обществом и оставляя за собой право контроля и оценки их деятельности на выборах и референдумах.

Одновременно политическая практика XX в. дала и множество примеров «кризиса личности в политике», выражающегося в распространении насилия и террора или таких явлений, как коррупция, неповиновение граждан закону и т.д. Широкое распространение и воспроизводство таких форм политического участия многие ученые связывают с кризисом базовых демократических ценностей, нарастанием интенсивности жизни в крупных городах, негибкостью политических форм для

самовыражения все более усложняющейся личности, нарастанием отчужденности индивида, кризисом прежних форм его договора с государством и т.д.

В самом общем виде многообразие форм и разновидностей политического участия зависит от определенных свойств действующего индивида, характера режима правления, а также от конкретной ситуации. Соответственно, американские политологи С. Верба и Л. Пай выделяют следующие разновидности политического участия: пассивные формы политического поведения граждан; участие людей только в выборах представительных органов власти или только в решении местных проблем; политические действия активных участников предвыборных кампаний; деятельность политических активистов, распространяющих свою активность на всю сферу политики; профессиональные действия политиков.

Другой американский ученый А. Милбэрт разделяет формы политического участия на «активные» (руководство государственными и партийными учреждениями, деятельность кандидатов в представительные органы власти, организация предвыборных кампаний и т.п.), промежуточные (участие в политических собраниях, поддержка партий денежными пожертвованиями, контакты с официальными лицами и политическими лидерами и т.д.), наблюдательные (ношение на демонстрациях транспарантов, попытки других граждан вовлечь кого-либо в дискуссии и т.д.) и, наконец, выделяет «апатичное» отношение граждан к политике.

В самом общем виде различают мобилизованное и автономное политическое участие. Первое характеризует те формы вовлечения индивида в политику, которые исходят от власти, государства, органов принуждения, создающих условия для втягивания личности в политические отношения помимо ее воли. Следовательно, политическое участие не является тем инструментом, посредством которого люди хотят повлиять «на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия» [7]. Итак, индивид включается в политическую жизнь, становясь заложником воли лидеров, властей, их искусства манипулировать людьми.

Разновидности автономного политического участия, напротив, демонстрируют действия, которые индивид предпринимает, во-первых, самостоятельно обращаясь к политическим формам защиты своих интересов, а во-вторых, столь же автономно выбирая формы и каналы проявления своей активности. В этом смысле политическое участие наиболее полно отвечает своей природе и сущности как инструменту разрешения индивидуальных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Д.В. Теория политического участия. — М., 1997. — С. 2.
2. Там же. С. 25.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 106—107.
4. Pateman, S. *Participation and Democratic Theory*. — Cambridge, 1970. — P. 5.
5. Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования // Полис. — 1999. — №5.
6. Гончаров Д.В. Цит. пр. С. 28.
7. Pateman, S. *Op. cit.*

ЛАУМУЛИН М.Т.

Cohen, A. *Kazakhstan: the Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation*. — Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2008. — 287 p.

Именно такое название напрашивается в связи с новой книгой известного американского политолога Ариэля Коэна — «Казахстан: дорога к независимости», у которой есть подзаголовок «Энергетическая политика и рождение нации». С первого взгляда бросается в глаза, что это фундаментальный труд, посвященный современной истории Казахстана. Книга охватывает всю основную проблематику постсоветской истории республики с упором на энергетические проблемы. Репутация автора общеизвестна: Коэн давно зарекомендовал себя в качестве одного из самых стойких критиков российской политики и поведения других режимов на постсоветском пространстве, включая Центральную Азию. Однако в данном случае мы видим совсем другого Коэна — внимательного и снисходительного наблюдателя.

Выходу данной книги в свет сопутствует интересный факт: еще годом ранее была выпущена аналогичная работа, но на русском языке, хотя и в Нью-Йорке (см.: Коэн А. Дорога независимости. Энергетическая политика Казахстана. — New York: Global Scholarly Publications, 2007). Обычно в (пост)советологическом мире на Западе происходит наоборот: сначала появляется оригинал, а затем он переводится на русский язык. В чем отличие двух изданий? Во-первых, в объеме: англоязычный вариант почти в два раза больше. Во-вторых, книга существенно расширена за счет разделов, которых вообще не было в русскоязычной вер-

сии и которые посвящены сложным моментам внутривнутриполитической эволюции Казахстана. Здесь автор получил возможность высказать те критические замечания в адрес политик казахстанского руководства, которые он почему-то счел нужным замолчать в первом издании.

И, в-третьих, английский вариант исследования заметно выиграл благодаря обширным главам (прежде отсутствовавшим), посвященным международным связям и внешней политике РК в контексте казахстанской трубопроводной и энергетической политики. Таким образом, англоязычное издание представляет собой законченный и завершённый труд, подробно освещающий стратегию и тактику Казахстана на мировой арене в качестве одного из ведущих игроков в нефтегазовой сфере — или позиционирующим себя таковым. Поэтому обратимся к английской версии.

Основная мысль книги Коэна и квинтэссенция его концепции состоит в том, что Казахстан не мог состояться как независимое и успешное государство, не будучи тем, что западная политология называет *petro-state* (нефте-государство). И если обычно в это название вкладывают негативное значение, то Коэн находит здесь положительный смысл. Автор обращает внимание на такой факт, что, помимо внутривнутриполитической стратегии (сначала экономика, потом политика) и внешнеполитической доктрины (многовекторность и евразийство), у

создателя современного Казахстана имелась и глубоко разработанная энергетическая стратегия. Ее смысл состоял в том, чтобы избежать ловушек, в которые попадали в свое время многие нефтедобывающие страны, либо осуществившие тотальную национализацию нефтяной отрасли в ущерб производству, либо бездумно раздавшие свои природные богатства транснациональным компаниям. Казахстан сумел, по мнению Коэна, найти золотую середину в виде баланса интересов между заинтересованными геополитическими силами, с одной стороны, а с другой — в виде баланса между внешними игроками и национальными интересами страны. Кроме того, был найден баланс между элитами и основной массой населения, получившими свою долю национального богатства.

Трубопроводы из Каспийского региона, вокруг которых было сломано столько копий в ходе большой геополитической игры, Коэн метко называет «трубами независимости», вкладывая в них особый метафорический смысл. Если для большинства политологов трубопроводы символизируют зависимость от того или иного геополитического актора, сумевшего навязать свой маршрут, то Казахстан сумел превратить их (вне зависимости от направления) поистине в трубы своей экономической и политической независимости, считает автор. Следует отдать должное автору, который не замыкается исключительно на нефтяной проблематике, а рассматривает в своей книге другие вопросы энергетики — газовый, угольный и урановый.

Какие выводы делает Коэн, изучив короткую, но столь насыщенную историю независимого Казахстана?

Исследователь склонен видеть в нашей стране будущего «евразийского тигра», хотя эту мысль он ставит в качестве заголовка к последней части книги под вопросом. Его выводы адресованы к тем, кто определяет стратегию и политику Запада, и звучат следующим образом: Казахстан представляет собой уникальный феномен в сердце Азии, совмещающий элементы Востока и Запада. Поэтому, резюмирует Коэн, «слишком важно не позволить ему упасть в руки ностальгических реставраторов империи». Как представляется, намек слишком прозрачен и не нуждается в комментариях.

Но другой вывод американского политолога содержит более существенную мысль: Казахстан — это гораздо большее, чем источник углеводородов. Это успешная модель развития для всего евразийского пространства, для мусульманского мира и стран с переходными экономиками. Казахстан до сегодняшнего дня успешно балансировал между Севером, Востоком и Западом. И нет оснований, считает Коэн, менять этот оправдавший себя путь. Запад должен способствовать сохранению сложившейся казахстанской модели как светского, прогрессивного и дружественного ему государства.

После выхода в свет книги А. Коэна ситуация в мире и в самом Казахстане радикально изменилась: начался мировой финансовый кризис, который сделал эту работу во многом исторической по характеру. В истории Казахстана открылась новая глава: страна стоит перед очередными вызовами истории. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что рекомендации и выводы американского ученого не потеряют своей актуальности на новом этапе наших отношений с внешним миром.

Dave, B. Kazakhstan — Ethnicity, Language and Power (SOAS). — London, New York: Routledge, 2008. — XIV+256 p.

Современная зарубежная казахстаника пополнилась новой работой о нашей стране. Это увидевшая свет в рамках центральноазиатской серии Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета книга английской (индийского происхождения) исследовательницы Бхавны Дэйв (Деви) «Казахстан: этничность, язык, власть». Вот как объясняет сама автор, в течение многих лет проводившая полевые исследования в нашей республике, свой интерес, побудивший ее написать эту книгу. По ее мнению, эволюция и исторический опыт советского и постсоветского Казахстана уникальны: республика последовательно пережила ряд исторических экспериментов над своей идентичностью, сохранив при этом этничность (посредством системы власти).

Чтобы найти решение проблемы, автор выделяет в истории и современном развитии Казахстана несколько ключевых проблем, которые соответственным образом представлены в отдельных главах. Вот они, и их всего семь. Первая проблема связана с процессами, сопровождавшими интеграцию казахов в советскую систему. Здесь автор выделяет в качестве ключевого вопрос о том, как им удалось сочетать этнонациональный по своей сути процесс сохранения (возрождения) идентичности с интернациональным характером советской системы. Дэйв видит данный процесс через триаду: вхождение в империю, сотрудничество и транзит. Другая глава носит более конкретный характер и непосредственно освещает судьбу

казахского номадизма в ходе указанных исторических пертурбаций. Здесь она отмечает, что в дореволюционном Казахстане уже были заложены базовые элементы антиколониальной идентичности казахов, но одновременно происходило и формирование пророссийской части казахской элиты, которая сыграла (и играет до сих пор) столь важную роль в истории и политической жизни страны.

Третья проблема тесно связана с результатами этого исторического эксперимента (имеется в виду чрезмерная русификация). Автор открыто говорит о феномене «манкуртизма» как результате модернизации казахов на советский манер. Четвертая глава исследования выходит за рамки собственно Казахстана: здесь автор пытается обобщить весь центральноазиатский опыт в комплексе. Как считает британская ученая, для всех обществ региона характерно крушение попыток их политических элит и местной интеллигенции обрести национальную идентичность посредством отказа от заданных в советскую эпоху параметров. Поэтому для всех без исключения республик региона (и для большинства постсоветских государств других регионов бывшего Союза, добавим мы вслед за Дэйв) характерна метаморфоза следующего содержания: это трансформация от «коммуниста к националисту».

Пятая глава книги посвящена объяснению удивительного, по мнению автора, парадокса: почему политика насаждения казахского языка в качестве единственного не привела к острым

конфликтам на национальной почве в республике или к сопротивлению среди неказахской части населения. Как считает исследовательница, ключ к разгадке лежит в разрыве (и очень значительном) между статистическими успехами распространенности казахского языка и степенью его реального применения. Шестая глава продолжает предыдущую проблему и затрагивает причины низкой активности и малой политической мобилизации русскоязычного населения против, как выражается автор, «националистического проекта». Причина кроется в поразительной стойкости и живучести заложенных в советское время институтах интернационализма и этнической толерантности, в полной мере сохранившихся в казахстанском обществе.

И, наконец, в последней главе делается попытка выяснить истинную природу современного Казахстана в качестве «национального государства» (государства-нации). Исследовательница сравнивает казахстанский опыт национального строительства с индийским и малайским и приходит к выводу, что в Казахстане содержание этого процесса свелось в первую очередь к укреплению власти и могущества местной элиты. В результате (по мере укрепления патрона-клиентистской системы) республика совершила трансформацию по превращению в патримониальное государство. А если посмотреть на проблему с точки зрения результатов процесса этничности, то казахи получили статус

«первых среди равных», который, впрочем, не закреплен на конституционном или законодательном уровне. В целом же казахи как этническая группа не располагают особыми экономическими преимуществами перед другими национальностями, если брать среднестатистические показатели (а не уровень жизни казахской элиты). Преимущество казахов в их собственной стране, заключает Дэйв, свелось к обладанию некими психологическими символами (как, например, статус государственного языка), но не дающими реальных привилегий основной массе населения.

Таким образом, построение «национального» государства в Казахстане носит фактически символический (имитационный) характер. Лакмусовой бумажкой в этом историческом эксперименте является полное отсутствие какой-либо общенациональной идеи, которая объединяла бы все социальные слои и этнические группы населения, и попытки создать которую не раз предпринимались в ходе строительства государства.

Чем еще привлекает данная книга? Это, конечно, посвящение нашему коллеге, блестящему казах(стан?)скому историку и политологу Нурбулату Масанову. Мы считаем, что лучшей эпитафии и лучшего научного памятника нашему товарищу и другу не найти. Бхавна Дэйв фактически развила в своей работе и довела до логического конца все основные идеи и мысли Н. Масанова, и одно только это говорит о научной значимости ее книги.

Summary

Kazakhstan's Practical Measures of Overcoming the Consequences of the World Economic Crisis

Sultanov B.K. — Director of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of History

This article is dedicated to the consequences of the world economic crisis and practical measures of its overcoming undertaken by the government of Kazakhstan. Characterizing by a high level of development of market institutes,

large industrial complex and developed bank system, possessing the considerable investment resources, Kazakhstan is the first one among the countries of the Central Asian region which faced financial crisis and the most suffered from its displays.

International Relations in the End of the First Decade of the XXI century: from Unipolarity to...?

Medeubayeva Zh.M. — Head of International Relations at Eurasian National University named after I. Gumilev, Candidate of History, Senior Lecturer

The current status of the world order after collapse of bipolar system and US attempt in creation of unipolar system as a unique superpower of the world are

considered. The author analyzes problem of impact of this process on international relations as a negative factor of the world integration.

View on Globalisation of Media through a Prism of Ensuring National Security of the Republic of Kazakhstan

Morozov A.A. — Head of Socio-Political Research Department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

The article examines one of the main lines of contemporary policy, so-called virtualization, i.e. transition of real political characters into virtual space. The next part of scientific and technical revolution, dynamical development of TV and the

Internet and, as consequence, origin of the global information society have led to emergence of new political technologies. This phenomenon has obtained a lot of definitions: network policy, virtual policy, mediocracy and netocracy.

Nation Building in Contemporary Kazakhstan: Challenges and Perspectives

Kozyrev T.A. — Senior Researcher of Socio-Political Research Department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology

The theme of building of the civil nation in Kazakhstan throughout a number of years causes fierce disputes in the society. The issue on implementation of this project in our conditions as well as definition of concept "civic nation" are under discussion.

This article is attempted to accurately formulate a number of key issues. In our opinion, these issues are not always clearly articulated that in itself is quite often source of misunderstanding.

State of Language among Kazakh and Russian-Speaking Population of the Northern Kazakhstan

Kalysh A.B. — Head of Kazakhstan's History Department at Kazakh State Female Pedagogical University, Candidate of History, Senior Lecturer

Contemporary linguistic processes in main ethnos of the Northern Kazakhstan, i.e. Akmola, Kostanai, Pavlodar and North Kazakhstan oblasts are considered on the basis of statistic and ethno-social materials.

Much attention is paid to the research of the functioning of the mother tongue, Kazakh as a state language, Russian as a language of international communication and also to various forms of bilingualism.

Socio-Economic Mechanism of Implementation of Financial Credit Policy

Nysanbek U.M. — Deputy Director of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

The article is dedicated to socio-economic mechanisms of implementation of financial credit policy. Development of credit system is necessary condition for formation of good economic environment,

business and economic development as a whole because the credit is needed for the expanded reproduction, ensuring production funds turnover and circulation funds.

Socio-Economic System: Genesis and Complexity Classes

Kazieva R.K. — Candidate of Economics, Senior Lecturer at Kazakh Economic University named after T. Ryskulov, Certified Project Manager (IPMA), President of PA "Dinur-Eko"

Classification of socio-economic systems taking into account signs of organizational complexity has been proposed. Using basic concepts and conceptions of theories of systems and system analysis in the appendix to object of research, allows to reveal the basic laws, tendencies

and prospects. The contemporary world economy undergo difficult and ambiguous time. Trends of globalisation and financial crisis demand scientific reconsideration of achievements of the world and national systems, definition of objectives and development prospects.

New Amendments to Anti-Crisis Plan of the Peoples Republic of China (How Effective are China's Anti-Crisis Measures?)

Izimov R. Yu. — Research Fellow of Foreign Policy Research Department of KazISS under the President of the Republic of Kazakhstan

This article is dedicated to the consequences of the world economic crisis and amendments to anti-crisis plan of the Peoples Republic of China undertaken on its overcoming. According to the author, it is possible to safely ascertain that, despite

optimistic forecasts of many influential economists, the world economic crisis has concerned all countries of the world. The Chinese economy, which is the second one in the world, is also under big recession.

The Transition Theory to Socialism without Passing through Capitalism and Its Implementation in Kazakhstan

Musyrman A.Sh. — Deputy Head for Scientific Work at Military Institute of Internal Forces of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Candidate of History, Colonel, Petropavlovsk

The article is dedicated to problems of carrying out of political-economical reforms in 30th years of the XX century in the territory of Kazakhstan. These reforms (collectivisation, settlement and

industrialisation) were in practice as artificial conglomerate of the whole group of decisions on modernisation of the Kazakh aul, migration village and the Cossack village.

Features of the Status of the Russian Consuls and Consulates in Xinjiang (the end of the XIX — the beginning of the XX century)

Galiev V.V. — Candidate of History

Features of the status of the Russian consuls and consulates and their activities as representatives of neighboring states are considered in the article. Certainly, in the conditions of Xinjiang, the Russian consuls

were also political representatives. They were active participants of "big game", started by great powers in Central Asia in the second half of the XIX — beginning XX century.

Evolution of the Central Asian Mahall (from Medieval Phenomenon to Element of Traditional Society)

Gusakov V.V. — Candidate of Political Sciences

The article is devoted to mahall evolution of problems — economic, administrative and fiscal unit of feudal Central Asian cities. Regular researches devoted to the social

and economic supporting city life including its quarter organization, its interrelationship with issues of historical-topographical development of cities.

Socio-Economic Situation of the Compatriots Living in Great Britain (Sociological Analysis)

Rakisheva B.I. — Director of the Institute of Comparative Social Studies of CESSI Kazakhstan, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer of Political Technology Department at the Academy of the Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan

The author conducts the sociological analysis social and economic position of the Kazakh diaspora living in Great Britain. According to the author, the Kazakh diaspora living in Great Britain is integrated into the society and bears on itself the same social problems inherent to English society but also has also feature expressed in the problem of preservation of ethnic identity in foreign ethnic identity.

Enrolment and Passage of Public Service in Kazakhstan in 1920

Disenbekova S.S. — Post-Graduate Student at the Academy of the Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Astana

The author conducted a retrospective analysis of formation of the soviet system of enrolment in public service and passage of it in the territory of Kazakhstan in 20th years. Statistic data about enrolment criteria and passage of public service in the territory of Kazakhstan in the twenties are presented. The author provides grounds that in the early thirties the country had a system established, which deformed Lenin's principles of enrolment in public service and passage of it.

Makash Bekmukhamedov about a Social Status of Kirghiz-Kazakh of the Bukeyev Horde in the Second Half of the XIX century

Irenov K.N. — Candidate at Pavlodar State University named after S. Toraiyrov

The article is dedicated to sights of political figure Makash Bekmukhamedov about a social status of Kirghiz-Kazakh in the second half of the XIX century. Makash Bekmukhamedov as the governor of the Bokeyev Horde took care Kirghiz-Kazakh and thought about future generation, which is proven by his political views and clearly expressed positions.

The Issue on Political Participation

Ilyasov S.K. — Lecturer of Philosophy, Sociology and Political Science Department at Pavlodar State University named after S. Toraiyrov, Master of Political Science, Candidate at Analytical Center "Strategy"

The article is devoted to problem of individual's participation in political life of population as it is a direct indicator of self-determination of the person, demand and practicability of his rights, expression of understanding by the person of the social status and possibilities. Finally, individual's participation in the politics shows how much this sphere of life is capable to serve not only to interests of large social groups but also inquiries and expectations of citizen and person.

Сведения об авторах

Журнал «Казakhstan-Спектр» №2, 2009

Галиев В.В. — кандидат исторических наук

Гусаков В.В. — кандидат политических наук

Дисенбекова С.С. — аспирант Академии государственного управления при Президенте РК, г. Астана

Изимов Р.Ю. — научный сотрудник отдела внешнеполитических исследований КИСИ при Президенте РК

Ильясов С.К. — преподаватель кафедры философии, социологии и политологии Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, магистр политологии, соискатель Аналитического Центра «Стратегия»

Иренов К.Н. — соискатель Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова

Казиева Р.К. — кандидат экономических наук, доцент КазЭУ им. Т. Рыскулова, сертифицированный менеджер (IPMA), президент ОО «Динур-Эко»

Калыш А.Б. — заведующий кафедрой истории Казахстана Казахского государственного женского педагогического университета, кандидат исторических наук, доцент

Козырев Т.А. — старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат филологических наук

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Медубаева Ж.М. — заведующая кафедрой международных отношений ЕНУ им. И.Н. Гумилева, кандидат исторических наук, доцент

Морозов А.А. — заведующий отделом социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК

Мусырман А.Ш. — заместитель начальника по научной работе Военного института Внутренних войск МВД РК, кандидат исторических наук, полковник, г. Петропавловск

Нысанбек У.М. — заместитель директора КИСИ при Президенте РК

Ракишева Б.И. — директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казakhstan, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Политические технологии» Академии государственного управления при Президенте РК

Султанов Б.К. — директор КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук